

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

**ЕВРОПЕИЗМ И АТЛАНТИЗМ
В ПОЛИТИКЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

**Москва
ИМЭМО РАН
2009**

УДК 327
ББК 66.4(4)
Европе 242

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений» основана в 2009 году

Авторы:

д.полит.н. Н.К. Арбатова (Введение, Гл. 4, Заключение), Т.Н. Андреева (Гл. 3),
к.и.н. К.В. Воронов (Гл. 6), к.и.н. К.П. Зуева (Гл. 1), к.и.н. А.М. Кокеев (Гл. 2),
к.полит.н. П.С. Соколова (Гл.7), к.полит.н. С.В. Уткин (Введение, Заключение), к.и.н.
Е.Г. Черкасова (Гл. 5)

Ответственный редактор – д.полит.н. Н.К. Арбатова

Европе 242

Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / Отв. ред. –
Н.К. Арбатова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 118 с.

ISBN 978-5-9535-0220-7

Монография посвящена проблемам соотношения атлантистского и европейского векторов во внешней политике ведущих стран Евросоюза. Сотрудничество европейских стран с Соединенными Штатами имеет стратегический характер и будет сохранять свое значение в будущем. С углублением европейской интеграции всё большую актуальность обретает вопрос о том, как достичь оптимального баланса интересов, который позволил бы успешно развивать и внутриевропейское, и трансатлантическое взаимодействие.

EUROPEANISM AND ATLANTICISM IN THE POLITICS OF STATES OF THE EUROPEAN UNION

The main topic of this paper is a correlation between Europeanist and Atlanticist mood in the foreign policy of the leading EU members. European countries' cooperation with the US is of the strategic character and will keep its significance in the future. As European integration gets deeper, the issue of the optimal balance of interests, that would allow for a successful intra-European and Transatlantic interaction, becomes ever more valid.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0220-7

© ИМЭМО РАН, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: Соотношение атлантизма и европеизма в ЕС.....	4
Глава 1. Французский «евро-атлантический проект».....	20
Глава 2. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ.....	34
Глава 3. Британская стратегическая культура между европеизмом и атлантизмом на рубеже XX-XXI веков.....	45
Глава 4. Эволюция европеизма и атлантизма во внешней политике Италии.....	66
Глава 5. Испания между атлантизмом и европеизмом (постфранкистский период)..	81
Глава 6. Страны Северной Европы: на стыке геополитических линий.....	91
Глава 7. Соотношение европеизма и атлантизма во внешней политике Греческой Республики.....	105
Заключение.....	119

ВВЕДЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ АТЛАНТИЗМА И ЕВРОПЕИЗМА В ЕС

Определяя свою внешнюю политику, европейские страны неизбежно сталкиваются с необходимостью выработать свое отношение к постепенно складывавшимся на протяжении всего XX в. стратегическим тенденциям – европеизму и атлантизму. Европеистским вектором во внешней политике обычно именуют стремление европейских стран к тесному взаимодействию и осуществлению общей политики в рамках, развивающихся на континенте интеграционных процессов, а курс, направленный на поддержание стратегических союзнических отношений с Соединенными Штатами, характеризуют как атлантистский. Обе тенденции присутствуют в европейской политике, при этом степень их выраженности подвержена как краткосрочным колебаниям, связанным с политической конъюнктурой, так и влиянию долгосрочных факторов, позволяющих говорить о более или менее «атлантистски» или «европеистски» настроенных государствах.

1. СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ АТЛАНТИЗМА И ЕВРОПЕИЗМА

Истоки европеизма и атлантизма несложно обнаружить уже на самых ранних этапах политического развития государств Европы и Северной Америки. Однако об устойчивой тенденции к рассмотрению европейского интеграционного проекта и трансатлантического «союза демократий» как неотъемлемых составляющих внешнеполитических реалий можно говорить по отношению к миру после 1945 г., а в полной мере – с 60-х гг. XX в.¹.

Развитие европейского сообщества создало основу для мирного развития на столь часто страдавшем от войн континенте. Несмотря на значительные сложности в поиске тех политических решений, которые все страны Европы согласились бы поддерживать и совместно осуществлять, очевидны достижения интеграционного проекта, включающие формирование свободного от пограничного контроля Шенгенского пространства, введение единой валюты и выработку общей политики безопасности и обороны. О «европеистском» настрое того или иного правительства говорят тогда, когда оно в своей политической практике ориентируется на Европейский Союз как формирующийся центр силы в международных отношениях. Интеграционные процессы, происходящие в структурах Евросоюза, оказывают всё большее влияние на все аспекты европейской и мировой политики. В сфере международной безопасности ЕС также начинает заявлять о себе как о серьезной величине. При этом, говоря о европеизме и атлантизме, не всегда следует жестко противопоставлять НАТО и ЕС. Ключевыми для соотношения этих политических курсов являются расхождения между европейскими союзниками и США по вопросам европейской и международной безопасности, которые могут проявляться и в рамках ЕС, и в НАТО, и во внешнеполитических курсах отдельных стран.

Атлантизм исторически справедливо рассматривать как идеологическую составляющую гарантий «холодной войны» – конструкцию, придававшую прочность «Западу» в его противостоянии коммунистическому лагерю. Основой традиционного атлантизма являлись американские гарантии безопасности Западной Европе, что

¹ Об исторической эволюции европеизма см.: Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987. О формировании идеологии атлантизма см.: Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в создании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940 – 2000-е годы. М., 2007.

определяло лидирующие позиции США в НАТО. Пережив «холодную войну» атлантистская тенденция, однако, сохраняет свое значение. Основная причина этого долголетия в том, что окончание биполярности не привело к созданию новой системы европейской безопасности, адекватной радикальным переменам в системе международных отношений после распада СССР. Сохранением атлантистского дискурса обеспечивается функционирование трансатлантической системы отношений, сложившейся в военно-политической области. Отказаться от этой системы страны Европы в обозримом будущем, по всей видимости, не готовы. На сегодняшний день ЕС и НАТО формируют единое пространство внешней безопасности.

Идеологи атлантизма неоднократно предлагали не ограничивать сотрудничество между Европой и США исключительно сферой стратегической безопасности, призывая ко всестороннему укреплению трансатлантических связей и даже к созданию сообщества, напоминающего европейский интеграционный проект². Такого рода идеи со временем приобрели более реалистичную форму – сейчас попытки перевести трансатлантические отношения на качественно более высокий уровень могут предприниматься в процессе трансформации НАТО, которая может включать в себя усиление политического значения Альянса и укрепление в нем европейской составляющей, всё еще во многом остающейся на положении «ведомой». Еще в большей степени перспективы подобного «расширенного» варианта атлантизма будут зависеть от развития отношений между ЕС, как интеграционным блоком, и Соединенными Штатами. Приступая к изучению вопроса о соотношении атлантизма и европеизма в европейской политике, динамику отношений США-ЕС стоит рассмотреть подробнее.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Трансатлантическая солидарность достигла пика своей прочности в годы холодной войны, хотя и тогда она не была лишена некоторого полемического начала. История взаимоотношений европейского интеграционного объединения с Соединенными Штатами насыщена примерами и плодотворного сотрудничества, и скрытого соперничества. Собственно для запуска процесса западноевропейской интеграции после Второй мировой войны благожелательное отношение США к проекту играло немаловажную роль³. Значение плана Маршалла для послевоенного восстановления европейских экономик и для укрепления американского влияния в Европе также не подлежит сомнению⁴. Однако вряд ли можно согласиться с одним из руководителей Фонда Маршалла Рональдом Асмусом, полагающим, что истоки всего европейского проекта можно охарактеризовать как «атлантистские»⁵. Учет позиции США был для европейских стран данью реалиям мировой политики, но не имел отношения к сущностному содержанию идеи европейского единства.

Угроза глобального конфликта между Востоком и Западом, несомненно, предопределяла доминирование центристских тенденций в евроатлантических отношениях. Длительное время странам-участницам приходилось неизбежно принимать во внимание мнение США в области обороны и

² Одной из первых популярных концепций такого рода стали предложения американского журналиста Кларенса Стрейта, выдвинутые в конце 30-х гг. XX в.: Streit C.K. Union Now. A Proposal for a Federal Union of the Democracies of the North Atlantic, London, 1939.

³ Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. М., 2001.

⁴ Наринский М. План Маршалла и Советский Союз // История европейской интеграции (1945 - 1994). Под ред. А.С. Намазовой, Б.Эмерсон. М., 1995.

⁵ Asmus R. Rethinking the EU: Why Washington Needs to Support European Integration // Survival vol. 47. 2005, Number 3, p. 93.

жизненно важную роль НАТО для обеспечения безопасности Западной Европы в годы холодной войны. Такое положение дел не означало, тем не менее, отсутствия внутренней динамики в отношениях между США и Западной Европой. Достаточно напомнить о планах Ш.де Голля по реформированию НАТО.

Кроме того, успехи в экономике постепенно позволили европейским странам ликвидировать отставание от США во многих областях, что позволило Европейскому сообществу претендовать на более независимую роль⁶. Площадками для трансатлантического взаимодействия помимо НАТО становились, в частности, Организация экономического сотрудничества и развития и Генеральное соглашение по тарифам и торговле. Уже с 70-х гг. в рамках Европейского политического сотрудничества стали складываться механизмы регулярных консультаций между США и европейским интеграционным объединением как единым целым⁷.

К концу 80-х гг. стала ощущаться потребность укрепить отношения между Европейским сообществом и США, как двумя независимыми акторами, и придать этим отношениям более институционализированный характер. В 1990 г. была подписана Трансатлантическая декларация, определившая основные принципы и содержание будущего сотрудничества⁸. В декларации указывалось, что отношения сторон опираются на общее историческое наследие и общую ценностную основу, и поддерживался курс на дальнейшую либерализацию в трансатлантической торговле. Документ также обрисовывал перспективы сотрудничества в области науки, образования и культуры. Отмечалась совместная ответственность сторон в области защиты окружающей среды и в борьбе против терроризма, наркоторговли, транснациональной преступности, а также против распространения оружия массового уничтожения. Декларацией был определен формат регулярных встреч президента США с главой Еврокомиссии и главой страны-председателя Европейского сообщества и, отдельно, совещаний министров иностранных дел Сообщества и представителей Комиссии с государственным секретарем Соединенных Штатов. Наконец, регулярные консультации Еврокомиссия должна была проводить с кабинетом министров США в целом. Все встречи должны были проходить два раза в год, при закреплении возможности для организации, в случае необходимости, специальных консультаций с госсекретарем. Таким образом, между ЕС и США был организован постоянный обмен информацией по всем вопросам, которые могут вызывать взаимный интерес сторон или провоцировать проблемы в отношениях между ними.

Окончание эпохи биполярности - распад антагонистического «восточного полюса» - избавило союзников от необходимости противостоять военной угрозе «социалистического лагеря», выдвинув на первый план собственные интересы союзников, далеко не всегда совпадающие, а нередко и вступающие в противоречие друг с другом. Эти интересы определяются и императивами экономического развития, и политической культурой, порожденной определенным историческим опытом, и различающимися представлениями сторон об угрозах европейской и международной безопасности.

Создание Европейского Союза с перспективой превращения его в самостоятельный центр силы в международных отношениях потребовало определенных корректив в отношениях с США. В 1995 г. на смену Трансатлантической декларации пришла «Новая трансатлантическая повестка

⁶ Барановский В.Г. Европейское сообщество в системе международных отношений. М., 1986. С. 193 – 196.

⁷ Там же. С. 203 – 206.

⁸ Transatlantic Declaration on EC-US relations, 1990.

(http://ec.europa.eu/external_relations/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf)

дня»⁹. В документе, в частности, подтверждалась приверженность сторон принципу «неделимости трансатлантической безопасности».¹⁰ В тексте «Новой трансатлантической повестки дня» можно заметить явно возросшее с созданием ЕС (и, соответственно, с появлением второй опоры Союза – Общей внешней политики и политики безопасности) беспокойство по поводу возможной конкуренции Евросоюза и НАТО. Уже в начале документа подчеркивается, что НАТО остается для членов Альянса центром трансатлантической безопасности, обеспечивающим необходимую взаимосвязь между континентами. Процессы расширения ЕС и НАТО названы в «повестке дня» независимыми, но дополняющими друг друга. В последующие годы такой взаимодополняющий характер расширения двух организаций неоднократно подтверждался на практике, при этом вступление в НАТО становилось для ряда стран, по сути, обязательным условием последующего присоединения к ЕС. «Новая трансатлантическая повестка дня» заметно подробнее, чем Трансатлантическая декларация, обрисовывала перспективы экономического и политического сотрудничества ЕС и США. К институциональным механизмам сотрудничества тогда было добавлено положение о консультациях руководства парламентов сторон.

Следующий важный шаг в развитии отношений ЕС и США был сделан в 1998 г. принятием концепции «Трансатлантического экономического партнерства»¹¹. В рамках этого нового формата взаимодействия был определен ряд сфер экономического развития и торговли, в которых стороны обнаруживали общность принципиальных подходов, либо считали необходимым наладить регулярный обмен мнениями. Большое внимание было уделено использованию сторонами существующих механизмов Всемирной торговой организации и перспективам дальнейшего развития этих механизмов. В 2005 г. стороны согласовали «Инициативу по интенсификации трансатлантической экономической интеграции и роста», заложившую основу для постепенной гармонизации стандартов и регулятивных механизмов в экономике по обеим сторонам Атлантического океана¹². В 2007 г. США и ЕС создали Трансатлантический экономический совет, призванный координировать дальнейшее развитие экономического сотрудничества¹³.

Одним из наиболее заметных достижений в развитии трансатлантических экономических связей стало подписанное в 2007 г. и вступившее в силу в 2008-м соглашение об «открытом небе»¹⁴. Соглашение заметно расширило возможности авиаперевозчиков в развитии их коммерческой деятельности на направлении трансатлантических перелетов. Европейские и американские компании получили возможность совершать перелеты между любым аэропортом ЕС и любым аэропортом США, а американским, помимо этого, было разрешено совершать перелеты внутри ЕС (между странами-членами), что позволило говорить о том, что

⁹ The New Transatlantic Agenda.

(http://ec.europa.eu/external_relations/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf)

¹⁰ Российское руководство, между тем, с 2008 г. безуспешно добивается закрепления в документах положения, подтверждающего, что подобный принцип распространяется на все страны региона, а не только на участников отдельных региональных организаций.

¹¹ Transatlantic Economic Partnership, 1998.

(http://ec.europa.eu/external_relations/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf)

¹² The United States and the European Union Initiative to Enhance Transatlantic Economic Integration and Growth. Washington. June 20, 2005.

(<http://www.eurunion.org/partner/summit/Summit0506/EconomicInitiative06-17.doc>)

¹³ Framework for advancing transatlantic economic integration between the European Union and the United States of America. Washington. April 30, 2007.

(http://ec.europa.eu/external_relations/us/sum04_07/framework_transatlantic_economic_integration.pdf)

¹⁴ Air Transport Agreement. Official Journal of the EU. L134/4. May 25, 2007.

соглашение в большей степени выгодно США¹⁵. Переговоры о дальнейшей либерализации трансатлантических авиаперевозок продолжаются.

Следует отметить, что интенсивный диалог по экономическим вопросам далеко не всегда позволяет бесконфликтно преодолеть разногласия, возникающие между Евросоюзом и Соединенными Штатами в этой области. Европейская комиссия тщательно отслеживает ситуацию вокруг сохраняющихся в евро-американской торговле барьеров¹⁶. Между тем, торговые споры ЕС и США часто привлекают значительно большее внимание общественности, чем факты продуктивного сотрудничества, что вынудило Еврокомиссию пояснять, что все спорные вопросы затрагивают не более 2% объема торговли между ЕС и США¹⁷.

На фоне важнейших вопросов мировой экономики и политики диалог США и ЕС по экономическим и гуманитарным вопросам часто проходит незамеченным, а расхождения между партнерами привлекают всеобщее внимание. Эти расхождения могут иметь глубокие корни. Несмотря на культурно-цивилизационную общность Европы и США, европейская политическая культура имеет свою ярко выраженную специфику. Сравнительный анализ американского Билля о правах (статей конституции США, касающихся основных прав и свобод) и Европейской конвенции о защите прав человека показывает, что, вопреки распространенному взгляду на США как на эталон «свободного общества», нормы, которыми руководствуются европейцы, идут гораздо дальше в утверждении политических, экономических и социальных прав и свобод. Одна только отмена в Европе смертной казни, практикуемой американской Фемидой, является для внешнего мира доказательством большего гуманизма европейцев по сравнению с американцами.¹⁸

Заметным препятствием для свободного передвижения людей остается и необходимость получения американской визы, сохраняющаяся к середине 2009 г. для жителей пяти стран ЕС (Греции, Кипра, Польши, Болгарии и Румынии)¹⁹. Неготовность США предоставить возможность безвизового въезда всем гражданам ЕС регулярно вызывает критику Еврокомиссии и является предметом дальнейших переговоров²⁰.

Несмотря на то, что внимание руководства ЕС и США к качеству своих экономических связей не ослабевает, экономика не может ни вытеснить, ни подменить вопросов, связанных с международной политикой и безопасностью. Без преувеличения можно констатировать, что решающую роль в трансформации постбиполярных евроатлантических отношений играет внешняя политика США, взявших на себя роль «программирующего лидера». «Стратегия «программирующего лидерства», сформировавшаяся в первый срок президентства Билла Клинтона (1993—1996) и опробованная в ходе второго срока (1997—2000), состоит в действиях, направленных на выдвигание повестки дня, то есть круга проблем, определяющих спектр и направленность совместных действий США с

¹⁵ EU-US Open Skies Deal: Not So Open for European Airlines International Air Carrier Association Press Release. March 22, 2007.

¹⁶ United States barriers to trade and investment report for 2008. European Commission. July 2009. (http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2009/july/tradoc_144160.pdf)

¹⁷ Bilateral Trade Relations: USA. European Commission. (http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/countries/usa/index_en.htm)

¹⁸ Троицкий М. Европейский союз: «Прерванный полет» или...// Международные процессы. Том 3, номер 2. Май-август 2005

¹⁹ Visa Waiver Program. US Department of State. (http://travel.state.gov/visa/temp/without/without_1990.html#countries)

²⁰ Fourth Report from the Commission to the Council and the European Parliament on certain third countries' maintenance of visa requirements in breach of the principle of reciprocity. COM (2008) 486 final, July 23, 2008.

государствами — объектами данной стратегии, а затем в реализации заложенного в этой повестке потенциала в интересах Соединенных Штатов».²¹

Специфика внешней политики США под руководством республиканской администрации Дж.Буша-мл., взявшей на вооружение тезис о том, что «миссия определяет коалицию, а не наоборот», стремление Вашингтона действовать односторонним и силовым путем, пренебрежение к ООН и международному праву, интересам и позициям других стран, включая даже крупнейших союзников (инерция отношения к Европе как к младшему партнеру), существенно повысили напряженность в союзнических отношениях. Иными словами, будущее трансатлантических отношений зависит и будет зависеть от способности США и стран ЕС взаимодействовать по важнейшим вопросам международных отношений.

Согласно опросам, регулярно проводимым специализирующимся на трансатлантической проблематике Фондом Маршалла, резкое изменение мнения граждан стран ЕС в отношении США с преимущественно позитивного на негативное произошло в 2003 г.²². Очевидно, что перемена непосредственно связана с началом иракской кампании Дж.Буша-мл. и обострившимися из-за неё политическими разногласиями между США и рядом европейских стран. С этого времени политика американской администрации получала от европейцев стабильно низкие оценки вплоть до перехода предвыборной гонки на президентских выборах в США 2008 г. в финальную стадию. Негативное восприятие Соединенных Штатов не ограничивалось рациональной оценкой их политического курса. Европейцы всё чаще выражали чувства некоего морального превосходства в отношении США, отказывались рассматривать заокеанского партнера как образец организации общества²³. Антиамериканизм стал превращаться в модную тенденцию в европейской политике²⁴.

Не следует забывать и о том, что граждане Соединенных Штатов, в свою очередь, формируют свое критическое мнение о политике европейских стран. Возмущение американцев, вызванное позицией Франции и Германии в вопросе о войне в Ираке, постепенно забылось, но стереотипное восприятие Европы, как заведомо слабого международного актора сохраняется и может оказывать влияние на практическую политику. Предложенные известным американским неконсервативным автором Р.Кейганом образы США, как способного на жесткие действия Марса, и Европы, как слабой Венеры, периодически удостоиваются упоминания в экспертных дискуссиях²⁵.

Вступление Обамы на пост президента США в 2008 г., несомненно, оказало позитивное (как минимум, краткосрочное) воздействие на восприятие Америки в Европе. Большинство европейских стран, в том числе тех, которые традиционно придерживаются европеистских взглядов, на современном историческом этапе готовы принять американское лидерство, если США будут осуществлять его с учетом точки зрения европейцев. Страны ЕС ожидают от Обамы подобных шагов и готовы пойти ему навстречу. Обама, в свою очередь, уже в первые месяцы президентства неоднократно демонстрировал свое уважение к партнерам и готовность к диалогу даже в отношении тех стран, с которыми у Соединенных Штатов сохраняются натянутые отношения.

²¹ Троицкий М. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США // Pro et Contra. 2002. № 4.

²² Transatlantic Trends. Key Findings 2008. German Marshall Fund, 2008. (http://www.gmfus.org/trends/doc/2008_English_Key.pdf)

²³ Romero F. What do we share? // Friends again? EU-US relations after the crisis / Ed. by M.Zaborowski. Paris, EU Institute for Security Studies, 2006, pp. 32 – 33.

²⁴ Frum D. A new Europe, a new anti-Americanism // Friends again? Op.cit., pp. 39 – 42.

²⁵ Kagan R. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. N.Y., 2003.

В ходе саммита НАТО в апреле 2009 г. Б. Обама признал, что отношения между США и ЕС в последние годы не развивались в нужном направлении. По его словам, в будущем США станут "более приемлемым партнером". Вашингтон не может самостоятельно нейтрализовать вызовы 21-го века, впрочем, и Европе не удастся справиться с ними без США, в этой связи сторонам необходимо совместными усилиями решить все общие проблемы²⁶. Однако между союзниками остаются и серьезные разногласия. Так стороны разошлись во мнениях по вопросу вступления Турции в ЕС. В афганском вопросе администрация Обамы рассчитывает на более весомую роль ЕС. Между тем, правительства стран ЕС не спешат увеличивать свой воинский контингент для ведения войны в Ираке и Афганистане и антитеррористической борьбы. Евросоюз не может не учитывать настроения своих граждан по этому вопросу, отдавая предпочтение усилиям в гуманитарной и гражданской сферах. Обозначились и противоречия между ЕС и США по поводу лидерства в вопросе сокращения выбросов парниковых газов. ЕС обоснованно считает, что именно он разработал оригинальный план решения этой проблемы.

Однако все эти противоречия не являются неразрешимыми. Представляется, что главная проблема для будущего трансатлантических отношений имеет фундаментальный характер. По объективным историческим причинам НАТО как порождение холодной войны становится все менее адекватной угрозам и военно-политическим задачам нового времени, несмотря на все попытки адаптации к ним. Североатлантический союз оказался по своей основополагающей конструкции плохо приспособлен для действий против международного терроризма, незаконных вооруженных формирований, распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и акций в отношении «стран-изгоев», «пороговых режимов» или «несостоявшихся государств».

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

Соединенным Штатам и ЕС удастся успешно сотрудничать во многих областях. Необходимость и благотворность дальнейшего поступательного развития этого сотрудничества обычно не подвергается сомнению и не вызывает внутривнутриполитических споров в ЕС. Значительно менее определенную картину можно наблюдать в вопросах обороны и безопасности. Именно этой области обычно касаются дискуссии о том, какое именно соотношение между европеистским и атлантистским векторами политики следует выбрать той или иной европейской стране. Причина этого в том, что именно в военно-политической области США не просто взаимодействуют с Евросоюзом в качестве внешнего партнера, но непосредственно присутствуют на континенте в качестве одного из важнейших элементов, конституирующих европейское пространство безопасности. Особенности этого пространства безопасности и перспективы его дальнейшего развития периодически становятся предметом разногласий между политиками и дипломатами. Предметом озабоченности граждан ЕС вопросы внешней политики и обороны практически не являются²⁷. При этом стабильное большинство граждан поддерживают совместное принятие странами Евросоюза решений в этой сфере²⁸. Такие общественные настроения придают большинству дискуссий о будущем европейской безопасности некоторую элитарность. Даже крупные события в этой

²⁶ Потепление отношений между ЕС и США все же не может скрыть имеющиеся разногласия. – Синьхуа, 06.04.2009 (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-04/06/content_852991.htm)

²⁷ Eurobarometer 70, October-November 2008, QA8.

²⁸ Ibid, QA25 – 26.

области привлекают лишь незначительное внимание широкой общественности²⁹. Политические партии европейских стран часто занимают разные позиции в этих вопросах, но, в большинстве случаев, не эти позиции определяют их результаты на выборах.

Одним из механизмов закрепляющих и институционализирующих американское присутствие в Европе является НАТО. Будучи изначально эффективным инструментом холодной войны, после окончания последней НАТО предприняла активные поиски нового смысла существования и новых задач. Трансформация НАТО приняла формы геополитического расширения, налаживания сотрудничества с Россией, перестройки военной организации под новые задачи – военные и миротворческие действия вне зоны прежней ответственности. При этом сохраняется и прежняя функция военного союза - коллективная оборона от общего врага (согласно известной статье V-й Вашингтонского Договора 1949 г.), на которую делают главный упор новые члены альянса и страны, претендующие на членство в НАТО.

Диалектика процесса трансформации НАТО состоит в том, что из всех ее перечисленных направлений самым успешным оказалось географическое расширение. Хотя операция в Югославии 1999 г. до недавнего времени считалась большим успехом новых функций НАТО, эта оценка начинает меняться после кавказского кризиса из-за созданных прецедентов. В остальном, операции стран НАТО и всего альянса в Ираке и Афганистане соответственно оказались на грани катастрофического провала. Диалог с Россией был маргинальным по значению и прервался в августе 2008 г. А перестройка военной организации и создание Сил реагирования (СР) без отказа от первоначальной функции коллективной обороны породили больше противоречий, чем реальных плодов. Совершенно очевидно, что США и Европа после окончания биполярности стали по-разному смотреть на две составляющие военно-политической стратегии – критерии применения вооруженных сил и вопрос о важности обладания превосходящей и значительной военной мощью. Наглядное воплощение этих противоречий – несопоставимый уровень расходов на оборону. Военный бюджет США настолько превышает совокупный военный бюджет всех государств Европейского союза, что перспективы преодоления пропасти в этой сфере практически не просматриваются.³⁰

Превращение постбиполярной Европы из объекта в субъект международных отношений, поиск США новых миссий за пределами континента, различия в стратегиях безопасности США и ЕС откладывали отпечаток на трансформацию НАТО. Как отмечал британский ученый Пол Кеннеди, «в отсутствие скрепляющего Североатлантический союз «клея» и при наличии разногласий по вопросам безопасности прежние узы между странами – членами НАТО чрезвычайно ослабли».³¹

На сегодняшний день именно присутствие США в Европе остается главным цементирующим элементом трансатлантической солидарности. Верховным главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе традиционно является руководитель Европейского командования вооруженных сил США. К концу марта 2009 г. по официальным данным Пентагона в Европе в целом находились около 80 тысяч американских военнослужащих, из них 54 тысячи в Германии и более чем по 9

²⁹ Примечательно, что о центральной посреднической роли ЕС в разрешении широко освещавшегося СМИ кавказского кризиса августа 2008 г. оказались осведомлены не более 26% граждан Евросоюза. Ibid, QE2.

³⁰ Кеннеди П. Трансатлантические отношения: три сценария // Россия в глобальной политике. 2004.

№1.

³¹ Там же. С. 10.

тысяч в Великобритании и Италии³². Это количество значительно превышает численность американских вооруженных сил, размещенных где-либо за пределами территории Соединенных Штатов, за исключением Ирака.

На территории европейских стран - Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Турции (кандидата на членство в ЕС) и Великобритании³³ - по-прежнему размещено американское тактическое ядерное оружие (примерно 170-450 единиц). Во время «холодной войны» тактическое ядерное оружие (ТЯО) играло особенно важную роль в военном планировании в Европе. США обосновывали размещение ТЯО необходимостью создания противовеса предполагаемому превосходству СССР и стран Варшавского договора в обычных вооружениях в Европе. Это оружие было бы использовано в ограниченной ядерной войне для проведения операций, не требующих применения стратегического ядерного оружия. На сегодняшний день сохранение ТЯО США в Европе, несомненно, является анахронизмом «холодной войны», поскольку оно может быть использовано только против России, которая согласно Стратегической концепции НАТО от 1999 г. не рассматривается в качестве потенциального противника.

Хотя подавляющее большинство общественного мнения в европейских странах, где размещено ТЯО, высказывается за его вывод с территории Европы,³⁴ официальная позиция руководства этих стран состоит в том, что атлантическая солидарность, как и справедливое распределение бремени, требует от европейских союзников внести свой вклад в ядерную стратегию НАТО. Вывод ТЯО США из Европы, согласно этой точке зрения, разрушит общий механизм ядерного сдерживания и важную связь между США и Европой в сфере обороны³⁵.

Кроме того, и в экономической, и в военно-политической сферах Европа важна для США как "плацдарм" для проецирования своего влияния на прилегающие к ней регионы - Ближний Восток, Кавказ, Центральную Азию, Россию. «Продолжение позиционирования США в Европе во главе НАТО остается основой успешной американско-евразийской политики. Укрепление альянса, взаимодействие с традиционными европейскими союзниками, сохранение альянса как основы растущего доминирования США в мире, есть слагаемые успеха».³⁶ Иными словами, являясь наследием холодной войны, американское военное присутствие в Европе оказалось полезным Соединенным Штатам и в новых условиях, когда сам по себе европейский регион стал в глазах американских политиков утрачивать стратегическую значимость на фоне новых вызовов безопасности. Европа теперь рассматривается не как потенциальный театр военных действий в ходе глобального конфликта, но как перевалочная база на пути к Ближнему Востоку и Центральной Азии.

Отдельные европейские политические группы могут периодически выражать недовольство таким положением дел, но на практике оказывается, что в целом ряде случаев проблемой для европейских стран является не сохранение американского присутствия, а его возможное сокращение. Закрытие существующих военных баз нарушило бы сложившуюся вокруг них инфраструктуру и экономические связи и,

³² Active Duty Military Personnel Strengths by regional area and by the country (309A). Department of Defense. March 31, 2009. (<http://siadapp.dmdc.osd.mil/personnel/MILITARY/history/hst0903.pdf>)

³³ Вывод ТЯО с баз в Великобритании не был официально подтвержден руководством НАТО

³⁴ 76% населения Германии, 88% в Турции, 71% в Италии, 65% в Бельгии, 63% в Нидерландах и 56% в Великобритании за вывод ТЯО.

³⁵ White Paper 2006 on German Security policy and the future of the Bundeswehr, Federal ministry of Defence.

³⁶ Нэйшн Р.К. Интересы США в новой Евразии (<http://flot.com/nowadays/concept/opposite/usanalitics1.htm>)

вероятно, заставило бы ЕС переосмысливать свои подходы к вопросам безопасности.

При том, что продолжение присутствия американских военных в Европе в обозримой перспективе не вызывает больших сомнений, варианты развития собственно европейского военного потенциала достаточно разнообразны. На протяжении длительного времени это развитие представлялось странам Западной Европы возможным исключительно в рамках НАТО. Вопрос о необходимости укрепить «европейскую опору» Альянса был поставлен еще в конце 60-х гг., одновременно с переходом в практическую плоскость вопроса о координации внешней политики в рамках процесса европейской интеграции. Созданная в 1969 г. Еврогруппа НАТО позволила западноевропейским государствам, не подвергая сомнению свою лояльность Североатлантическому блоку, начать внутриевропейский диалог по вопросам обороны. Еврогруппа создала условия для развития сотрудничества европейских промышленных центров в области военной техники³⁷. Несмотря на столь длительную историю обособления европейских стран-членов НАТО, дискуссии о том, достаточен ли вклад европейцев в обеспечение трансатлантической безопасности, продолжают.

Формирование в начале XXI века Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) в рамках ЕС еще более активизировало дискуссию о будущем европейской опоры НАТО. Если раньше именно НАТО представляла собой основной механизм многостороннего сотрудничества, позволяющий европейским членам Альянса совместно работать в области обороны, то теперь у них появился выбор. Одинаково активное участие стран в программах НАТО и в ЕПБО часто оказывается трудноосуществимым, в первую очередь, вследствие ограниченности ресурсов, выделяемых в рамках государственных бюджетов на подобные расходы. Именно принятие политических решений о распределении сил между участием в НАТО и в реализации ЕПБО может расцениваться как практическое воплощение атлантистского или европеистского настроя правительства.

Развитие ЕПБО породило обеспокоенность в связи с возможным избыточным «дублированием» новыми европейскими механизмами традиционных структур НАТО³⁸. Большинство европейских стран в целом согласны с тем, что избежать бессмысленной растраты и без того ограниченных оборонных бюджетов необходимо. Вопрос о том, где заканчивается необходимое ЕС накопление потенциала в области ЕПБО и начинается дублирование, однако, не имеет однозначного ответа. Возможность независимой европейской оборонной политики, очевидно, предполагает, что ЕС должен обладать средствами, которые позволили бы ему осуществлять военные операции даже в тот период и в тех географических точках, когда и где НАТО по каким-то причинам не способна предоставить помощь. Следовательно, механизм, в мирное время представляющийся дублирующим, в ситуации кризиса может оказаться необходимым. При этом число случаев, когда миротворческий потенциал ЕС окажется востребованным, вероятно, будет только расти³⁹.

³⁷ Подробнее о Еврогруппе НАТО см. например: Халоша Б.М. Военно-политические союзы империализма. Основные особенности и тенденции развития в 70-х – начале 80-х годов. М., 1982. С.118 – 130.

³⁸ См. например: Beunderman M. NATO Chief tells EU not to “replicate” Army Tasks // EU Observer. 6.11.2006 (<http://euobserver.com/9/22798>)

³⁹ См.: Toje A. The EU, NATO and European Defence – A slow train coming. Paris, EU Institute for Security Studies. Occasional Papers No.74, Dec. 2008, p. 11-13.

Отношение Соединенных Штатов к ЕПБО в последнее время претерпевает определенную эволюцию. Американские политики и дипломаты начинают признавать, что ЕПБО в обозримой перспективе будет развиваться не столько как соперник НАТО, сколько как подспорье в решении тех задач, которые будут возникать перед странами евро-атлантического пространства⁴⁰. Это понимание в значительной степени связано с последними примерами использования американских войск за рубежом, продемонстрировавшими их неспособность добиться успеха без поддержки союзников и несоизмеримость существующих вызовов с теми ресурсами, которые на оборонные нужды способна выделить даже крупнейшая экономика мира.

Произошедшие в позиции США изменения, тем не менее, не означают автоматически отсутствия в дальнейшем конфликтов между НАТО и оборонным измерением ЕС, а также по вопросу о роли европейцев в НАТО. Благожелательное отношение к ЕПБО будет сохраняться пока Соединенные Штаты отказываются от той внешней политики, которой отдавал предпочтение Дж.Буш-мл.. В случае прихода к власти через несколько лет новой республиканской администрации, возвращения этой политики нельзя исключать. Удастся ли Евросоюзу к тому моменту превратиться в качественно более сплоченный субъект международных отношений – вопрос, на который членам ЕС еще только предстоит дать ответ. Противоречия между ЕС и НАТО способны порождать и тактические разногласия. Принятие решений по проектам модернизации и поддержания боеспособности вооруженных часто происходит в условиях острой конкурентной борьбы фирм и отстаивающих их интересы правительств. Разжигание противоречий между институциональными структурами, обеспечивающими европейскую безопасность, может быть использовано в качестве инструмента в этой борьбе.

Как отмечал Пол Кеннеди, не стоит рассчитывать на то, «что по мере смены лидеров и усложнения международной обстановки развод сам собой вновь обернется счастливым супружеством. Кардинальные изменения в мировой политике идут полным ходом, и по разные стороны Атлантики зачастую по-разному видят способы решения возникающих проблем. Трансатлантический процесс не удастся вернуть в прежнее русло, но в этом нет никакой катастрофы».⁴¹ Одним из наиболее вероятных сценариев в развитии трансатлантических отношений станет функциональное и региональное перераспределение ролей между союзниками. Внешняя безопасность евроатлантического пространства, в первую очередь, противодействие нераспространению ОМУ и международному терроризму, должна оставаться функцией НАТО. При благоприятном сценарии она может обеспечиваться через сотрудничество НАТО и России (Совет Россия-НАТО) с привлечением ОДКБ для решения проблем безопасности в Центральной Азии и участием ШОС на Дальнем Востоке. Безопасность в рамках европейского региона, прежде всего, предупреждение и урегулирование конфликтов в большой Европе, а также борьба с экстремизмом будет все больше становиться европейской обязанностью и решаться в рамках европейской политики безопасности и обороны. Также при благоприятном развитии ситуации в Европе она могла бы быть обеспечена через сотрудничество Европейского Союза, России и тяготеющих к ЕС других постсоветских государств.

⁴⁰ Ibid, pp. 13 – 15.

⁴¹ Кеннеди П. Указ. соч. С. 16.

«НОВЫЕ» ЕВРОПЕЙЦЫ

Важным фактором, оказывающим значительное влияние на соотношение атлантизма и европеизма в Евросоюзе, стало расширение ЕС на страны Центральной и Восточной Европы. Страны ЦВЕ важны для США и с геостратегической точки зрения и как политический ресурс в обосновании и проведении в жизнь американских внешнеполитических интересов. На фоне острых разногласий вокруг Ирака в 2003 г. министр обороны США Д. Рамсфельд отметил, что разногласия с Америкой существуют только у стран «старой Европы», которая теряет свое значение на фоне новых участников трансатлантического сотрудничества из числа стран бывшего социалистического лагеря⁴².

Такое разделение чрезмерно огрубляло реальную картину европейской политики, но имело под собой и определенные реальные основания. Правящие элиты большинства стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) воспринимали США как силу, внесшую основной вклад в их освобождение от коммунистических диктатур. Даже после вступления в ЕС, с которым эти страны связывают свое политическое будущее и перспективы экономического роста, их ориентация на сохранение покровительственного влияния Соединенных Штатов не исчезла. На практике это может выражаться в более активной поддержке американской внешней политики и проводимых Соединенными Штатами военных операций. Соответственно, в периоды, когда разногласия между ЕС и США по стратегическим вопросам объективно невелики, это расхождение между Западной Европой и ЦВЕ должно становиться значительно менее заметным. Именно такой период, по всей видимости, наступает в период президентства Б.Обамы.

Изменения в воздействии Соединенных Штатов на европейскую политику, произошедшие с приходом новой администрации, тревожат некоторую часть политических деятелей ЦВЕ. В открытом письме президенту США от 17 июля 2009 г. видные политики из стран ЦВЕ, в числе которых семь бывших президентов, откровенно заявили о своем видении будущего НАТО и отношений ее с Россией, которая по-прежнему рассматривается ими как угроза: «Было ошибкой не приступить к созданию надлежащих планов обороны для новых членов, когда произошло расширение НАТО. Альянс должен сделать свою приверженность защите своих членов правдоподобной и стратегически успокоить всех членов. Речь идет о варианном планировании, предварительном позиционировании войск, вооружений и припасов для подкреплений в нашем регионе на случай кризиса, изначально предусмотренного в основополагающем акте НАТО-Россия. Нам также следует пересмотреть работу Совета НАТО-Россия и вернуться к практике, когда страны-члены НАТО ведут диалог с Москвой, находясь на согласованной позиции. Альянс не должен позволить необоснованному противодействию России стать тем фактором, который решит судьбу противоракетного щита. Полный отказ от программы или включение России в этот процесс без предварительных консультаций с Польшей или Чехией может ослабить уровень доверия к Соединенным Штатам по всему региону»⁴³.

Значительно более жестким, согласно письму, должно стать отношение к российским позициям в обеспечении европейских стран энергоносителями. Авторы письма признают, что многим, в том числе представителям нового поколения

⁴² Secretary Rumsfeld Briefs at the Foreign Press Center, January 22, 2003. (<http://www.defenselink.mil/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=1330>)

⁴³ Открытое письмо администрации Обамы из Центральной и Восточной Европы ("Gazeta Wyborcza"), 15 июля 2009 (<http://www.inosmi.ru/translation/250763.html>)

политических элит стран ЦВЕ, в современных условиях развитие ЕС представляется более важным, чем особые отношения с США, но в письме выражается надежда, что развитие европейской интеграции будет лишь укреплять трансатлантические связи. Превратно понимая предложенную президентом Д.Медведевым реформу архитектуры европейской безопасности как замену действующей «основанной на ценностях» системы безопасности на «концерт держав» подписанты предостерегают руководство европейских стран и США от участия в этом проекте. Будущее ЕПБО подписанты видят в тесном взаимодействии с США, именуя оптимальную схему трансатлантического сотрудничества «танемом».

Это письмо - ясный сигнал Вашингтону о том, что новая Европа не хочет менять, ни традиционные функции НАТО, ни существующую архитектуру европейской безопасности. Жесткий тон открытого письма в ряде случаев вызвал непонимание в самих странах ЦВЕ⁴⁴. По мнению Лешека Миллера, бывшего премьер-министра Польши, авторы послания толкают президента Обаму на ухудшение отношений с Россией, в результате чего получают для своих стран позицию прифронтовых государств⁴⁵.

Тем не менее, представленную в письме точку зрения не следует игнорировать. В новом поколении политиков ЦВЕ может оказаться немало последователей бывших лидеров в вопросах внешней политики. Высказанные подписантами письма озабоченности ярко демонстрируют, что наряду с логикой развития собственно трансатлантических связей и внутренней эволюцией США и ЕС на соотношение европеистского и атлантистского векторов в политике европейских стран значительное влияние будет оказывать состояние отношений участников трансатлантического сотрудничества с Россией.

РОССИЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕИЗМОМ И АТЛАНТИЗМОМ

Маятник российской внешней политики после распада СССР прошел несколько фаз – от американоцентризма в начале 90-х гг., задержавшись на европеизме со второй половины 90 гг. до первой половины нынешнего десятилетия, и вошел в фазу антизападничества – подозрительного отношения и к атлантизму, и к европеизму - в настоящее время. Россия занимает поистине неоднозначное место в отношениях ЕС и США и в стратегии НАТО в целом. С одной стороны, Россия – важный партнер в противодействии новым угрозам международной безопасности, в первую очередь, распространению ОМУ и международному терроризму. С другой стороны, Россия, в отсутствие на Западе единого мнения и ясного понимания перспектив ее внутреннего и внешнеполитического развития, воспринимается НАТО как дестабилизирующий фактор, прежде всего на постсоветском пространстве. Это обуславливает тенденцию возврата к привычной и испытанной функции коллективного противодействия России – теперь уже на постсоветском пространстве, которое в этой роли идет на смену изначально породившей НАТО конфликтной зоне в ЦВЕ. Соответственно новые функции и средства (включая СР) под руководством США теперь перенацеливаются на эту задачу. А попытки Евросоюза сопротивляться такой переориентации и развивать свою военную составляющую для принципиально иных задач – подавляются Вашингтоном посредством структур НАТО.

⁴⁴ Лааси и Ээсмаа: письмо Лаара противоречит официальной политике ЭР. Delfi, 14.08.2009. (<http://rus.delfi.ee/archive/print.php?id=25115105>)

⁴⁵ Авторы открытого письма Обаме вызывают духов "холодной войны" – Миллер. – РИА «Новости», 16.07.2009 (<http://www.rian.ru/world/20090716/177636163.html>)

Представляется, что отношения России и НАТО развивались после окончания bipolarности в соответствии с логикой самооправдывающихся пророчеств. Кавказский кризис 2008 г. предоставил политическим силам США и европейских стран, ориентированных на негативное восприятие России, дополнительные аргументы в пользу тезиса об «агрессивности» российского руководства и о необходимости консолидации перед лицом «российской угрозы». Россия представлялась ими как ревизионистская сила, склонная к пересмотру статус-кво в свою пользу после признания независимости Южной Осетии и Абхазии.

Между тем, с точки зрения Москвы, именно процесс расширения НАТО на постсоветское пространство вызвал предсказуемый рост напряженности в отношениях с Россией и, в частности, стал истинной причиной Кавказского кризиса 2008 г. По мнению российской политической элиты, не Россия, а НАТО своей политикой расширения стала менять статус-кво в Европе после объединения Германии. Не Россия, а НАТО начала пересматривать итоги окончания bipolarности, подрывая новое политическое мышление и доверие к Западу. Как отмечал российский политолог Дмитрий Тренин, «с геостратегической точки зрения, Москва замечает опасливым глазом американское военное присутствие возле российских границ. Начиная с 2000 года, США основали базы в Румынии, Болгарии, Центральной Азии; послали военный персонал тренировать и снабжать грузинских военных и проводить учения регулярно в Крыму и Западной Украине. Дальнейшее расширение НАТО, особенно за счет включения Грузии и Украины, будет воспринято российскими военно-политическими лидерами как чистая провокация»⁴⁶.

Новый президент Соединенных Штатов занял в отношении России значительно более конструктивную позицию, чем его предшественник. Начавшаяся в российско-американских отношениях «перезагрузка», в случае своего успеха, может убедить политиков двух стран в оправданности компромиссов, которые позволили бы перейти к более тесному сотрудничеству в будущем. Именно перспектива того, что американская сторона может отказаться от идеологизированного видения России в пользу практически выгодного взаимодействия так обеспокоила подписантов рассмотренного выше открытого письма Обаме. На встрече на высшем уровне в Москве в июле 2009 г. было принято решение о создании российско-американской Президентской комиссии, которая должна продвигать взаимодействие двух стран по целому ряду перспективных направлений⁴⁷. Вместе с тем, критики политики Обамы из числа сторонников Республиканской партии уделяют немало внимания отношениям с Россией. Американского президента критикуют за мягкое отношение к российскому партнеру, за решение продвигаться к подписанию «в лучшем случае бесполезного для США» договора о стратегических наступательных вооружениях⁴⁸ и даже за его представления о холодной войне как о соревновании двух систем, а не о борьбе добра со злом⁴⁹. Это давление со стороны внутривнутриполитических противников Обамы не может не учитываться действующей администрацией, которой, возможно, придется в будущем проявлять большую осторожность в осуществлении политики на российском направлении.

⁴⁶ Тренин Д. Российское восприятие угроз и стратегическая позиция (<http://flot.com/nowadays/concept/opposite/usanalitics1.htm>)

⁴⁷ Справка о двусторонней Российско-Американской Президентской комиссии. 6.07.2009 (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219079.shtml>)

⁴⁸ Krauthammer Ch. Plumage – but at a price // Washington Post. 9.07.2009.

⁴⁹ Cheney L. Obama rewrites the Cold War. The President has a duty to stand up to the lies of our enemies. // Wall Street Journal, July 13, 2009.

На политической встрече на Корфу Совета НАТО-Россия в июне 2009 г. было заявлено и о «перезагрузке» отношений партнеров, которая в немалой степени была обусловлена «перезагрузкой» российско-американских отношений. США остаются ключевой страной в НАТО, во многом определяющей стратегию альянса. Так, администрация президента США Барака Обамы выступила с сенсационным заявлением о том, что Вашингтон готов рассмотреть вопрос о присоединении России к Североатлантическому альянсу при следующих условиях: Россия должна отвечать необходимым критериям, страна сможет внести вклад в дело коллективной безопасности, остальные члены НАТО поддержат эту инициативу. О такой возможности сообщил помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Филип Гордон во время выступления на слушаниях в палате представителей американского Конгресса.⁵⁰ В свою очередь Андерс Фог Расмуссен на своей первой пресс-конференции в качестве нового генерального секретаря НАТО подчеркнул, что считает партнерство с Россией главным приоритетом для НАТО после урегулирования ситуации в Афганистане.⁵¹ Иными словами, не отказываясь от стратегии расширения на Грузию и Украину, НАТО может предоставить эту возможность и России, что было бы революционным изменением не только в отношениях России и НАТО, но и в существующей системе европейской безопасности.

Если расширение НАТО на восток явилось главной причиной негативного отношения к атлантизму, то изменение благожелательного отношения России к европеизму как объективной тенденции в развитии постбиполярной Европы имело две конкретные причины. Во-первых, это - провозглашенный принцип взаимодополняемости расширения ЕС и НАТО, который вступает в явное и опасное противоречие с интересами России на постсоветском пространстве. Именно поэтому Россия с недоверием отнеслась и к новой инициативе ЕС – «Восточному партнерству», целью которого является сближение с шестью странами бывшего СССР - Украиной, Молдовой, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Белоруссией. Восточное партнерство, предложенное Швецией и Польшей в 2008 г. и стартовавшее на Пражском саммите в мае 2009 г., воспринимается российским руководством «как дружба против России», как мягкий вариант (в отличие от жесткого варианта расширения НАТО) установления западной сферы влияния на пространстве СНГ. Не ставя под сомнение легитимность «Восточного партнерства», можно поставить под сомнение его целесообразность. Без прямого российского участия эта инициатива, также как и расширение НАТО, будет восприниматься Москвой как попытка вытеснения России из зоны ее жизненно важных интересов и, следовательно, наталкиваться на ее противодействие, что создаст прямую угрозу стабильности в этом регионе.

Во-вторых, самое масштабное расширение ЕС на страны ЦВЕ в 2004 г. породило у России опасения, что новые члены, особенно страны Балтии, в силу сохраняющегося постсоветского синдрома будут оказывать негативное влияние на российскую политику Европейского Союза. Опыт переговоров по новому соглашению между Россией и ЕС, которые неоднократно блокировались новыми членами Евросоюза, к сожалению, подтвердил эти опасения.

Ни членство этих стран в НАТО, ни в ЕС не устранило наследие тяжелого прошлого в их отношениях с Россией. Несомненно, история, связанная с советским прошлым, - важная составляющая отношений России и «новой Европы». Спокойный

⁵⁰ Андрусенко Л. НАТО приоткрыли для Москвы // Новая политика. 31.07.2009 (<http://www.novopol.ru/text72676.html>)

⁵¹ Расмуссен обещал убедить Россию не воспринимать НАТО как врага. 4.08.2009 (<http://finam.fm/news/30197/>)

и объективный диалог по проблемам недавней истории способен оздоровить отношения между Россией и балтийскими государствами, очистить их сегодняшние отношения от накали прошлого. Однако было бы крайне непродуктивным ставить конкретные вопросы сотрудничества между Россией и ЕС в зависимости от исторических обид отдельных стран.

Посткоммунистическая трансформация России и ее отношения с Европейским Союзом и США/НАТО, образно говоря, две стороны одной медали. Отношение России и к европеизму, и к атлантизму будет определяться направленностью этих процессов. Вместе с тем, направленность и европейской интеграции в области безопасности и обороны, и развитие атлантизма будет зависеть от вектора внутри- и внешнеполитического развития России. Следует отметить, что после распада СССР Запад – и Европейский Союз, и США/НАТО - не вполне понимали взаимосвязь между посткоммунистической эволюцией России и международно-политической средой. Исходя из прошлого опыта, западные партнеры России нередко делали ставку на упреждение негативных тенденции в ее развитии, добиваясь прямо противоположного результата. Создание твердой правовой базы, адекватной требованиям сегодняшнего времени в отношениях России с ЕС и НАТО является необходимой предпосылкой для позитивного, поступательного развития отношений между важнейшими партнерами евроатлантического региона.

Шанс на активизацию диалога и с США, и со странами Европы, который позволил бы достичь лучшего взаимопонимания между Россией и её партнерами, дает предложение президента Медведева заключить договор о европейской безопасности. Согласование текста договора, который мог бы приобрести юридически обязывающий характер, вероятно, окажется очень нелегким, но сама интенсификация обсуждения существующих в области европейской безопасности проблем, ориентация этого обсуждения на результат могли бы способствовать продвижению стран региона в направлении более плодотворного многостороннего сотрудничества.

Несомненно, России выгодно дальнейшее углубление взаимодействия со странами Европы и Северной Америки в различных сферах, прежде всего в сфере безопасности. В отличие от биполярного мира в многополярной системе международных отношений противостоянием России и Запада неминуемо и немедленно воспользовались бы в собственных целях другие центры силы.

Только выстраивая свои собственные отношения с ЕС и США/НАТО Россия сможет занять достойное место в «большой Европе». Российское руководство должно ясно сознавать, что вмешательство в евроатлантические отношения, попытки «вбить клин» в отношения между союзниками чреваты реакцией обратной желаемой. Условия для оптимального с точки зрения России баланса в европейской внешней политике могут сформироваться, если российская сторона сможет зарекомендовать себя в качестве надежного транспарентного партнера, обладающего развитой экономикой и современными административными механизмами, а такой сценарий подразумевает поступательное внутривнутриполитическое развитие страны. При этом особое внимание во внешней политике на европейском направлении следует уделить именно нормализации отношений со странами Центральной и Восточной Европы, которые, в силу исторических причин, зачастую являются источником связанных с Россией опасений, оказывающих влияние на европейскую и трансатлантическую политику в целом.

ГЛАВА 1. ФРАНЦУЗСКИЙ «ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Формирование французской внешней политики после развала Советского Союза и крушения биполярной системы международных отношений происходило под влиянием целого ряда факторов, обусловленных возникновением новой обстановки в мире и нового соотношения сил.

Во времена холодной войны Франция имела шансы на проведение относительно независимого внешнеполитического курса и делала это достаточно эффективно. Однако с возникновением однополярной системы международных отношений, в которой единственной сверхдержавой остались Соединенные Штаты, и объединением Германии, ставшей крупнейшей европейской региональной державой, ситуация изменилась. Франция была вынуждена приспособливаться к международной обстановке, чреватой для нее новыми вызовами.

Париж чрезвычайно болезненно воспринял новый курс Вашингтона на решение международных проблем: последний, не считаясь со своими европейскими союзниками, действовал, как правило, исключительно силовыми методами. В этих условиях руководство Франции приступило к выработке стратегической линии, которая могла бы обеспечить безопасность страны и защитить ее национальные интересы на международной арене. Речь идет о французском проекте евроатлантического сотрудничества, который включал в себя две основные составляющие. Первая – предполагала укрепление Европейского союза как мирового игрока и увеличение в нем роли Франции, которая считала, что только в качестве полноценного субъекта международных отношений Европейский союз может рассчитывать на равноправное партнерство с США, в том числе в формате НАТО. Вторая составляющая предусматривала усиление в НАТО влияния европейских держав, которому должно было способствовать возвращение Республики в военную организацию альянса.

* * *

Европеизм как стратегия регионального сотрудничества в целях продвижения интеграционного процесса стал основной составляющей внешней политики Франции. Следует сказать, что европейское направление было важной ее частью еще с начала 50-х годов прошлого века, но лишь в новых условиях однополярного мира оно приобрело особое значение. В результате, превращение Европейского союза в мощное интеграционное объединение, которое могло бы играть роль одного из полюсов современной международной системы, стало для Франции важнейшей стратегической задачей. Заняв в Евросоюзе лидирующие позиции, она рассчитывала, опираясь на авторитет ЕС, продолжать оказывать влияние на мировую политику.

С приходом к власти Жака Ширака в 1995 г., Франция активизировала свои действия в этом направлении. Вместе с Германией она стала подлинным мотором европейской интеграции, хотя взгляды этих двух стран по конкретным проблемам устройства объединенной Европы не всегда совпадали. Республика неизменно выступала за расширение территориальной сферы интеграционного объединения практически на всех этапах этого процесса, за исключением ее позиции в отношении Великобритании в 70-х годах XX в. и Турции – сегодня. Французское руководство считает последнюю не готовой к вступлению в ЕС из-за серьезных нарушений прав человека, слишком большого влияния армии на политическую жизнь страны и не вполне европейского географического положения.

Франция являясь принципиальной сторонницей расширения Европейского союза на восток, аргументировала это жизненной необходимостью распространения

на Центральную и Восточную Европу зоны экономической и политической стабильности. Официальный Париж считал, что расходы ЕС на подтягивание этих стран до уровня других членов Союза будут меньше, чем размеры помощи, которая может им понадобиться, если эти страны вовремя не примут в Европейский союз. По мнению французских политиков, поэтапная интеграция в западное сообщество государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы стала бы для них надежной гарантией продвижения по пути рыночной экономики и демократии. Кроме того, не последнюю роль здесь играло и то обстоятельство, что, как надеялись французские власти, процесс расширения Евросоюза будет способствовать большему равновесию внутри ЕС, учитывая растущую роль объединенной Германии. Это обстоятельство имело для Парижа особое значение, поскольку франко-германское согласие по проблемам интеграции не всегда было полным. Однако расширение Евросоюза за счет новых членов, как выяснилось в дальнейшем, имело для Франции и серьезные негативные последствия, так как многие из них были тесно связаны с Германией и отнюдь не сочувствовали французским планам лидерства в Европейском союзе, другие же откровенно ориентировались на Соединенные Штаты.

Вклад Франции в формирование условий для расширения ЕС трудно переоценить. Во время председательства в Евросоюзе во второй половине 2000 г. ею был подготовлен проект договора, подписанного в декабре того же года на саммите в Ницце, в котором было предусмотрено дальнейшее расширение Союза путем вступления в него 10 стран-кандидатов. Незадолго до саммита президент Франции Жак Ширак посетил все столицы государств – членов ЕС и провел встречи с их руководителями, обговаривая детали будущего соглашения. В этом обширном документе были изложены не только приоритеты Евросоюза в связи с его будущим расширением, но и интересы каждой страны в отдельности. Несмотря на внесенные в него многочисленные поправки, вызвавшие недовольство французов, Ж.Ширак заявил, что "это наилучшее соглашение из возможных, учитывая существующие противоречия"⁵². Франция выступает за прием в члены Европейского союза и республик, входивших в состав бывшей Югославии. По ее мнению, этот шаг может кардинально решить балканскую проблему и покончить с нестабильностью в регионе.

События последнего времени показали, что расчеты Франции найти опору для расширения своего влияния среди новых членов ЕС оказались призрачными. Эти страны не были готовы принимать франко-германское лидерство и весьма опасались всякого нарушения во взаимодействии Европейского союза и Соединенных Штатов. По сути дела, в ЕС сейчас наблюдается раскол по многим проблемам, при обсуждении которых "новые" члены Союза часто выступают против "старых", занимая откровенно проамериканские позиции. Это привело к тому, что нынешний французский президент Николя Саркози в одном из своих выступлений летом 2008 г. прямо назвал массовый прием в ЕС – "ошибкой".

Процесс расширения Евросоюза с неизбежностью ставил вопрос об углублении процесса интеграции и проведении институциональных реформ, поскольку договориться многочисленным членам ЕС станет невозможно, если не будут разработаны жесткие правила решения спорных вопросов и компетенции интегрированных органов. К тому же такое аморфное в политическом плане объединение как Евросоюз не сможет претендовать на роль одного из полюсов современного мира.

⁵² Defense nationale. 2001. № 3. P. 27.

В реформировании Европейского союза Франция также принимала и принимает самое деятельное участие. Проект институциональной реформы предполагалось утвердить в декабре 2000 г. на саммите ЕС в Ницце. Он был подготовлен Францией как страной, председательствовавшей в тот период в ЕС. Однако проект вызвал ожесточенные споры. В результате были одобрены только некоторые положения, изменяющие Договор о Европейском союзе и другие институциональные акты ЕС. Ниццкий договор внес изменения лишь в основные принципы и процедуры принятия решений квалифицированным большинством, определил квоты в основных органах ЕС как для его членов, так и для государств-претендентов.

На саммите Евросоюза в Лакене в декабре 2001 г. было принято решение о создании особого органа – Конвента для выработки новой институциональной структуры ЕС. Его председателем стал бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен. Конвент должен был ответить на вопросы: нужна ли единая конституция ЕС вместо договоров, которые составляют юридическую основу Евросоюза; нужно ли избирать президента ЕС вместо ротации каждые полгода лидеров стран – членов ЕС на посту председателя Европейского совета; должен ли председатель Еврокомиссии избираться, а не назначаться, как это было до сих пор; нужен ли Евросоюзу министр иностранных дел и т.д.

В ходе обсуждения текста конституции в Конвенте развернулись острые дискуссии. Президент Ж. Ширак и члены правительства неоднократно выступали с изложением французской точки зрения по поводу основы институционального устройства Европейского союза, которая в корне отличалась от концепции канцлера Г. Шрёдера. Если ФРГ являлась сторонницей федеративного устройства Евросоюза и стремилась к превращению существовавших до сих пор институтов ЕС в мощные наднациональные органы управления, в которых Германия, благодаря своему политико-экономическому и демографическому весу, рассчитывала занять ведущие позиции, то Франция хотела, чтобы институциональная система Евросоюза основывалась на независимых суверенных государствах, была "Европой отечеств". Она выступала только за постепенную передачу компетенций наднациональным органам. Несмотря на это, Франция признавала необходимость таких элементов федерации как приоритет общеевропейского права, независимых Еврокомиссии, Европарламента, Европейского суда, единого рынка и единой денежной системы, общей внешней и военной политики.

Результатом работы Конвента стал довольно объемный документ, регламентирующий практически все сферы деятельности Европейского союза и определяющий его структуру. Целый ряд положений французской позиции нашел отражение в этом проекте конституции. Документ, названный Конституционным договором, был одобрен в июне 2003 г. на саммите ЕС в Греции. Нельзя утверждать, что договор носил революционный характер, тем не менее, он не получил одобрения на референдумах во Франции и Нидерландах. Принятие договора оказалось заблокированным, что отражало настроения граждан этих стран, опасавшихся еще большего роста влияния брюссельских чиновников, чья деятельность вызывает у европейцев постоянные нарекания. Но французские власти считали, что процесс институционализации Евросоюза не может быть остановлен. Работа над текстом конституционного документа при непосредственном участии Франции продолжалась.

Первым зарубежным визитом Николя Саркози, победившего на президентских выборах во Франции в мае 2007 г., была поездка в Германию для окончательного согласования с канцлером Ангелой Меркель нового текста, который отныне назывался "Договором о реформе". В целом этот документ дополнял принятые

ранее соглашения об учреждении Европейского союза. В соответствии с ним вводилась должность президента Евросоюза, расширялись полномочия Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности, утверждался ряд новых процедур в сфере принятия решений и т.д. Естественно, что речь не шла о создании какого-либо варианта "супергосударства". "Договор о реформе" был обсужден и одобрен на саммите ЕС в Лиссабоне 18–19 октября 2007 г.

Предполагалось, что новый документ пройдет апробацию только в парламентах стран – членов ЕС. Исключением стала Ирландия, вынесшая в июне 2008 г. этот вопрос на референдум, на котором так называемый Лиссабонский договор не получил одобрения. Таким образом, процесс конституционного оформления Европейского союза в очередной раз оказался заблокированным. Но французы предприняли новые усилия по "разруливанию" ситуации. Сразу же после референдума президент Н. Саркози нанес визит в Ирландию, чтобы выяснить у ирландского руководства причины отрицательного отношения населения страны к Лиссабонскому договору и выработать план его преодоления. Усилия французского президента не пропали даром. На референдуме в 2009 г. ирландцы проголосовали за Лиссабонский договор. В том, что он одобрен теперь всеми членами Евросоюза несомненна заслуга Франции.

Важнейшим компонентом французского плана строительства Европейского союза как одного из полюсов современной мировой системы является формирование Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). В Маастрихтском договоре 1992 г. говорилось, что ЕС "начинает проводить общую внешнюю политику и политику безопасности"⁵³. К формулированию этого тезиса Франция имеет самое непосредственное отношение, так как раздел Маастрихтского договора, касающийся ОВПБ, был составлен на основе франко-германской инициативы от 6 декабря 1990 г. Президент Ширак неоднократно высказывался в пользу выработки "большой европейской политики", на которую французское руководство рассчитывало оказывать преобладающее влияние.

Одним из главных векторов европейской политики Франции стало ее участие в создании военной составляющей Европейского союза. Париж отдавал себе отчет в том, что при любой форме институционализации Союза одной экономической мощи недостаточно. Именно поэтому в последние годы XX столетия Франция начала выдвигать инициативы в области формирования Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) как неотъемлемой части ОВПБ и создания ее реальной оперативной базы – европейских военных соединений. В своих выступлениях президент Ширак подчеркивал, что "создание постоянных (военных) органов в Европейском союзе позволит ему принимать решения и действовать в условиях полной автономии с привлечением или без средств НАТО, для того чтобы предупреждать или управлять кризисами, которые затронут его безопасность"⁵⁴.

Однако процесс создания военной компоненты ЕС продвигался с трудом, несмотря на громкие заявления и принимаемые решения. Дело в том, что не все члены ЕС были готовы, подобно Франции, оперативно действовать в этом направлении. Так, по словам французского военного эксперта, большинство европейцев "совсем не готовы ни политически, ни в финансовом отношении сделать необходимые усилия, чтобы создать оборону, способную заменить НАТО"⁵⁵. Главным же препятствием на этом пути была позиция Соединенных Штатов. С одной стороны, они не были против создания европейских вооруженных сил,

⁵³ Договор о Европейском союзе // Документы Европейского союза. Т. II. М., 1994. С. 163.

⁵⁴ Defense nationale. 2001. № 7. P. 10.

⁵⁵ Defense nationale. 1996. № 10. P. 97.

поскольку это в определенной мере облегчало бремя их собственных расходов на обеспечение безопасности Европы, с другой – стремились к тому, чтобы создаваемая военная организация ЕС находилась под их жестким контролем. Это в свою очередь не устраивало группу членов Евросоюза во главе с Францией, которые считали, что Союз должен обладать автономной военной силой.

В течение ряда лет французы неизменно пытались продвинуть идею автономности военной составляющей ЕС. Но в связи с тем, что верный союзник Соединенных Штатов – Великобритания выступала против, им каждый раз приходилось отказываться от этого замысла. Ситуация складывалась для европейцев откровенно унижительная: при каждом очередном решении о ЕПБО они вынуждены были подтверждать свою верность альянсу и отсутствие намерений вторгаться в его компетенцию. Но французы не хотели мириться с таким положением в отношениях между НАТО и ЕС. Преодолевая множество препятствий, европейские страны, вдохновляемые Францией и Германией, создали не только институциональную основу ЕПБО, но и объединенные военные соединения, хотя и довольно ограниченного масштаба. Предполагается, что эти мобильные военные группировки к 2010 г. будут насчитывать 20 тыс. человек.

Несмотря на определенные успехи в деле строительства военной составляющей ЕС, решение основной проблемы, тормозившей ее реализацию, а именно – разграничение полномочий в военной сфере между НАТО и ЕС, американцами постоянно затягивалось. Лишь в 2003 г. такое соглашение под названием "Берлин плюс" было подписано. Однако оно не ликвидировало зависимость ЕПБО от НАТО. Осталось условие, по которому европейские военные силы могут быть задействованы только в тех ситуациях, когда альянс сочтет для себя нежелательным вмешиваться в них. Правда, со стороны НАТО была сделана небольшая уступка: в некоторых случаях альянс соглашался предоставлять свои военные части в распоряжение европейцев. Французские военные эксперты и теперь признают, что соглашение "Берлин плюс" из-за препятствий политического характера, мешающих установлению более эффективных отношений, не полностью адаптирован к ситуации, когда "две организации действуют бок о бок"⁵⁶.

По существу, военная опора Евросоюза оставалась ничтожной по сравнению с его экономическим потенциалом. Это обстоятельство вызывало постоянное раздражение членов ЕС во главе с Францией, которые стремились к созданию адекватной европейской военной составляющей. До сих пор она не представляет собой самостоятельной силы, в связи с этим значительная часть акций в рамках ЕПБО осуществляется европейцами в форме военно-гуманитарных и сугубо гуманитарных миссий. Например, несмотря на длительные переговоры по поводу замены ооновских сил в Косово, лишь в декабре 2008 г. была достигнута договоренность о размещении на территории края полицейских сил Евросоюза. Справедливости ради следует признать, что в строительстве европейских вооруженных сил, благодаря настойчивости Франции, был достигнут определенный успех. Они участвовали в более полутора десятках операций не только в Европе, но и в Африке, носивших как военный, так и военно-гражданский характер. Однако начиная с 2007 г. успехи строительства военной составляющей Европейского союза резко замедлились в результате позиции, занятой по этому вопросу равняющимися на Соединенные Штаты новыми членами ЕС. В своем выступлении в Фонде стратегических исследований 11 марта 2009 г. президент Саркози вынужден был признать, что ситуация оказалась "полностью заблокированной"⁵⁷.

⁵⁶ См.: Op. cit. 2009. № 3. P. 12.

⁵⁷ См.: Le Monde. 13.03.2009.

За скобками переговоров по созданию европейских сил обороны остается судьба ядерного арсенала Франции и Великобритании, хотя на протяжении 90-х годов прошлого века и первых лет XXI века делались попытки координации ядерной политики этих стран. Для этого была даже создана англо-французская Совместная комиссия по ядерной доктрине и политике. О том, что при создании европейской обороны невозможно обойти вопрос о европейской ядерной доктрине, говорилось еще во французской Белой книге по вопросам обороны 1994 г. Пока что прогресса на этом пути не наблюдается. Однако нет сомнений, что вопрос о европейском ядерном сдерживании со временем будет включен в повестку дня европейской обороны.

Тем не менее, нельзя не отметить, что в целом успехи европейской интеграции за два прошедших десятилетия налицо: состав Европейского союза расширился до 27 членов, введена европейская валюта (евро), созданы предпосылки для вступления в силу конституционного договора ЕС, предпринимаются усилия по созданию системы европейской обороны. И роль Франции в этом процессе неоспорима.

* * *

Параллельно с формированием Европейского союза как одного из мировых центров грядущего многополярного мира Франция начала действовать в направлении укрепления трансатлантических связей, в частности, налаживания отношений с НАТО. Как известно, в июле 1966 г. Республика вышла из военной организации НАТО, являвшейся проводником американской политики в Европе. Осуществляя независимый внешнеполитический курс, она опиралась на солидный военный потенциал. В ее распоряжении были вооруженные силы, оснащенные передовой военной техникой и подкрепленные ядерной компонентой. Но уже в 80-х годах, при президенте Миттеране, Франция вернулась в некоторые военные структуры блока. Руководство страны на протяжении последующих лет неоднократно подчеркивало важность альянса в обеспечении безопасности в Европе. Развал Советского Союза и формирование «однополярной системы» в мире заставил французов продолжить пересмотр своих отношений с НАТО. Особую опасность они видели в воссоединении Германии и последующем превращении ее в региональную сверхдержаву. Президент Миттеран даже нанес неожиданный визит в Советский Союз, чтобы убедить М.С. Горбачева не торопиться с воссоединением Германии. Однако его усилия оказались безуспешными. В начале 90-х годов Франция вновь предприняла ряд шагов по возвращению в военную организацию НАТО. Не последнюю роль в этом сыграла дестабилизация обстановки на Балканах, где сепаратизм республик, входивших в Югославию, привел к кровавым столкновениям между ними, а также расширение масштабов терроризма в мире.

Французы понимали, что с исчезновением Советского Союза, уравновешивавшего мощь США, оставаться аутсайдером становилось опасно. По мнению французских властей, НАТО не только сохранила свои возможности по обеспечению коллективной обороны своих членов, но значение ее в этой области безусловно выросло. Вместе с тем, французы считали, что в изменившейся обстановке НАТО должна быть приспособлена к новым реалиям: ей нужна была новая доктрина, изменения в структуре и кадрах, т.е. нужна была кардинальная реорганизация альянса с целью его укрепления и придания ему новых возможностей по противодействию угрозам и вызовам современности. Французы стремились принять самое активное участие во всех этих процессах.

Именно поэтому с приходом в 1995 г. к власти президента Ж. Ширака процесс возвращения Франции в военную организацию блока был продолжен. По мнению

Ширака, он должен был сопровождаться "европеизацией" альянса, которую французы связывали с реформой евро-атлантических отношений. Следует отметить, что после выхода Франции из военной организации НАТО между французскими левыми и правыми существовал консенсус по вопросам обороны с опорой на национальные силы. Между тем процесс "ползучего" возвращения страны в альянс не вызвал ни у тех, ни у других серьезных возражений.

В начале декабря 1995 г. было объявлено о трех французских инициативах. Во-первых, министр обороны Франции должен регулярно участвовать в работе НАТО вместе со своими коллегами. Во-вторых, Республика снова займет свое место в Военном комитете. В-третьих, она намерена улучшать рабочие отношения со штаб-квартирой Верховного командования вооруженных сил НАТО в Европе и с командованиями, подчиненными НАТО. Одновременно президент Ширак предложил США предоставить командование силами альянса в Средиземноморье европейцу при сохранении ими общего стратегического командования в Европе и Атлантике. Замысел Парижа заключался не в том, чтобы вытеснить американцев из Европы, а в том, чтобы европейцы могли коллективно отстаивать свои интересы в рамках НАТО посредством усиления внутри блока "европейской компоненты". Однако Соединенные Штаты категорически отвергли эту идею под предлогом того, что Средиземноморье и Ближний Восток входят в зону их особых интересов.

Развивающийся на Балканах с начала 90-х годов XX в. кризис продемонстрировал неспособность Евросоюза справиться самостоятельно с подобной опасной ситуацией, поскольку он не обладал для этого адекватными военными средствами. Как известно, возглавили военную акцию НАТО в Югославии Соединенные Штаты. К сожалению, Франция безоговорочно включилась в эти карательные мероприятия, надеясь таким образом укрепить свои позиции в альянсе. Естественно, что степень ее участия здесь была несравнимо меньше, чем США, но значительно больше, чем любой другой европейской страны. В бомбардировках Югославии были задействованы новейшие французские самолеты и вертолеты, использованы разнообразные средства наблюдения, в том числе наблюдательный спутник Гелиос. На эту военную кампанию французское правительство израсходовало 2.5 млрд. фр.

Франция также участвовала в натовских операциях по "умиротворению" в Боснии и Косово, проходивших под флагом ООН. Французский генерал М. Валантэн был одним из первых командующих *Kosovo Force (KFOR)* в Косовском крае, который фактически превратился в протекторат под контролем этих сил. Временную же администрацию ООН в Косово первоначально возглавлял нынешний французский министр иностранных дел Бернар Кушнер, который своими действиями фактически способствовал реализации планов албанских сепаратистов.

Свой вклад Франция внесла и в военные операции НАТО против талибов в Афганистане, ведущиеся с 2001 г., где французский контингент составлял около 3000 человек. В начале 2009 г. она откликнулась на просьбу американской администрации увеличить его численность. С 2004 г. Франция начала еще активнее включать своих офицеров в объединенные военные структуры НАТО. Отметим, что до полного ее возвращения в альянс более сотни французских военнослужащих трудились в различных его комитетах. С 2007 г. страна принимает участие в Силах быстрого реагирования НАТО (*Nato Responce Force*), а ее доля в финансировании военного бюджета блока стала весомей. Париж никогда категорически не высказывался против форсируемого американцами расширения НАТО на восток, предлагая, правда, обсуждать его с Россией, чтобы соблюсти интересы последней. Но эти предложения руководством альянса услышаны не были.

Тем не менее, несмотря на стремление к укреплению трансатлантических связей, у Парижа нарастало раздражение бесцеремонной политикой Вашингтона в отношении европейских партнеров. Накал его, однако, несколько снизился после 11 сентября 2001 г., когда французы выразили свою безоговорочную солидарность с Америкой в борьбе с терроризмом. Об этом свидетельствует реакция французских СМИ: 13 сентября 2001 г. первую полосу официальной газеты *Le Monde* украсил заголовок: "Мы все – американцы!"

В первый раз с момента постепенного возвращения Республики в военные структуры альянса, группа европейских стран во главе с Францией и Германией "подняла бунт на натовском корабле", когда стали известны планы Соединенных Штатов в отношении Ирака. Они не только отказались от участия в американской интервенции, но во всеуслышание осудили действия США в Ираке с трибуны ООН.

Позиция Франции в отношении Ирака первоначально определялась не столько политическими, сколько экономическими соображениями. В иракскую нефтяную промышленность были вложены огромные французские капиталы. Однако единоличные действия США в Ираке в обход ООН, превращавшие в статистов всех остальных участников международной системы, должны были подтвердить незыблемость однополярного мира во главе с единственной сверхдержавой – Соединенными Штатами. Франция и Германия, к которым присоединилась и Россия, настаивали на том, чтобы "в переходный период Ирак оказался под многосторонним управлением"⁵⁸.

В то же время французы опасались встать на позиции открытого антиамериканизма. Вначале они даже предполагали послать в Ирак свои самолеты, а Ж.Ширак был одним из первых, кто приветствовал падение режима Саддама Хусейна. Именно поэтому Франция вела себя достаточно осторожно во время саммита Евросоюза в Брюсселе (март 2003 г.). В ходе саммита члены ЕС заявили о своей готовности принять участие в послевоенном восстановлении Ирака, предоставить его населению гуманитарную помощь и рассмотреть вопрос о судьбе иракского долга. "Я не думаю, что сейчас формируется новый, а именно антиамериканский альянс", – сказал известный политолог, директор Французского института международных отношений Т. де Монбриаль⁵⁹.

Впоследствии Париж постарался не доводить свои разногласия с Вашингтоном до открытой конфронтации, проголосовав в ООН за резолюцию по Ираку, устраивавшую американцев. Это в определенной мере подтверждало слова видного французского историка Ж.-А.Суту, что "после размолвки с Соединенными Штатами всегда наступало примирение"⁶⁰. Вместе с тем при каждом удобном случае французы выражают свое недовольство системой отношений, сложившейся в альянсе. По словам одного из представителей внешнеполитического ведомства страны, НАТО для его членов подобна религии. Французы же «по природе агностики»⁶¹. В планы Парижа не входило "хоронить" идею более справедливого распределения ответственности в евро-атлантическом сотрудничестве, что заставляло его осуществлять тактику "малых шагов" на пути возвращения в НАТО, а также направленных на укрепление ЕС и, в частности, строительства военной компоненты Союза.

* * *

⁵⁸ Le Figaro. 06.04.2003.

⁵⁹ Независимая газета. 25.05.2003.

⁶⁰ Цит. по: *Molenaar Arnout*. (Dis)Organising European Security. The Hague, 2007. P.166.

⁶¹ См.: *Molenaar Arnout*. Op. cit. P.174.

В целом политика Франции по реализации евро-атлантического проекта на рубеже XX–XXI вв., не принесла видимых результатов, поскольку Соединенные Штаты не собирались отказываться от своего лидерства и делиться им с европейскими партнерами.

Наиболее откровенно недовольство американской политик высказывалось в многочисленных работах французских ученых, содержащих анализ современной международной системы. Так, известный политолог П. Асснер и его соавтор Ж. Ваисс в книге "Вашингтон и мир" резко критикуют позицию США. "В американской истории существует константа, почти не знающая исключений, – пишут они, – это убеждение, что Соединенные Штаты – страна непохожая на другие и что на них возложена универсальная ответственность"⁶². И президент, и сами американцы воюют во всех частях света против тех, кто не признает такую модель. В результате, США превратились во "всемирного жандарма". Другой французский исследователь утверждает, что стремление господствовать над планетой заложено "в самом американском гено типе"⁶³. Он обвиняет Соединенные Штаты в тоталитаризме, подчеркивая, что стремясь повсюду навязать свою модель, они не колеблясь "пойдут на любые экстремальные действия"⁶⁴. По милости американцев, пишет автор, "мир вступил в эру, характеризующуюся состоянием постоянной войны"⁶⁵. США, по мнению французских аналитиков, определяют свою политику односторонне, не считаясь с интересами других государств, поскольку ее исключительный статус "не приучил их обращаться с другими нациями, как с равными"⁶⁶.

Нередко звучали еще более резкие высказывания в адрес Соединенных Штатов. Например, американцы обвинялись в том, что, применяя "модель сумасшедшего", они "становятся для мира настоящей проблемой"⁶⁷. По мнению французских ученых, США используют терроризм как силу, институционализирующую состояние постоянной войны в масштабе всей планеты, а теракт 11 сентября – как инструмент, с помощью которого они могут контролировать Старый Свет, нейтрализовать и, в конце концов, колонизовать его. Кроме того, разговоры об «однополярном мире» среди представителей американского истеблишмента стали более категоричными именно после этого акта гипертерроризма.

Чрезвычайно негативно оценивают французские эксперты политику США в отношении Европы. Они считают, что для американцев расширение ЕС предпочтительнее его углублению как системы. По мнению П. Асснера и Ж.Ваисса, после окончания холодной войны в политике США в отношении Евросоюза существовали две константы. Первая – поддержка объединения Европы при условии, что она "не покусится на американское лидерство". Вторая – требование увеличения европейской доли материальной (финансовой и военной) ответственности в расходах НАТО, но без соответствующего увеличения влияния европейцев в этой организации⁶⁸. Мощь Соединенных Штатов, их неоспоримая роль военного и экономического лидера, а также сознание собственной правоты имело своим результатом, отмечали эксперты, своеобразную моральную и ментальную

⁶² *Hassner P., Vaisse J. Washington et le monde. Paris, 2003. P.57.*

⁶³ *Bugnon-Mordant M. Etats-Unis. La manipulation planetaire. Paris, 2003. P.8.*

⁶⁴ *Ibid. P.273.*

⁶⁵ *Bugnon-Mordant M. Sauver l'Europe. Paris, 2000. P.84.*

⁶⁶ *Boniface P. Le monde contemporaine: grande ligne de partage. Paris, 2001. P.62.*

⁶⁷ *Todd E. Apres l'empire. Essai sur la decomposition du systeme americaine. Paris, 2002. P.9–10.*

⁶⁸ *См.: Hassner P., Vaisse J. Op.cit. P.154.*

изоляция американцев. В связи с этим, присутствуя почти во всех уголках мира, они остаются "глухи и слепы в отношении происходящих в нем изменений"⁶⁹.

В то же время, несмотря на жесткую критику американской политики, французское научное сообщество считает, что интересы американцев и европейцев отнюдь не противоположны. Речь идет, скорее, об их концепциях соотношения между силой и правом, между мощью и легитимностью. "В мире, который стал опасным, – пишет Ксавье де Вильпен, – роль европейцев и американцев должна стать взаимодополняющей"⁷⁰.

Между тем обеспокоенность вызывают высказывания американских руководителей о том, что Европа уже не является тем пространством, где делается История. Масла в огонь подлила и статья Д. Рамсфельда в журнале *Defence Review*, в которой основные приоритеты американской политики после 11 сентября 2001 г. были обозначены как "защита американской территории и Азия"⁷¹.

Что касается НАТО, то, по мнению французских экспертов, после развала Советского Союза и ликвидации Варшавского договора альянс усилился, возросла степень его автономии от Организации Объединенных Наций, но из-за существующих внутренних противоречий он сегодня мало приспособлен для того, чтобы "поддерживать традиционные трансатлантические связи"⁷².

* * *

Однако в мире накапливались изменения, подтачивавшие однополярную систему. Рост силы и авторитета на мировой арене Китая, Индии и Бразилии, успехи интеграционного процесса в Европе, возвращение России в качестве одного из ведущих действующих лиц на мировой арене, цепь ошибок, совершенных американской администрацией во внешней политике, ее неудачи в Ираке и Афганистане свидетельствовали о том, что время американской гегемонии подходит к концу, а «однополярный мир» постепенно уступает место многополярному.

События августа 2008 г. подтвердили реальность сдвигов, происшедших на международной арене. И НАТО, и США в силу целого ряда причин оказались вне переговорного процесса по урегулированию грузино-южноосетинского конфликта. В этих условиях президент Франции перехватил инициативу у своих евроатлантических партнеров. Роль президента Н. Саркози в урегулировании военного конфликта на Кавказе трудно переоценить, будучи главой страны председательствующей в Европейском союзе, он действовал оперативно, взяв на себя ответственность за принятие решений от имени всего ЕС. Как известно, уже 12 августа между Н. Саркози и Д. Медведевым были проведены переговоры о прекращении огня и подписано соглашение, определяющее основные условия прекращения военных действий и последующее поведение сторон, участвовавших в конфликте.

По сути дела, французский президент, формально представляя своих партнеров по Евросоюзу, действовал самостоятельно, не имея мандата ЕС на переговоры с президентом России. Опасаясь, очевидно, деструктивного вмешательства со стороны "новых" членов Евросоюза, ориентирующихся в своей политике на Соединенные Штаты, он поставил их перед свершившимся фактом, потребовав узаконить подписанное им и президентом Медведевым соглашение. В западной прессе действия Н. Саркози были подвергнуты критике. Тем не менее, его оппоненты вынуждены были признать, что в урегулировании грузино-

⁶⁹ Hassner P., Vaisse J. Op.cit. P. 168.

⁷⁰ De Villepin Xavier. Un nouveau monde dans les relations internationales. Paris. 2005. P.208.

⁷¹ Hassner P., Vaisse J. Op.cit. P.156.

⁷² La revue internationale et strategique. Printemps 2002. № 45. P.16.

южноосетинского конфликта он проявил "неслыханную" активность, опередив всех своих европейских партнеров. Конфликт на Кавказе наглядно показал, что мир, как сказал французский президент, выступая 27 августа 2008 г. перед дипломатическими представителями во Франции, перестает быть однополярным⁷³. В создавшейся ситуации Н. Саркози увидел реальные возможности для расширения самостоятельности и роста авторитета на международной арене как Франции, так и Европейского союза в целом.

Необходимо подчеркнуть, что именно с приходом к власти во Франции Н. Саркози начался завершающий этап ее окончательного возвращения в НАТО. Не последнюю роль в интенсификации этого процесса сыграл и начавшийся кризис мировой экономики, который оказал разрушительное воздействие, прежде всего, на экономику США. Францию кризис на первоначальном этапе задел в меньшей степени. В этой связи у французских властей, видимо, создалось впечатление, что от кризиса, как это ни парадоксально, Франция может выиграть как субъект мировой политики, поскольку Соединенные Штаты в этот период будут обременены внутренними проблемами.

В своем выступлении 17 июня 2008 г. по поводу обнародования Белой книги по обороне и национальной безопасности 2008 г. Н. Саркози заявил: "Североатлантический альянс – это наш альянс. Он – символ общности трансатлантических ценностей и интересов"⁷⁴. Президент отметил, что Франция – один из основных поставщиков вооруженных сил НАТО. Понимая, что явный разрыв с голлистской традицией неучастия в военной организации НАТО может вызвать у многих французов серьезные опасения, Н. Саркози поспешил заверить, что он полностью поддерживает принципы, сформулированные в свое время генералом де Голлем, а именно:

- Франция во всех обстоятельствах сохранит полную свободу в решении посылать ли ей войска для участия в операции НАТО;
- Франция не предоставит свой военный контингент на постоянной основе под командование НАТО в мирное время;
- французские ядерные силы сдерживания останутся строго национальными силами.

По словам Саркози, именно эти принципы должны быть положены в основу политики Франции по отношению к НАТО И только на базе этих принципов страна могла бы полностью возобновить отношения с НАТО, не опасаясь за свою независимость и не рискуя быть втянутой в войну помимо своей воли. "Если Франция, – сказал он, – вновь займет свое место в НАТО в полном объеме, это будет союз, в котором влияние Европы станет более весомым". Вместе с тем Н. Саркози связал проблему присоединения Франции к военной организации блока с прогрессом в области европейской обороны. По его мнению, независимая "Европа обороны" и Североатлантический альянс, в котором Франция должна занять полагающееся ей место, идут рука об руку.

Побудительным мотивом к полному возвращению Франции в военные структуры НАТО несомненно послужило опасение, что страна может опоздать, принять активное участие в ее реформировании, которое должно предусматривать, помимо прочего, четкое разграничение обязанностей между альянсом и ЕПБО. Париж считает, что НАТО – организация, предназначенная для более серьезных военных действий, которые выходят за европейские географические рамки. Что же касается Евросоюза, то его военные силы должны использоваться в операциях именно на территории европейских государств, где они способны заменить НАТО, и

⁷³ Le Monde. 28.08.2008.

⁷⁴ www.elysee.fr

в военно-гражданских операциях, в проведении которых у ЕС имеется большой опыт. Такая позиция объясняется тем, что, по мнению французских военных экспертов, "Европа не является больше для Соединенных Штатов стратегическим приоритетом"⁷⁵.

Руководство альянса со своей стороны старалось создать впечатление, что НАТО и ЕС "стоят на пороге новой эры в своих отношениях"⁷⁶. Правда, при этом оно не преминуло призвать европейцев увеличить свой вклад в бюджет альянса. Президент Буш в своей речи 13 июня 2008 г. заявил, вопреки фактам, что дружба, связывающая США и Францию, никогда не была поколеблена и назвал Францию "первым другом Америки"⁷⁷. Новая американская администрация также предприняла ряд шагов в целях интенсификации консультаций со своими европейскими союзниками, в частности по Афганистану и Пакистану, о чем свидетельствуют поездки в Брюссель в марте 2009 г. госсекретаря Х. Клинтон и вице-президента Дж. Байдена. Во время своего визита Байден подтвердил желание президента США Барака Обамы "слушать" ("*ecouter*") американских союзников и использовать их опыт⁷⁸, но вновь призвал союзников "разделить бремя" Соединенных Штатов и увеличить свои военные контингенты в Афганистане.

Объявленное президентом Саркози возвращение Франции в военную организацию НАТО, кратко именуемое просто разрывом ("*rupture*"), - имелся в виду разрыв с голлистской традицией, - вызвало во Франции невиданные дебаты. И хотя по опросам общественного мнения 58% французов одобряли это решение, на него обрушился шквал жесткой критики. Те, кто выступали "за", рассматривали его как завершение технической эволюции, происходившей в течение многих лет, и как "акт политического мужества" со стороны президента Франции. Выступавшие "против", считали его полным разрывом с голлистской традицией, политическим актом, ослабляющим позицию Парижа в мире.

Категорически не приняла это решение Социалистическая партия в целом. Лионель Жоспен назвал его "разрушением полувекового консенсуса между левыми и правыми по вопросу обороны", а Сеголен Руаяль – "движением в неверном направлении". Французские коммунисты усмотрели в нем "равнение на Соединенные Штаты", а "Зеленые" – "обращение к прошлому, а не к будущему". Достаточно резкой была и реакция председателя Демократического движения Франсуа Байру, который сказал: "Мы отказываемся от того, что было нашей отличительной особенностью, от того символа независимости, который давал Франции особую идентичность в концерте наций"⁷⁹.

Президент Саркози подвергся критике не только со стороны своих политических оппонентов, но и внутри своей собственной партии – Союза за народное движение. Против него выступили бывшие премьер-министры Ален Жюппе и Доминик де Вильпен. В своем интервью, напечатанном 17 марта 2009 г. в газете *Le Monde*, де Вильпен подчеркнул: "То, что нам сегодня предлагают, это политический разрыв, который является знаковым". Он назвал разрыв "ошибкой" и предостерег от возможного превращения НАТО в ООН-2 или "военный кулак Запада".

Ответом на критику его оппонентов было большое эмоциональное выступление Н. Саркози в Фонде стратегических исследований 11 марта 2009 г. Президент Республики напомнил, что многочисленные французские солдаты уже в

⁷⁵ Defense nationale. 2008. № 7. P. 94.

⁷⁶ Ibid. P.115.

⁷⁷ www.oecd.org

⁷⁸ См.: Le Monde. 12.04.2009.

⁷⁹ Le Monde. 18.03.2009.

течение долгого времени участвуют в наземных операциях, ведущихся НАТО. Он заявил, что возвращение в объединенные военные структуры альянса ни в коей мере не ставят Париж в зависимость от пожеланий Вашингтона, подчеркнув, что в настоящее время НАТО "недостаточно европейская организация" и нуждается в реформе, в которой Франция должна принимать видимое участие. Тем не менее, отметил Саркози, даже сейчас Североатлантический альянс "является символом общности трансатлантических ценностей и интересов" Кроме того, окончательное возвращение Франции в его структуры позволит сдвинуть с места проблему Европейской обороны⁸⁰.

Учитывая важность решения, французское правительство предполагало поставить вопрос о полном возвращении страны в НАТО на голосование в Национальной ассамблее 17 марта 2009 г., но в последний момент отказалось от этой идеи: в сложившейся ситуации руководство страны не было уверено в поддержке большинства в Ассамблее, а также в Сенате.

В итоге, на юбилейной сессии НАТО в честь 60-летия ее создания, проходившей 3 и 4 апреля 2009 г., Франция в торжественной обстановке вернулась в военную организацию альянса, вновь приняв на себя обязанности, от которых в свое время отказался генерал де Голль. В военные структуры НАТО будут введены 900 французских офицеров, и Франции обещано в них два крупных поста.

Что может означать для России такой поворот событий? Французские военные эксперты считают, что в сложных отношениях стран Запада с Пекином, Кабулом, Тегераном, а также в борьбе с исламским фундаментализмом Москва может быть ценным партнером⁸¹. Более того, они высказывают убеждение, что для континентального сердца Европы, состоящего из Германии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, Австрии и Венгрии, поддержанных Италией, Испанией, Португалией, Грецией и Кипром, "Россия является историческим партнером и сотрудничество с ней должно превалировать над конфронтацией"⁸². И хотя Москва, по мнению французских экспертов несет свою долю ответственности за ухудшение отношений с НАТО, последняя "не всегда придавала должное значение сохранению и усилению своего партнерства с Россией"⁸³.

Известно, что Н. Саркози с интересом встретил предложения, выдвинутые Д. Медведевым, о создании общеевропейской системы безопасности. В своем выступлении 11 марта 2009 г. он подтвердил, что Франция хочет "перестроить свои партнерские отношения с Россией" и обсуждать с ней вопросы европейской безопасности⁸⁴. Судя по всему, французское руководство рассчитывает в результате своего возвращения в военную организацию альянса оказывать большее влияние на формирование отношений между НАТО и Россией. Время покажет, сможет ли оно реализовать эти планы.

* * *

Итак, сегодня можно сказать, что пресловутый «евро-атлантический проект», о котором так много говорили во Франции в середине 90-х годов, имеет определенные шансы на претворение жизнь. Однако эйфорию сторонников перестройки евроатлантических отношений разделяют далеко не все. Во Франции немало тех, кто считает возвращение страны в военные структуры альянса, с которым французские власти связывают столько надежд, скорее, завершением процесса, нежели началом

⁸⁰ См.: Le Monde. 13.03.2009.

⁸¹ См.: Defense nationale. 2008. № 1. P. 29–30.

⁸² Defense nationale. 2008. № 10. P. 37.

⁸³ Defense nationale. 2009. № 3. P.11.

⁸⁴ См.: Le Monde. 13.03. 2009.

действительно новой эры. Не лишены основания сомнения в том, как поведут себя возможные новые члены альянса, и каковы будут последствия его обязательств в отношении последних. Речь идет о рвущихся в НАТО государствах, обремененных как внутренними, так и внешними проблемами. Вместе с тем критики внешнеполитической линии французского правительства задаются вопросом, каким образом оно может определять свою позицию в отношении этой организации, если "четко неизвестны ни ее роль, ни предназначение, ни ее состав"⁸⁵.

Уже сейчас идут разговоры о возможности появления нового формата трансатлантических отношений, призванного якобы еще больше их укрепить, – договора между Соединенными Штатами и Европой⁸⁶. Если задуманный французами «евро-атлантический проект» реален, то процесс его осуществления, вероятно, окажется долгим и сложным. Его судьба будет зависеть от многих факторов, в том числе от желания США не только "слушать", но и "слышать" своих европейских партнеров, а главное от того, каким будет мир в результате кризиса мировой экономической системы, а также каково будет новое соотношение сил на мировой арене.

⁸⁵ Defense nationale. 2009. № 3. P.17.

⁸⁶ См.: Le Monde. 03.04.2009.

ГЛАВА 2. О СООТНОШЕНИИ АТЛАНТИЗМА И ЕВРОПЕИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФРГ

Внешнюю политику Федеративной Республики Германии неизменно отличало сбалансированное сочетание атлантизма и европеизма. При этом для нее никогда не были характерны резкие смены акцентов, не говоря уже об основополагающих ориентирах. Любые перемены вызревали достаточно медленно в рамках деятельности предыдущих правительств и осуществлялись постепенно, в тесном согласовании с союзниками, прежде всего с США. Это было напрямую связано с итогами второй мировой войны, с особым положением двух германских государств и как результат – с особым сознательным ограничением державами – победительницами внешнеполитического суверенитета ФРГ и ГДР. Интегрированная в НАТО, Федеративная республика очень долго играла подчиненную роль в этой структуре. Вплоть до середины 90-х годов Германия, как никакой другой участник Североатлантического союза, зависела от предоставляемых НАТО (а практически – США) гарантий безопасности. Именно этими гарантиями в первую очередь определялись условия и содержание внешнеполитической деятельности Федеративной республики. Долгое время эта деятельность ограничивалась «подстраиванием» к менявшейся военно-политической стратегии её основных партнёров по альянсу, прежде всего США, а также Франции и Англии.. Однако еще до переломных событий 1989-1990 гг. ФРГ начала постепенно превращаться из объекта в субъект союзнической политики когда правительство, возглавляемое Г. Колем, попыталось усилить немецкое влияние в НАТО.

Новые акценты в немецкой позиции в отношении НАТО особенно отчетливо проявились при правлении “красно-зеленой коалиции”, возглавлявшейся канцлером Г. Шрёдером (1998-2005 гг.). С середины 90-х годов ФРГ впервые за послевоенные годы стала использовать свои вооруженные силы за пределами национальных границ, в том числе и за пределами зоны ответственности НАТО, в частности, в Камбодже, Сомали и Боснии. Тогда немецкие политики объясняли это тем, что речь шла исключительно об акциях гуманитарного характера, к тому же осуществлявшихся под эгидой ООН.

После распада СССР и объединения Германии немецкая политика в области безопасности столкнулась с необходимостью изменений. Созданный в целях противостояния “советской военной угрозе” блок НАТО должен был заняться поисками новой идентичности. В определенной мере Североатлантический альянс потерял свое значение для Германии, которая перестала быть “прифронтовым государством”. Стало очевидно, что классическая политика обеспечения безопасности с опорой на военную силу не в состоянии противостоять новым вызовам, связанным с экологическими и технологическими катастрофами, угрозами международного терроризма и необходимостью урегулирования локальных конфликтов. Растущее значение в глазах немецких политиков стал приобретать претендующий на определенную политическую самостоятельность Евросоюз.

Тем не менее уже вскоре после прихода к власти “красно-зеленой” коалиции осенью 1998 г. солдаты бундесвера приняли участие в военной операции НАТО на Балканах. Ночь на 25 марта 1999 г., когда немецкие военные самолеты участвовали в бомбардировке Югославии, стала поворотной точкой в политике Федеративной республики. По утверждению Г. Шрёдера, у ФРГ не было никакого другого выбора, чтобы прекратить “геноцид” в Косово. Однако проблематичность этого выбора заключалась в том, что военные действия НАТО в Югославии осуществлялись без мандата ООН. К тому же, именно позиция

Германии, безоговорочно поддержавшей США, предопределила решение НАТО о проведении военной операции в Югославии. Приняв активное участие в этой операции, ФРГ не только впервые продемонстрировала атлантическую солидарность в таких беспрецедентных масштабах, но и готовность брать на себя ответственность за политические и военные действия, оцениваемые мировым сообществом, в том числе и её европейскими партнёрами, далеко не однозначно. Очевидно, что дело было отнюдь не только в том, что конфликт в Югославии разворачивался в непосредственной близости от немецких границ. Еще за несколько дней до начала бомбардировок Косово это ясно дал понять Г. Шрёдер. Выступая на ежегодной конференции по политике безопасности в Мюнхене, он заявил: “Германия не может и не хочет идти особым путем. Мы выросли в союзе НАТО. И мы хотим в нем оставаться. Поэтому сегодня мы без всяких «если» и «но» готовы брать на себя ответственность и действовать вместе с прочими участниками коалиции – будь то в ЕС или в НАТО“¹.

После 11 сентября 2001 года, когда против США был совершен широкомасштабный террористический акт, правительство ФРГ заявило о своей “неограниченной солидарности” с Америкой. Германия полностью поддержала военные действия США в Афганистане в рамках антитеррористической коалиции. Берлин заявил, что “Соединенные Штаты не только заслужили безоговорочную поддержку Германии, но и ее готовность принять участие в военных операциях”. Однако уже тогда Г. Шрёдер счел необходимым указать, что немецкое общество стало намного сдержаннее относиться к необходимости проведения военных операций, чем прежде. Развитие событий после Косово и особенно после 11 сентября 2001г. показало, что НАТО, а также ЕС теряют своё значение в глазах США. Вместе с тем ещё более очевидной стала зависимость стран ЕС, в большинстве своём являющихся членами НАТО, от участвовавших попыток США использовать военный потенциал НАТО в собственных интересах и по собственному усмотрению.

Соответственно Берлину становилось все трудней соглашаться с теми или иными решениями Вашингтона. В сентябре 2002 г. в США была принята новая национальная стратегия безопасности, которая предусматривает возможность нанесения превентивных военных ударов для защиты от предполагаемых террористических угроз. Это положение подверглось жесткой критике со стороны Германии, которая открыто высказала опасение, что США попытаются заложить его в основу новой стратегии НАТО. Центр внешнеполитических интересов Берлина постепенно начал смещаться в сторону ее второй внешнеполитической “опоры” – Евросоюзу. Задача по выработке в ЕС общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) стала рассматриваться Берлином как необходимый компонент трансформации НАТО в “сбалансированный евро-американский альянс”. Успешная реализация этого проекта стала мыслиться руководством ФРГ как важнейшая предпосылка для осуществления более самостоятельной внешней политики.

Однако сразу же встал вопрос о том, должна ли ОВПБ в будущем стать придатком к НАТО (что отвечало бы интересам США) или же в некоторых ситуациях ЕС мог бы действовать самостоятельно (как это предлагала Франция). Берлин пытался найти выход из этой дилеммы, заявляя, что усиление “европейской основы” альянса и формирование ОВПБ являются взаимодополняющими процессами.

¹ Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder anlässlich der Münchner Tagung für Sicherheitspolitik zum Thema "Deutsche Sicherheitspolitik an der Schwelle des 21. Jahrhunderts" am Samstag, 06. Februar 1999 (<http://www.glasnost.de/militaer/bund/990206muen.html>) .

Соответственно, НАТО остается несущей опорой конструкции европейской безопасности и сохраняет первостепенную роль в сфере коллективной обороны. Кроме того, за Североатлантическим союзом остается право решать, как следует действовать в той или иной кризисной ситуации, а ЕС обязан согласовывать свои действия с НАТО. При этом действия Евросоюза должны ограничиваться гуманитарными, спасательными и восстановительными мерами. Приверженность этой концепции, зафиксированной в многочисленных документах как НАТО, так и ЕС, постоянно ставит перед Берлином вопрос о том, следует ли ему при решениях практических проблем становиться на сторону Вашингтона или же Парижа, всегда видевшего в ЕС определенный противовес США. Вплоть до иракского кризиса 2002-2003 гг. Германия всегда выступала на стороне США.

Категорический отказ Германии поддержать войну в Ираке оказался для США совершенно неожиданным и привел к серьезному кризису в германо-американских отношениях. Намечившийся отход Берлина от традиционного атлантизма – поддержки действий США в военно-политической сфере, вызвал неоднозначную реакцию в Германии. В конце 2002 г. более 70% населения высказывалось против использования военной силы в Ираке. В целом, отношение немцев к американской внешней политике явно изменилось в негативную сторону. В сентябре 2003 г. опросы общественного мнения показали, что более 50% граждан Германии отрицательно оценивают нынешнюю роль США в мировой политике (в 2002 г. этот показатель составлял 27%). Число согласных с мировым лидерством США сократилось с 68% до 45%. Одновременно граждане ФРГ стали более положительно оценивать Евросоюз. 81% опрошенных согласились с тем, что для германских интересов ЕС важнее, чем США (в 2002 г. – 55%)².

В тоже время “антиамериканская” риторика Г. Шрёдера вызвала резкую критику в немецких политических кругах, причем не только со стороны представителей консервативных сил, но и в СДПГ. “Бережный подход к германо-американским отношениям – это основной закон для внешней политики Федеративной республики. Этот основной закон был предан забвению правительством Шрёдера-Фишера”, – отмечал известный консервативный политолог К. Хакке³. По его мнению, руководство ФРГ, во-первых, возродило у некоторой части мировой общественности страхи перед возможностью “особого германского пути” в международной политике, во-вторых, допустило серьезное ухудшение германо-американских отношений и тем самым вызвало кризис в Атлантическом сообществе. Не вызывает сомнения, что для этой критики имелись основания. Излишняя поспешность и категоричность, с которой была высказана немецкая позиция по Ираку, отнюдь не способствовали расширению маневренных возможностей ФРГ, в том числе и на европейском направлении. Под угрозой оказались перспективы осуществления проекта ОБВП. Евросоюз оказался расколотым на два лагеря в важнейшем для него вопросе взаимодействия с США. Этот раскол продемонстрировал несостоятельность надежд Берлина на возможность синхронизации процессов расширения ЕС и углубления интеграционных процессов.

Разумеется, кардинального разрыва с традицией атлантизма в политике Германии не произошло, тем более что никто из ответственных политиков ФРГ к этому отнюдь не стремился. При всей возросшей политической самостоятельности, Германия вовсе не пыталась “бросить вызов США”. В Берлине хорошо понимают,

² Deutsch-amerikanische Beziehungen / Publikation für die Bundeszentrale für politische Bildung. Informationen zur politischen Bildung. Aktuel. Bonn. 2003. S.11.

³ Hacke C. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Von Konrad Adenauer bis Gerhard Schroeder. Frankfurt a..M. 2003. S.533.

что что если это и станет когда-нибудь возможным, то только в рамках обретшего единство и обладающего собственными оборонительными возможностями ЕС. К концу своего правления Г. Шрёдер постарался максимально сгладить возникшие в трансатлантических отношениях противоречия. Он неоднократно подчеркивал, что немецкая европейская политика не направлена на отрыв Европы от США или на замену НАТО, а призвана укрепить Североатлантический союз, но только на более равноправной основе. Показательно высказывание тогдашнего министра иностранных дел Й. Фишера о том, что все усилия Берлина в области ОВПБ имеют целью “укрепить трансатлантическое партнерство и НАТО”. По его словам, НАТО не следует опасаться, если европейцы станут сильнее и консолидированней в своем политическом волеизъявлении. Германия “стремится не к конкуренции, а к взаимодополняемости между ОВПБ и НАТО. Эта наша основа”⁴.

Попыткам возвращения ФРГ в привычное атлантическое русло в немалой степени способствовала проамериканская позиция большинства стран ЦВЕ, ставших членами ЕС и НАТО и являющихся зоной особых интересов Германии.

Внутри страны серьезное давление в этом направлении оказывала оппозиция в лице блока ХДС/ХСС. Летом 2003 г. в Фонде К. Аденауэра под руководством заместителя председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге В. Шойбле был разработан документ, согласно которому Германии следовало признать НАТО основным инструментом обеспечения своей безопасности, не поддерживать акции, подрывающие единство альянса и не пытаться формулировать военную составляющую ОВПБ в качестве противовеса НАТО. В июле 2005 г. Шойбле был подчеркнуто сердечно принят в США в явной надежде на улучшение трансатлантических отношений при правительстве А. Меркель (ее победа тогда уже не вызывала сомнений). Показательно, однако, что Шойбле счел необходимым подчеркнуть в Вашингтоне: “Мы не будем все делать иначе, и мы не будем всегда соглашаться с США”⁵. Как и следовало ожидать, пришедшее к власти осенью 2005 г. правительство “большой коалиции”, возглавляемое председателем ХДС А. Меркель и ориентированное в целом более проатлантически, попыталось восстановить нарушенный баланс между атлантизмом и европеизмом и вернуть Берлину традиционную роль посредника между Вашингтоном и Парижем. Визит нового министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайера в США в конце 2005 г. продемонстрировал попытки правительства А. Меркель смягчить разногласия между двумя странами, возникшие по вопросу использования США секретных тюрем в странах ЦВЕ. Начиная с 2006 г. Берлин недвусмысленно и достаточно твердо предостерегал США от излишней агрессивности и возможного использования военной силы в отношении Ирана. Стремление правительства А. Меркель сгладить разногласия с США и не делать их предметом эскалации напряженности в трансатлантических отношениях не вызывает сомнений.

Очевидно также, что уход с политической арены Дж. Буша может снять некоторые препятствия для перевода этих отношений на качественно новый уровень. А. Меркель, например, предполагает убедить новое руководство США ратифицировать Киотский протокол 1997 года, который предусматривает сокращение ведущими индустриальными государствами выброса в атмосферу

⁴ Regierungserklärung des Bundesaußenministers Fischer zum Europaeischen Rat vor dem Deutschen Bundestag am 11. Dezember 2003(<http://www.uni-kassel.de/fb5/frieden/themen/Europa/fischer-eu.html>).

⁵ Sueddeutsche Zeitung. 28.07.2005.

вредных газов к 2012 г. на 5,2% от уровня 1991 г. (Германия еще в 2000 г. добровольно взяла на себя повышенные обязательства уменьшить соответствующий показатель на 35%).

И все же нельзя не согласиться с профессором американского университета Дж. Гопкинса Ш. Сабо, считающим, что значительная часть “атлантического наследия” Г. Шрёдера будет сохранена, и что прежние германо-американские отношения “не восстановит ни одно правительство”⁶. “Коротко говоря, Берлинская республика объединенной Германии меньше зависит от США, чем Боннская республика. И цена, которую Берлин готов платить, чтобы сохранить связи с США, несравнимо меньше, чем во времена, когда у (берлинской) стены стояло 400 000 советских солдат”⁷.

После 11 сентября 2001 г. Германия и США стали по-разному воспринимать угрозу своей безопасности. Соединенные Штаты видят угрозу, прежде всего, со стороны международного терроризма и воспринимают ее как военную. В Германии международный терроризм рассматривается как серьезная потенциальная опасность, но не как непосредственно военная угроза. В ФРГ существует широкий надпартийный консенсус в отношении необходимости использования в первую очередь всех возможных мер политического, дипломатического, экономического и разведывательного характера и лишь в самую последнюю очередь – военных мер. Соответственно, по-разному оценивается роль НАТО. Германия рассматривает Североатлантический союз не только как военный блок, но и как политический форум для обсуждения проблем и принятия согласованных решений по совместному обеспечению безопасности. США видят в НАТО прежде всего инструмент собственной глобальной политики. Основополагающая концепция внешней политики ФРГ в радикально изменившихся условиях XXI века делает ставку на международное право и ненасильственное разрешение конфликтов. А это предполагает тесное, но отнюдь не безоговорочное сотрудничество с США.

В числе важнейших проблем, доставшихся А. Меркель в наследство от прежнего правительства – реформирование немецкой армии и расходы на оборону. Германия является единственной страной в ЕС, вооруженные силы которой подчинены командным структурам НАТО. Она занимает третье место среди стран НАТО по численности вооруженных сил (после США и Турции). Однако по показателю соотношения военных расходов с ВВП Германия занимает одно из последних мест в альянсе. Лишь 15% этих расходов приходится непосредственно на военные приготовления. Если в конце 80-х годов ФРГ расходовала на оборону более 3% ВВП, то к концу 90-х годов этот показатель уменьшился до 1,5% и был заморожен на уровне 24.4 млрд. евро в 2006 г. Ситуация практически не изменилась и при А. Меркель, которая возглавила страну во время сильнейшего экономического спада. Основные усилия она была вынуждена концентрировать на экономических и социальных проблемах, не повышая существенно расходы на оборону, как этого требовали США. Вашингтон продолжает упрекать Берлин в “иждивенчестве” и нежелании разделять бремя “союзнической ответственности”.

Еще при формировании новой стратегической концепции НАТО в 1999 г. США настаивали на повышении маневренности вооруженных сил всех участников блока и расширении границ их возможного использования “для защиты общих интересов”. Поначалу Германия, как и большинство ее европейских партнеров, относилась к

⁶ Szabo Stephen F. Der Rubikon ist ueberschritten. Aussichten fuer die transatlantische Beziehungen nach Schroeder// InternationalePolitik. Januar 2006. № 1. S. 90.

⁷ Ibid.

этим требованиям с известными опасениями, так как их осуществление могло способствовать окончательному превращению НАТО в инструмент американской политики, нацеленной на глобальное использование военной силы. Тем не менее, на пражской встрече НАТО на высшем уровне в ноябре 2002 г. вопрос о расширении географических границ использования вооруженных сил альянса был решен в пользу США. По словам тогдашнего министра обороны ФРГ П. Штрука, вопрос о том, должна ли НАТО ограничиваться союзнической территорией, был решен 11 сентября 2001 г. Еще до этого использование бундесвера *“out of area”* начало существенно возрастать. В Боснии, Косово и Афганистане было задействовано около 10 000 немецких военнослужащих. Участвуя в операции *“Amber Fox”* осенью 2001 г., Германия впервые выступила в роли военного лидера НАТО. Принято считать, что лишь с этих пор ФРГ стала равноправным членом Североатлантического альянса. “Она уже осознает себя не только как импортер безопасности, но как державу, готовую участвовать в обеспечении стабильности в многосторонних рамках, в том числе и военными средствами”, – отмечал специалист по немецкой политике безопасности Й. Варвик⁸.

На саммите в Праге под нажимом США было принято решение о создании высококомобильных сил быстрого реагирования *“NATO Response Force”* (NRF), способных к ведению боевых действий в любом районе земного шара. Несмотря на то, что Берлин усматривал в NRF препятствие для запланированного создания аналогичных европейских сил в рамках ЕС, Германия согласилась предоставить в распоряжение NRF 5 000 солдат бундесвера из общего числа 21 000. Однако при этом немецкая сторона настаивала на том, чтобы вопрос об использовании NRF решался в Североатлантическом совете (где каждый участник обладает правом вето), а также на том, чтобы решение об участии Германии и впредь подлежало утверждению бундестагом.

Важное место в политике ФРГ занимает проблема расширения НАТО. По мнению Берлина, расширение НАТО за счет ближайших соседей ФРГ значительно стабилизировало ситуацию в центре Европы. Именно германская сторона была инициатором концепции сотрудничества НАТО с бывшими государствами Варшавского договора в рамках программы *“Партнерство во имя мира”* и создания Совета евро-атлантического партнерства. В преддверие принятия в НАТО Польши, Венгрии и Чехии в 1999 г. в документах НАТО были закреплены немецкие предложения об особом характере сотрудничества с Россией и Украиной. Для Германии уже первый раунд расширения НАТО означал, что все ее соседи за исключением Швейцарии, Австрии и Швеции становятся членами альянса, что по мнению Берлина значительно стабилизировало ситуацию в центре Европы.

Тем не менее вопрос о расширении НАТО обсуждался в Германии весьма остро. С одной стороны (в ведомстве федерального канцлера) высказывалось мнение, что следует учитывать интересы безопасности России и избегать формирования новых блоков, с другой (в министерстве обороны) – что надо форсировать расширение НАТО на восток. По словам Й. Варвика, Германия одновременно преследовала несколько целей. Она не хотела *“раздражать Францию, разочаровывать центрально-европейские страны и обманывать Россию”*⁹. В итоге Берлин так и не сформировал четкой позиции в отношении оптимальных параметров расширения НАТО.

На саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г., вопреки давлению США, Германия вместе с рядом европейских государств настояла на том, что вопрос о

⁸ Varwick Johannes. Nordatlantische Allianz / Gunther Hellman (Hrsg.) Deutsche Aussenpolitik. Eine Einfuehrung. Vs.Verlag. 2006. S.771.

⁹ Ibid.S.772.

присоединении Украины и Грузии к Плану действий по членству в НАТО (ПДЧ) был перенесен на декабрь. (Как известно, в результате событий на Кавказе в августе 2008 г. А. Меркель изменила свою точку зрения и стала настаивать на скорейшем присоединении Грузии и Украины к ПДЧ). Официально Берлин обосновывал свою позицию политической нестабильностью на Украине и неурегулированностью территориальных конфликтов в Грузии. Однако одной из важнейших причин, безусловно, являлось желание смягчить неизбежные разногласия с Россией по этому вопросу. Выступая на международной конференции по проблемам безопасности, проходившей в Мюнхене накануне натовского саммита, А. Меркель высказалась за активизацию сотрудничества ЕС и НАТО с Россией. Она подчеркнула необходимость трансформации НАТО. Альянс, по мнению Меркель, должен принять новую концепцию безопасности, согласно которой вместо военных действий (или параллельно с ними) должны использоваться гражданские меры и политические формы урегулирования.

Представители США на мюнхенской конференции в очередной раз выдвинули требование об усилении участия бундесвера в коллективных действиях НАТО в Афганистане. При этом американский министр обороны Р. Гейтс предупредил Берлин об опасности раскола в Североатлантическом союзе: "Некоторые партнеры не должны позволять себе роскошь участвовать только в действиях стабилизирующего и восстановительного характера, тем самым вынуждая других партнеров брать на себя несоизмеримо более тяжелую ношу – участвовать в боевых действиях и нести людские потери"¹⁰.

Это высказывание не оставили без внимания представители всех немецких партий. Опираясь на общественное мнение, они выступили против увеличения определенного бундестагом потолка немецкого контингента в Афганистане в 3 500 человек и перемещения его с севера на юг, (в район наиболее интенсивных боевых действий) В немецкой общественности явно преобладает точка зрения, что Вашингтон вопреки реальному положению дел цепляется за миф о возможности решить проблему Афганистана военными средствами. Как отмечают немецкие эксперты, в споре Берлина с Вашингтоном по этому вопросу речь идет, по существу, о важном различии в воззрениях на задачи НАТО. В то время как США концентрируют все усилия на военном подавлении талибов, Германия направляет усилия на восстановление разрушенных объектов, обучение местной полиции и армии и т.п.

Разумеется, несмотря на все отмеченные выше разногласия и противоречия атлантизм (в том или ином его понимании) остается одним из основополагающих элементов внешней политики любого правительства в Берлине.. Причины этого заключаются, среди прочего, в том, что надежды Германии на углубление европейской интеграции и переход ЕС к единой внешней и оборонной политике в значительной степени оказались иллюзорными. Расширившийся до 27 участников Евросоюз стал значительно более гетерогенным и в целом менее способным к интеграции и согласованию политических позиций его участников. Что касается проекта ОВПБ, то в Берлине пришли к пониманию, что он может быть осуществлен лишь совместно с государствами ЦВЕ (в основном настроенными проатлантически), а не только "европейским ядром" во главе с франко-германским тандемом. Известные сдвиги в направлении усиления атлантизма произошли и в самом этом тандеме. Партнером А. Меркель в восстановлении подпорченных

¹⁰ Цит. по: Wergin Clemens Deutsche, seid einfach ein normales Land. 10 Februar 2008 (www.welt.de/politik/article1656352).

трансатлантических отношений стал президент Франции Н. Саркози. Германия, со своей стороны, приветствует возврат Франции в НАТО. Опираясь на союз с Францией, А. Меркель удалось вывести Германию из определенной изоляции эпохи Г.Шрёдера и, по существу, вернуть ФРГ на выгодные для нее позиции посредника во взаимоотношениях ЕС и США. Однако, как справедливо отмечали многие специалисты, возврат к положению, когда Германия занимала колеблющуюся позицию между Францией и США, во всех серьезных случаях становясь на сторону Америки, вряд ли возможен. “За эту позицию нельзя держаться, так как это подорвало бы европейское согласие, охватывающее круг проблем от Киотского протокола до совместной позиции по ядерной проблеме Ирана. Кроме того, она уже не находит поддержки в немецкой общественности, которая, как показывают последние опросы общественного мнения, лучшим другом Германии считает Францию”, – считает немецкий политолог Е.-О. Чемпиль¹¹.

Как уже отмечалось выше в связи с проблемой ОВПБ, все более важную роль во внешнеполитической деятельности Берлина играет Европа. Председательство Германии в ЕС в первой половине 2007 г. явилось для нее шансом обрести статус одного из важнейших мировых игроков, и в то же время серьезным испытанием на политическую зрелость. К этому времени ФРГ стала играть ключевую политическую, экономическую и дипломатическую роль в европейском проекте.

Сотрудники Центра по изучению вопросов европейского будущего им. Альфреда фон Оппенхайма Дж. С. Хальсман и Ян Техау отмечают, что на Германию смотрят как на главный катализатор интеграционных процессов в Европе, «поскольку она концептуально занимает срединную позицию между стремлением британцев к постоянному расширению ЕС без его существенного углубления, и французами, которые ставят задачу совершенствования структур Евросоюза без их дальнейшего расширения»¹². В силу этого ФРГ приобрела репутацию наиболее бескорыстного члена “большой тройки”, обладающего хорошими шансами на проведение инициативной европейской политики. Это же в значительной мере относится и к Североатлантическому альянсу, в котором Великобритания считается проводником американских интересов, а Франция, с ее пока еще не отошедшей в прошлое “рефлекторной неприязнью” к США, не подходит на роль европейского “тайм-брекера”. Немаловажным оказалось и то, что к началу 2007 г. Германия начала демонстрировать признаки экономического выздоровления. Рост ее ВВП в 2006 г. имел наилучший показатель с 2000 г., а уровень безработицы впервые с 2002 г. опустился ниже десятипроцентной отметки.

Таким образом, политические позиции и экономическое положение Германии давно уже не были столь прочными как накануне её очередного председательства в ЕС с января 2007г. Однако в качестве председателя Евросоюза Германия столкнулась с рядом трудно разрешимых проблем: дебаты по проекту европейской конституции, вопросы о статусе Косово и о членстве в ЕС Турции, энергетическая и экологическая безопасность, противоречия по вопросу о заключении нового договора о партнерстве между ЕС и Россией.

Правительство А. Меркель с самого начала заявляло, что спасение проекта европейской конституции является одной из важнейших внешнеполитических задач ФРГ. Во время председательства Германии в Евросоюзе эта тема стала центральной. Под руководством А.Меркель, проводившей европейскую политику «малых шагов» и компромиссов, Германии в известной мере удалось вывести из

¹¹ TAZ.28.05.2005.

¹² См.: Хальсман Джон С., Техау Ян. Чрезмерные ожидания?// Internationale Politik (изд. на русск. яз.). Январь– февраль 2007 С. 13.

тупика европейский конституционный процесс. Последний саммит ЕС под немецким председательством в Брюсселе в июне 2007 г. угрожал стать провальным, так как число спорных пунктов внутри Евросоюза этому времени значительно увеличилось. Однако Германии в самый последний момент удалось склонить остальных членов ЕС (прежде всего Польшу и Великобританию) к компромиссу по важнейшим пунктам нового соглашения, призванного заменить проект европейской конституции, ранее отвергнутый Францией и Голландией. «Мы отказались от всего того, что заставляет думать о ЕС, как о государстве, в частности, от флага и гимна, заявила А.Меркель в Брюсселе. -Но я думаю, что флаг ещё потребуется, а гимн будет звучать».

На основе достигнутого компромисса межправительственная конференция начала разработку нового соглашения, завершившуюся 13 декабря 2007 г. подписанием Лиссабонского Договора. Определённых успехов Германии удалось достичь и в формировании единой европейской политики защиты окружающей среды, объявленной А.Меркель одной из приоритетных задач. В частности в 2007 г. ведущие страны ЕС договорились о том, что до 2020 г. доля возобновляемых источников энергии в общем энергопотреблении должна достичь 20%. Правительство ФРГ стояло у истоков и многих других европейских компромиссов, достигнутых в последние годы. По ряду опросов в ведущих странах Евросоюза в 2008 г. А.Меркель опережала всех других лидеров ЕС по степени влияния на европейскую политику. По мнению одного из ведущих немецких специалистов по вопросам европейской интеграции В.Вайденфельда прагматичная и в высшей степени компромиссная европейская политика «большой коалиции» была хороша тем, что позволяла достичь прогресса в «парализованном» ЕС. Одновременно она была плоха тем, что отказывалась от «видения будущей Европы» и тормозила процессы её внутривнутриполитической легитимизации и международно-политического самоутверждения. Обещания первого правительства А.Меркель сделать европейский проект отвечающим требованиям времени оказались выполненными лишь частично не только из-за глубоких расхождений в позициях отдельных государств, но и в результате неопределённости внутренней ситуации в важнейших странах еврозоны.

Во Франции и Великобритании, где в апреле 2007 г. сменились президент и премьер-министр, проблемы внешней политики временно отошли на задний план. Премьер-министр Италии Роману Проди долго был занят формированием стабильного кабинета. Правительство Нидерландов, сформированное в ноябре 2006 г., долго не могло определиться со своим курсом, а Австрия в середине декабря 2006 г. вообще не имела правительства. В этих условиях Германии поначалу удалось добиться сравнительно немногого. В значительной степени правы оказались те, кто утверждал, что преувеличенное внимание к проблеме евроконституции помешает Германии оправдать высокие ожидания, связанные с ее председательством, и призывали уделить больше внимания насущным европейским делам. Кроме того, определённые разногласия по вопросам европейской политики обозначились в самом блоке ХДС/ХСС. В частности Христианско-социальный союз во главе с Х.Зеехофером высказался против принятия в Евросоюз Исландии, а также предложил проводить референдумы по принятию новых стран-членов в ЕС.

Правительству «большой коалиции» не удалось выработать единого мнения по вопросу о приеме в ЕС Турции. Тогдашний министр иностранных дел Ф-В. Штайнмайер считался одним из архитекторов социал-демократической позиции, ориентированной на скорейший прием Турции в Евросоюз. В то же время А. Меркель проводила значительно более скептическую линию, которая пользуется полной поддержкой ее партии. В период председательства Германии в ЕС А. Меркель и в этом вопросе пришлось прибегнуть к «политике шпагата». Берлин весьма

дипломатично реанимировал близкую А. Меркель концепцию “привилегированного партнерства” между ЕС и Турцией, предлагая рассматривать ее не как альтернативу вступления Турции в ЕС (чем она, по сути, и является), а как запасную позицию Евросоюза для минимизации ущерба в случае провала переговоров с Анкарой. Эта концепция предполагала дальнейшую экономическую интеграцию, новые соглашения, а также меры по формализации уже существующих связей между США, Европой и Турцией. В итоге Германии не удалось преодолеть раскол по вопросу принятия Турции в ЕС. Надо иметь в виду, что против ее принятия выступает большинство населения в странах Евросоюза.

Заметную дипломатичность Берлин проявил в вопросе признания Косова. На международной арене этому противодействовала Россия, угрожавшая воспользоваться своим правом вето в Совете Безопасности ООН. С другой стороны, США жестко настаивали на скорейшем и безоговорочном признании независимости Косова. (В ЕС против дипломатического признания Косово выступала Испания, опасавшаяся, что это создаст прецедент для требований независимости Страны Басков). В результате Берлин, хотя и с оговорками о необходимости предоставления прочных гарантий прав проживающего в Косово сербского меньшинства, принял позицию Вашингтона.

Притязания Германии на роль основного «двигателя» европейской интеграции оказались в значительной степени релятивированы начавшимся в конце 2008 г. мировым финансово-экономическим кризисом и связанной с ним повышенной заботой о собственных экономических интересах. «Саммит ЕС не примет решений по защите окружающей среды, которые угрожали бы рабочим местам или инвестициям в Германии. Об этом я позабочусь», заявляла А.Меркель в декабре 2008 г. Обвинения со стороны европейских партнёров Германии в том, что она «самоустраняется» из стратегического центра Европы» не заставили себя ждать.

Немаловажно и то, что Германии не удалось вернуть доверие к европейскому проекту у самих немецких граждан, о чём, среди прочего, свидетельствовали низкие показатели их участия на выборах в Европарламент в 2009 г.

Возвращаясь к атлантической политике Германии, необходимо подчеркнуть, что канцлер А. Меркель до октября 2009 г. осуществляла ее в коалиции с социал-демократами, которые следовали в фарватере “неоатлантизма” с известным скептицизмом. Показательно, что перед началом саммита НАТО в Бухаресте глава МИД ФРГ Ф.-В.Штайнмайер позволил себе открыто усомниться в том, что американские системы ПРО в Польше и Чехии создаются ради защиты от иранской угрозы. В свою очередь, министр обороны Германии Ф. И. Юнг заявил, что размещение американских военных баз в странах ЦВЕ может подрывать стабильность в Европе и привести к ее расколу. Как отмечала в этой связи немецкая пресса, А. Меркель в очередной раз должна была осознать, насколько трудно осуществимы ее надежды на “новый старт” в трансатлантических отношениях.

* * *

Избрание новым президентом США Барака Обамы породило в политических кругах ФРГ надежды на возможность серьезной корректировки трансатлантических отношений в направлении большего учета Соединенными Штатами интересов Германии и других европейских партнеров. Эти надежды основаны, среди прочего на распространенном убеждении, что после ухода Дж. Буша отношения с Америкой “могут лишь улучшиться”. Очевидно, что так и произойдет, по крайней мере в том, что касается атмосферы, а возможно и частоты политических консультаций. Однако немецкие политики отдают себе отчет в том, что многие серьезные разногласия между США, как мировой державой, и Германией, как крупнейшим лидером ЕС,

сохранятся и в будущем⁸⁸. “Преемственность более вероятна, чем кардинальные перемены”, – считает П.Рудольф из близкого правительству Фонда науки и политики⁸⁹. Учитывая отмеченные выше тенденции последних лет, “преемственность” немецкого атлантизма представляется далеко не однозначной. По мнению немецкого политолога Х.Хафтендорн, новая администрация в Вашингтоне скорее всего изменит стиль в обхождении с партнерами. “Однако мировые политические процессы вынудят ее принимать решения, противоречащие европейским предпочтениям и приоритетам”⁹⁰.

Очевидно, что Германия больше не будет столь послушным проводником американской политики в Европе, как раньше. По крайней мере, не всякой политики и не в любом случае. Сохраняя атлантизм в качестве одной из важнейших внешнеполитических основ, Федеративная республика будет всё настойчивей заявлять о своих собственных интересах, так или иначе увязанных с интересами ЕС, трактуемыми как «общиноевропейские».

⁸⁸ См. например: Auch kuenftig gibt es unterschiedliche Interessen (Karsten D.Voigt ueber die Erwartungen an Barack Obama) // Neues Deutschland. 20. Januar 2009.

⁸⁹ Rudolf Peter. US-Aussenpolitik und transatlantische Sicherheitsbeziehungen nach den Wahlen// SWP Aktuell. Berlin. Juli 2008.

⁹⁰ Haftendorn Helga. Die aussenpolitischen Positionen von Obama und Mc Cain// Aus Politik und Zeitgeschichte. B 37–38/2008. S.40.

ГЛАВА 3. БРИТАНСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МЕЖДУ ЕВРОПЕИЗМОМ И АТЛАНТИЗМОМ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Предмет статьи – эволюция британской стратегической культуры под влиянием поиска баланса между европеизмом и атлантизмом при формировании внешней политики лейбористских кабинетов Т.Блэра и Г.Брауна в период складывания новой моноцентричной системы международных отношений (МО) в последнем десятилетии XX и ее дальнейшей трансформации в начале XXI вв. Постановка вопроса о культуре в данном контексте вызвана тем, что – наряду с текущими интересами и идеологией – именно она во многом предопределяет стратегические ориентиры внешней политики и, в частности, мотивы и критерии выбора между европеизмом и атлантизмом.

Политический смысл атлантизма – не просто в признании Европой высокой меры общности интересов и цивилизационного наследия с США, но и ведущих места и роли США в связке с Европой. В этом смысле атлантизм отдает текущий политический приоритет США. Европеизм не отрицает союза с США и его значения, но текущий политический приоритет склонен в стабильных условиях отдавать интересам ЕС и входящих в него государств. В условиях высокой переплетенности и взаимозависимости капиталов, интересов, всех сторон жизни «антагонистические противоречия» между США и Европой вряд ли возможны, и колебания между европеизмом и атлантизмом – вопрос конъюнктуры текущих приоритетов каждого данного правительства.

Британская стратегическая культура (СК) вынужденно развернулась к атлантизму вскоре после окончания Второй мировой войны, когда стала очевидной необратимая утрата Великобританией неофициального титула «сверхдержавы»⁹¹, введенного в научный и политический оборот в 1944 г. Сделав ставку на «особые отношения» с США (в которых последние тогда были немало заинтересованы), Британия прочно встала на опору атлантизма, не ослабляя, разумеется, своего участия в делах Европы. СК страны, сформировавшаяся на опыте многовековой безопасности – следствия островного положения Великобритании, беспрецедентного по масштабам колониального господства, а также фактического лидерства (хотя этот термин тогда не использовался) Британии по отношению к ведущим европейским государствам, с конца 1940-х гг. начинает трудно и медленно, но перестраиваться сообразно новым британским, европейским и мировым реалиям. «Особые отношения» более чем на полвека стали для Британии способом балансирования между атлантизмом и европеизмом. Такое балансирование, в свою очередь, придавало весу Британии в евроатлантических отношениях совершенно особое, временами решающее качество.

Понятие «стратегическая культура» появилось в западной политической науке еще в 70-х гг. XX в. и изначально использовалось применительно к анализу ядерной стратегии США, государств Запада и политики сдерживания Советского Союза. С течением времени понятие СК все чаще применяется в исследованиях проблем безопасности Западной Европы, а с 90-х гг. XX в. широко используется западными авторами при исследовании внешнеполитической и военно-политической деятельности государств и международных организаций и прежде всего ЕС⁹². Автор

⁹¹ См.: W.T.R.Fox. The Super-Powers: The United States, Britain and the Soviet Union – their Responsibility for the Peace. – N.Y.: Harcourt, Brace; 1944.

⁹² См. подробнее: Strategic culture: a reliable tool of analysis for EU security developments? www2.lse.ac.uk/internationalRelations/centersandunits/EFPU/EFPUconferencepapers2004/Margaras.doc; Christoph O'Meyer. The Quest for a European Strategic Culture. Changing Norms on Security and Defence in the European Union. London: Palgrave Macmillan, 2006.

не ставит целью подробно проследить эволюцию британской стратегической культуры. Но обращение к этому фактору при анализе колебаний британской политики между атлантизмом и европеизмом представляется не только правомерным, но необходимым. Само понимание двух этих категорий, имеющих прежде всего ценностно-идеологическое содержание, неразрывно связано с СК и производно от нее.

В данной статье принято определение стратегической культуры, предложенное западным политологом Керри Лонгхерстом, который трактует СК как «особую массу мнений, предпочтений и обычаев, рассматривающих использование силы, которые сохраняются в коллективе (обычно нации) и появляются постепенно с течением времени через уникальный и растянутый исторический процесс. Стратегическая культура остается постоянной во времени, имеет тенденцию переживать эру своего первоначального появления, хотя это является не неизменной или статичной ее особенностью. Стратегическая культура формируется и подвержена влиянию образующих периодов и может меняться, как коренным образом, так и постепенно, в переломные моменты в коллективном опыте»⁹³.

Несмотря на очевидные и многочисленные противоречия, в данном определении содержится рациональное зерно. Так, например, для Великобритании как островной, в прошлом колониальной и великой державы данное определение как нельзя лучше объясняет формирование устойчивых во времени имперских воззрений британской элиты на использование военной силы в колониях и места страны в европоцентричном мире, а также сохранение и использование накопленного ранее нацией коллективного имперского опыта при проведении внешней политики в условиях изменения места страны в мире под воздействием образующих периодов (две мировые войны; разрушение ялтинско-потсдамской системы международных отношений /МО/ на рубеже 1990-х гг.).

Утверждение в британской СК понятий «европеизм» и «атлантизм», а также необходимость и значение поиска баланса европейского и атлантического направлений для формирования британской внешней политики совпали с окончанием Второй мировой войны и становлением ялтинско-потсдамской системы МО. Британская СК – к концу Второй мировой войны более развитая и оформленная по сравнению с СК других ведущих европейских стран благодаря уникальному имперскому опыту Соединенного Королевства – по сути *диктовала* стремление Великобритании к сохранению статуса и места великой державы в послевоенной системе МО в условиях складывавшегося противостояния США и СССР, а также возникновения принципиально нового явления в международной и европейской политике – появления здесь международных институтов и союзов для поддержания международной безопасности – таких, как ООН в мире и ЗЕС и НАТО в Западной Европе – организаций, значение которых неуклонно росло.

Первая послевоенная трансформация британской СК происходила под влиянием таких факторов, как итоги Второй мировой войны, принадлежность Великобритании к числу главных держав-победительниц, ее постоянное членство и право вето в Совете Безопасности ООН, а также изменениями в экономическом потенциале и политическом влиянии Великобритании в мире (со временем два последних фактора все более зависели от эффективности включения Британии в западноевропейские интеграционные связи). В 60-х гг. XX в. появился дополнительный фактор, служивший подтверждением еще не до конца утраченных сверхдержавных амбиций Великобритании – создание собственного британского потенциала ядерного сдерживания. Однако непомерно большие бюджетные

⁹³ Цит. по: Longhurst K. and Laborowski M. (eds.) *Old Europe, New Europe and the Transatlantic Security Agenda*. Routledge, L. and N.Y., 2005, p. 89.

расходы на разработку и на техническое обслуживание ядерных боеголовок и средств их доставки, а также проведенная в 1971 г. девальвация фунта и изменение его роли в международных расчетах со временем заставили Великобританию умерить амбиции.

По мере сползания Британии от так и не состоявшегося для нее статуса сверхдержавы ключевым моментом британской политики стало закрепление союза с США как ведущим в экономическом и военно-политическом плане государством Запада. Формально союзнические отношения обеспечивались Североатлантическим договором, приверженность которому Великобритания неизменно подчеркивает. Но фактически Лондон нацеливался на нечто большее: положение привилегированного союзника США (в том числе в рамках НАТО), которое обеспечивало бы повышенные по сравнению с другими западноевропейскими странами возможности пользоваться ядерными гарантиями США и влиять на политику Вашингтона хотя бы в некоторых проблемах и ситуациях. Основу такого союза давали сохранившиеся со Второй мировой войны англо-американские «особые отношения» (содержанием которых были партнерство в области ядерных вооружений, а также система двусторонних консультаций по всем основным вопросам МО), историческая общность языка и культуры, а главное, наличие общего идеологического и потенциального военного противника – СССР.

Атлантическое направление в максимальной степени соответствовало традициям британской СК и питалось ею на всем протяжении «холодной войны». В немалой мере оно психологически компенсировало Британии и ее политической элите утрату империи и «подразнившую», но так и не состоявшуюся сверхдержавность. Оно поддерживало в СК привычку и умение мыслить во внешней политике мировыми и долговременными категориями, действовать в ряде случаев на опережение негативных для Великобритании тенденций, способность на протяжении длительного времени вести сложную игру в мировой и европейской политике. Это направление обеспечивало и высокую степень скоординированности политики ядерного сдерживания, проводившейся Вашингтоном и Лондоном (характерно, что Франция, гораздо более Лондона нацеленная на позитивное взаимодействие с Москвой, никогда не акцентировала в такой мере, как это делал Лондон, антисоветскую направленность ее ядерного потенциала; хотя объективно много назначения у этого потенциала не было).

Европейское направление британской внешней политики складывалось под влиянием ряда принципиально новых здесь для Великобритании факторов. Впервые в истории по итогам Второй мировой войны возникло положение, когда в Западной Европе не могла более возникнуть угроза безопасности Британии. Напротив, союз со странами континента и с США становился главным фактором их общей безопасности. В области экономики практически сразу после войны начали интенсивно развиваться процессы интеграции. Британия, попытавшаяся противопоставить Общему рынку «свою» интеграцию – ЕАСТ, в конечном счете проиграла соперничеству и, вслед за другими странами-участницами ЕАСТ, начала долгий и трудный для нее процесс вступления в Европейское экономическое сообщество. Так постепенно, начиная с 1947 г., выстраивались многосторонние отношения (или как у западных исследователей принято называть многосторонности) между Великобританией и европейскими государствами по проблемам западноевропейской экономической интеграции, североатлантической безопасности, а в дальнейшем (примерно с середины 1970-х гг., особенно после образования в 1975 г. «Группы шести», ныне «восьмерки») и по вопросам отношений с развивающимися странами, а также по глобальным проблемам. Значение европейского направления британской внешней политики неуклонно повышалось в

каждой из перечисленных областей, во всем их комплексе в целом, а также с точки зрения сохранения за Великобританией особого места в отношениях с США.

Развитие многосторонних связей с западноевропейскими партнерами сыграло существенную роль в эволюции стратегической культуры: участие Великобритании в экономических и политических интеграционных процессах в рамках ЕЭС обеспечило ей не только экономические выгоды, постоянно высокий вес в европейских и мировых делах, но также способствовало эволюции представлений британского общества и элиты о своей стране и ее месте в мире. Так, исследователи британской внешней политики считают, что в период правления М.Тэтчер Британия преодолела свои традиционные островные стереотипы мышления и надежно «причала к Европе»⁹⁴. По мере участия страны в развитии интеграционных процессов в ЕЭС в 1970-х – начале 1990-х гг. статус Великобритании как одной из ведущих держав Запада и ее возможности как глобального игрока все более определялись развитием многосторонности и ролью в интеграционных процессах Западной Европы. Британские успехи на европейском направлении также способствовали сохранению и выстраиванию тесных контактов с США, а вместе с этим и укреплению атлантической составляющей СК и политики Великобритании. К моменту окончания «холодной войны» (1989) британская СК в полной мере вобрала, осмыслила и трансформировала в новые представления и цели все те изменения, которые произошли в 1945-1980-х гг. в мире, Европе, в самой Британии и ее международном положении.

Таким образом, за период с конца 1940-х до завершения 1980-х гг. британская СК проделала сложную содержательную и политическую эволюцию. Начав с вынесенной из XIX в. имперскости и заявки на сверхдержавность, а затем вынужденной ставки на приоритетность атлантического направления внешней политики перед европейским, СК Великобритании в целом адекватно отреагировала на вызовы времени, признав, приняв и закрепив во внешней политике страны совершенно новое, интеграционное содержание европейского направления. СК Британии последней трети XX в. не поддавалась навязывавшемуся ей с континента, в том числе из бывшего СССР, *противопоставлению* атлантизма и европеизма и сделала выбор в пользу их *сочетания*, не отказываясь при этом от возможности смещения приоритетов сообразно меняющимся обстановке, целям и задачам правящего кабинета. Тот факт, что основные сдвиги в СК пришлось на время правления консерваторов, существенно облегчил их принятие британской элитой. Лейбористы наследовали эти перемены.

* * *

В условиях окончания «холодной войны», разрушения ялтинско-потсдамской системы МО, необходимости адаптации тогда еще Европейского экономического сообщества, а также НАТО к реалиям и вызовам постсоветского глобализирующегося мира Великобритания была вынуждена активизировать поиск новых места и роли страны в международных делах. На первое по значимости для западного мира место вышли задачи управляемости западной системы перед лицом новых вызовов глобального мира. США претендовали здесь не просто на лидерство, но на «программирующее лидерство», т.е. качественно повышали уровень требований к союзникам по сравнению даже с требованиями периода биполярности. В то же время характер и уровень новых угроз были неочевидны, а вызовы со стороны глобальных проблем – все более многочисленны и серьезны. Теперь в условиях моноцентричного мира для поддержания возможностей и статуса глобального игрока особое значение для Великобритании приобретала степень

⁹⁴ См. подробнее: Капитонова Н.К. Внешняя политика Великобритании, 1979-1990 гг. М., 1996; Лебедев А.А. Очерки британской внешней политики. М., 1988.

учета ее конкретных интересов интересов в системе внутриамериканского многостороннего сотрудничества, осуществляемого на межгосударственном уровне и в многочисленных международных организациях, прежде всего в «Группе семи/восьми», в ЕС и НАТО.

Существование и деятельность «Группы семи/восьми» внесли глубокие перемены в стиль и содержание колебаний между европеизмом и атлантизмом: стало невозможно, как минимум предельно затруднительно длительное время занимать в этой дихотомии какие-либо крайние позиции. Если бы таковые проявились, это означало бы нарушение даже номинальной сплоченности Группы, а значит, угрозу срыва управляемости (global governance) все более сложных и неоднозначных процессов глобализации. Рисковать этим никто из участников Группы не может себе позволить.

На фоне растянувшихся на все 1990-е гг. дебатов в НАТО по вопросу пересмотра значения альянса для безопасности Европы при сохранении за ним роли ключевого института евро-атлантической безопасности в глобализирующемся мире, происходит активизация британской внешней политики на динамично развивавшемся европейском направлении. В условиях временно моноцентричной системы МО Великобритания вовлекается как никогда глубоко в развитие западноевропейской интеграции, включаясь в разработку наиболее чувствительных для британского суверенитета направлений интеграционных процессов – в определение содержания Общей внешней политики и Европейской политики в области безопасности и обороны ЕС и их стратегической направленности. Фактически в конце XX в., в период правления консервативного кабинета Дж.Мейджора Великобритания смогла остаться реально значимым субъектом современных международных отношений благодаря прежде всего увязыванию британского места и роли в «единой Европе» с сохранением отношений с США⁹⁵.

Исчезновение привычной для времен «холодной войны» угрозы в лице СССР, отмеченное в Стратегическом оборонном обозрении 1998 г.⁹⁶, вызвало необходимость как адаптации военного планирования и оперативно-тактических возможностей британских вооруженных сил к новым условиям, вызовам и к не определявшимся четко угрозам, так и прописывания новой внешнеполитической линии Великобритании по водоразделу «европеизм - атлантизм». На практике это вылилось в отказ от оборонной политики времен «холодной войны», направленной на сохранение статус-кво в Европе (что выражалось в размещении тяжело вооруженных британских войск в Германии), и в продолжительный поиск новой роли НАТО и ЕС при формировании среды безопасности моноцентричного мира в условиях вышедших на первый план наиболее значимых для Запада локальных конфликтов 1990-х – начала 2000-х гг.

Способность вносить вклад в отражение новых угроз безопасности Запада, в формирование и функционирование политико-правового устройства постсоветского глобализирующегося мира способствовали укреплению статуса и Великобритании как глобального «актора», и «единой Европы» в процессе глобализации. Британские вооруженные силы на рубеже XX-XXI вв. перешли к выполнению международной роли на глобальном уровне: приняли участие в миротворческих операциях, операциях по принуждению к миру и операциях по стабилизации в качестве экспедиционных сил совместно с союзниками по ЕС и НАТО. В этом качестве британские вооруженные силы в 1990-х гг. участвовали (в рамках главным образом миротворческих сил ЕС) в миротворческих операциях на территории бывшей СФРЮ,

⁹⁵ Подробнее см.: Андреева Т.Н. Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980-е—1990-е гг.). М., 2005.

⁹⁶ См.: The Strategic Defense Review—1998. Cm3999. Ministry of Defense, London, 1998.

в Сьерра-Лионе, Восточном Тиморе, Конго; позднее они стали активными участниками в борьбе с международным терроризмом, в операциях в Афганистане и Ираке. Британская армия в соответствии с новыми оперативно-тактическими задачами была переоснащена более легкими, новыми и высокотехнологичными видами вооружений, пригодными для успешного выполнения названных миссий.

В целом в конце XX в., на завершающем этапе правления консерваторов совместная работа с европейскими партнерами как в ЕС, так и в НАТО позволила Британии, играя одну из ключевых ролей в формировании международной среды безопасности, укрепить свой статус в мире, определить свое место в складывавшемся международном порядке.

Подтвердив вслед за консерваторами, что США остаются для Великобритании наиболее важным союзником, а британские способности действовать совместно с США (а также с другими партнерами) прежде всего в Европе, а также где бы то ни было еще являются ключевыми для успеха Великобритании⁹⁷, пришедший к власти в 1997 г. новый премьер-министр лейборист Т.Блэр при разработке серии проектов в сфере внешней политики и политики безопасности первоначально следовал курсу, проложенному консерваторами, хотя и стремился в какой-то мере внутривнутриполитически дистанцироваться от сделанного и заявленного его предшественником, внести коррективы в британскую внешнюю политику. На начальном этапе эти коррективы складывались под влиянием опыта, полученного в ходе миротворческих операций на территории бывшей СФРЮ.

В условиях, когда международный терроризм, распространение ядерных, биологических и химических технологий признавались непосредственной угрозой для Соединенного Королевства⁹⁸, произошли изменения в порядке применения государством военной силы и осуществления военной интервенции как средства оказания поддержки усилиям дипломатии. Новая британская доктрина «международного сообщества» декларировала направленность на защиту прав человека, что стало определенным поворотом в британской внешней политике. Доктрина позволяла игнорировать необходимость соблюдения национального суверенитета других стран в случаях, когда в них происходило систематическое нарушение прав человека в отношении как отдельных лиц, так и каких-либо социальных, этнических, этноконфессиональных групп. Таким образом, доктрина открывала возможности для более активного и номинально легитимного вмешательства в дела зарубежных стран, особенно стран третьего мира, где нарушения прав человека нередки. В соответствии с этой доктриной Великобритания направляла свои вооруженные силы в Боснию, Косово, Афганистан и в Ирак.

Блэр выступал за развитие идеи проведения интегрированной внешней политики странами Западной Европы, у которых сложились общие институты и взгляды на концепцию безопасности и чьи границы стали (вследствие введения Шенгенской зоны и евро) сравнительно проницаемыми. Проведение интегрированной внешней политики означало необходимость достижения единой европейской точки зрения (которая также поддерживалась бы и США) на содержание угроз миру⁹⁹: на сущность угрозы терроризма, экологической угрозы и угроз энергетической безопасности.

Для ответа на вызовы в сфере безопасности, по мнению лейбористов, требовалось создать и развивать широкий спектр внутри- и внешнеполитических

⁹⁷ См. подробнее: The Strategic Defense Review: A New Chapter. Cm5566. MoD, L., 2002.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ См. Blair T. "Never forget we are the change-makers", speech to the Progressive Governance Conference in London, 11 July 2003. <www.labour.org.uk>.

инструментов в рамках ОВПБ ЕС, ЕПБО и НАТО, которые могли бы при необходимости быть задействованы в кратчайшие сроки. Блэр рассматривал возможность принятия Европой значительных обязательств в вопросе разделения бремени с США. Проведение политики безопасности через создание ЕПБО также рассматривалось лейбористами как способ влияния на европейских партнеров и обеспечения сбалансированности британских отношений с США в вопросах безопасности, т.е. сохранения за Британией положения наиболее близкого и привилегированного союзника.

Разъясняя США целесообразность развития оборонного измерения ЕС, Т.Блэр подчеркивал намерение развивать британскую политику в направлениях готовности к проведению политики кризисного управления, предотвращению конфликтов в региональном и глобальном масштабах посредством активного участия в развитии ОВПБ и ЕПБО ЕС и через создание автономных европейских военных возможностей (Сен-Мало, 1998 г.). Эта позиция в текущем масштабе времени делала акцент на европейском направлении; но при этом не только не означала отказа от направления атлантического, но постоянно подчеркивала верность ему. Великобритания стремилась сбалансировать атлантическое и европейское направления с большим в тот период креном в сторону развития последнего, что диктовалось для нее сочетанием нескольких факторов.

Прежде всего, если в период «холодной войны» западноевропейская интеграция была нужна не только ее участникам, но и США как средство укрепления сплоченности Запада перед лицом СССР, то теперь содержание этого фактора изменилось: новые угрозы безопасности Запада имели качественно иной характер. В то же время процесс интеграции зашел уже достаточно далеко, чтобы логика его развития потребовала большей самостоятельности ЕС в глобальной политике; а процесс обретения такой самостоятельности и ее использования в современных условиях должен был строиться таким образом, чтобы не вызывать недоверия, тем более противодействия со стороны США. Тем более, что в постбиполярном мире на начальном этапе его формирования – и не в последнюю очередь в свете шагов по развитию ОВПБ и ЕПБО ЕС – под сомнение оказался поставлен вопрос о центральности НАТО и американской роли для европейской обороны. Признавая необходимость развития европейских оборонных возможностей, Британия подчеркивала, что они призваны укрепить трансатлантические связи, и настаивала на сохранении за НАТО роли краеугольного камня европейской обороны.

Новая волна сотрудничества США с европейскими государствами, начавшаяся в 2000-х гг., сначала привела к созданию в рамках НАТО по инициативе Великобритании Многонациональной объединенной оперативно-тактической группы. Несколько позднее актуализация угрозы международного терроризма способствовала организации сил быстрого реагирования НАТО. Британская сторона полагала, что НАТО доказала свою эффективность в миротворческих операциях в Боснии и Косово, а будущее Британии как одной из ведущих держав Запада напрямую зависело от эффективности взаимодействия с союзниками в Европе и с США при сохранении за ней места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Начиная с этого рубежа, в британской внешней политике четко прослеживается поворот к приоритетному использованию сил быстрого развертывания НАТО совместно с США.

Стремление играть более значительную во внешней и оборонной политике ЕС стало частью более широкой британской стратегии постепенных шагов, благодаря которым Великобритания улучшала свои позиции в ЕС при сохранении прочности ее трансатлантических связей. Подобно кабинетам консерваторов, стремившимся говорить с единых позиций Запада и выполнять роль посредника в

трансатлантических отношениях, при лейбористах Великобритания по-прежнему стремилась играть роль «мостостроителя» во взаимоотношениях европейских стран с США и таким образом тоже балансировать между атлантическими и европейскими интересами. По мнению Блэра, высказанному им в Бирмингемском университете: «Экономически мы сильны, а в политическом плане влиятельны как в США, так и в Европе. Британская дружба с США является приобретением для наших европейских партнеров. Мы хотим быть полностью вовлечены в объединенную Европу, продолжая работать с США»¹⁰⁰.

Принятие Великобританией доктрины «международного сообщества» и особенно поддержка правительством Т.Блэра идеи создания европейских военных возможностей объективно означали серьезный среднесрочный крен британской политики в сторону европеизма. Значимость этого крена и тот факт, что быстрое достижение позитивного для лейбористов политического эффекта в его русле было невозможно, потребовали убедительного подтверждения прежней приверженности Соединенного Королевства США и атлантическому направлению. Демонстрацией такой приверженности явилось участие Великобритании и ее вооруженных сил в двух инициированных США самых крупных военных кампаниях 2000-х гг. по «борьбе с международным терроризмом – в Афганистане и Ираке. Новым для британской стратегической культуры при этом стала необходимость работать вместе с вооруженными силами других государств в рамках многонациональных сил. Но из опыта этих операций сделан существенный для СК вывод, что превалирование коалиционных операций (стержнем которых и в будущем будут выступать США и НАТО) становится центральным в современной оборонной стратегии западного мира и Великобритании¹⁰¹. Отметим особо: Т.Блэр периодически подчеркивал, что в рамках стратегической культуры Соединенное Королевство не стремилось выбирать между европейской и атлантической концепциями безопасности, полагая, что они взаимно усиливают друг друга¹⁰².

Операция возглавляемой США коалиции в Ираке, в которой Великобритания сыграла весьма существенную роль, стала настоящим испытанием для британской приверженности европейскому измерению и оказала свое влияние на корректировку британской СК. Стремясь не упустить привилегированные позиции в отношениях с США, Т.Блэр прилагал массу усилий для того, чтобы доказать европейским союзникам – Британия не более чем разделяет бремя со своим трансатлантическим партнером. При этом «особые отношения» с Соединенными Штатами и оценка США как главного стратегического союзника Великобритании и Европы не подвергались сомнениям – напротив, всячески подчеркивались. Но безоговорочная по сути поддержка США резко контрастировала с политическим пейзажем Евросоюза, где отношение разных стран к операции в Ираке и мера готовности участвовать в ней были значительно сложнее и неоднозначней – как изначально, так и по мере развития операции.

Участие британских вооруженных сил в контртеррористических операциях не изменило политического подхода Лондона к использованию силы как таковой. Кампания против терроризма включала тип операций, для которых британская

¹⁰⁰ См. Blair T. Speech to the European Research Institute, University of Birmingham, 23 November 2001. <www.number-10.gov.uk>.

¹⁰¹ Мы не касаемся здесь того общеизвестного обстоятельства, что международно-правовые, практические и политические механизмы иракской и афганской операций существенно различаются.

¹⁰² Политическая и дипломатическая сложность для британской стороны заключается в том, что в силу ее «особых отношений» с США как Вашингтон, так и европейские партнеры периодически высказывают публичные призывы к Лондону более четко определиться по отношению к атлантизму или европеизму. Нередко цель таких высказываний лишь в том, чтобы «выдавить» британскую дипломатию на оборонительные позиции.

армия была хорошо подготовлена. Однако Великобритания стремилась дистанцироваться от американской политики проведения операции без мандата ООН – что, естественно, не могло вызывать удовлетворение в США. Большой крен британской политики в трансатлантическом направлении проявился, когда Соединенное Королевство приняло решение об участии в американской программе создания противоракетной обороны.

Подчеркивая приверженность атлантическому направлению, Британия стремилась развивать европейские оборонные возможности. Так, она высказывала заинтересованность в совместной с европейцами разработке вооружений (проект создания истребителя «Еврофайтер»); продолжала подталкивать европейских партнеров к развитию высокомобильных подразделений («тактических групп») кризисного реагирования¹⁰³; прилагала усилия по урегулированию разногласий между США, Францией и Германией относительно операции в Ираке и настаивала на развитии «структурного сотрудничества» ЕС на основе взаимодополняемости с НАТО. Участие Великобритании являлось одним из решающих для функционирования ЕПБО как военно-политического измерения ЕС. Участие или неучастие Соединенного Королевства в военных и политических делах ЕПБО непосредственным образом влияло на дееспособность военно-политического измерения ЕС – фактор, побуждающий европейцев прислушиваться к британской позиции. При этом проблемы принятия решений об использовании европейских многосторонних сил и практические аспекты такого использования – наиболее трудные вопросы ЕПБО.

Процесс разработки и принятия Евроконституции предоставил Великобритании поле для проявления заинтересованности в развитии ОВПБ и ЕПБО ЕС. Британская сторона пошла на уступки в вопросах создания европейских военных возможностей и военного планирования. Считая неэффективным процесс принятия решений по ОВПБ и ЕПБО ЕС, она долгое время препятствовала созданию отдельного от НАТО командного органа ЕС для проведения операций в рамках ЕПБО: по мнению британской стороны, такой орган фактически дублировал бы соответствующие органы НАТО. Надо отметить, что одним из наиболее чувствительных для Великобритании предложений продолжает оставаться предложение о создании в ЕС – т.е. вне структур планирования НАТО – таких структур принятия решений по ЕПБО, в которых решения принимались бы квалифицированным большинством голосов или скорее на основе принципа конструктивного воздержания, чем на основе принципа единогласия.

Прохладно было встречено Лондоном предложение Италии распространить принятие решений квалифицированным большинством на вопросы обороны и внести в Лиссабонский договор положение о взаимной обороне, подобное статье 5 Североатлантического договора. При этом Британия, скептически настроенная против любого дублирования в ЕС существующих структур НАТО, пошла на компромисс с Францией: согласилась на создание ограниченных командных структур, которые будут функционировать отдельно от НАТО и находиться в Брюсселе в рамках военного персонала ЕС. Заинтересованность Британии в сохранении инициативы по улучшению военных возможностей и развитию ЕПБО ЕС

¹⁰³ Такие группы численностью до 1500 человек, как предполагалось, могли бы по запросу ООН в течение 15 дней быть развернуты в зоне конфликта или кризиса для стабилизации положения там и выполнения краткосрочных задач, с перспективой их в дальнейшем замены или усиления миротворческими силами ООН. Нетрудно видеть, что реализация этого предложения заметно повышала бы не столько практический вклад ЕС в кризисное урегулирование, сколько политический вес ЕС в принятии коллективных международных решений по ситуациям, требующим подобного вмешательства.

заклучалась в создании компактных, способных быстро развертываться «тактических групп», совместимых с силами быстрого реагирования НАТО и предназначенных для ведения операций также по мандату ООН под эгидой ЕС и НАТО.

Споры 2000-х гг. вокруг ЕПБО фокусировались главным образом на достижении институционального соглашения. Кроме того, дополнительная трудность при создании и функционировании ЕПБО заключалась в необходимости интегрирования широкого круга военных возможностей и стратегических культур стран-членов ЕС – участников ЕПБО. Несмотря на это, ЕС показал наличие у него возможностей в урегулировании кризисов военным и особенно невоенным путем. Так, дополнительный политический вес ЕС придало развертывание сил ЕС в Африке без прямой поддержки НАТО, в результате чего союз приобрел вес глобального игрока. Благодаря компромиссам при создании и развитии ЕПБО будущее внешней политики и политики безопасности ЕС виделось как «коалиция желающих»; при этом шла работа в направлении достижения большей сплоченности на стратегическом уровне между странами-членами ЕС.

Общественное мнение Соединенного Королевства всегда сомневалось в целесообразности создания сил быстрого реагирования в рамках ЕПБО, так что Блэр был вынужден убеждать как политическую элиту, так и общественное мнение страны в рациональности такого шага, высказывая идею, что европейские возможности усиливают трансатлантические связи.

Необходимость политически дистанцироваться от курса предшественников-консерваторов, а также стремление сбалансировать готовность к принятию жестких интервенционистских мер в интересах безопасности с требованием соблюдения прав человека, побудило лейбористов провозгласить проведение этической внешней политики. Она заключалась в отказе от продажи вооружений в «горячие точки» планеты, где нарушаются нормы международного права и в массовом порядке не соблюдаются права человека. Этот шаг мог быть воспринят на континенте как потенциально несущий в себе некую антиизраильскую направленность.

Таким образом, лейбористское правительство Т.Блэра в дихотомии «европеизм-атлантизм» фактически сделало упор и далеко продвинулось в сторону первого. В самой Британии Т.Блэра воспринимали как одного из наиболее проевропейски настроенных премьер-министров страны. Акцент на атлантизм, поддержка США в их международных начинаниях периода президентства Дж.Буша-мл. были в этих условиях необходимым политическим обеспечением сильного европейского крена Лондона. Но это сложное дипломатическое маневрирование пало жертвой внутривнутриполитических разногласий между лейбористами и консерваторами и в рядах самих лейбористов¹⁰⁴. Правительственный кризис, приведший в итоге к отставке Т.Блэра, разразился из-за его неспособности сбалансировать атлантические связи контактами с государствами-членами ЕС по вопросу о причинах начала и характере проведения военной кампании против режима Саддама Хусейна в Ираке. Поддержка американской и израильской точек зрения на боевые действия Израиля в палестинской автономии летом 2006 г. ухудшили без того непростые отношения на европейском направлении; в своей стране самый проевропейский премьер получил прозвище «пуделя Буша».

¹⁰⁴ Особенно сказалась личная неприязнь, дошедшая до стадии взаимной ненависти, в отношениях между Т.Блэром и министром финансов в его правительстве Г.Брауном; но последний имел репутацию весьма эффективного министра, избавиться от которого оказалось в конечном счете невозможно.

Обещание поместить Великобританию в самое сердце Европы¹⁰⁵ (от участия в делах которой не в последнюю очередь зависело британское влияние в мире) осталось невыполненным. Все это вызвало жесткую критику курса кабинета со стороны лейбористской партии и стало решающим для досрочной отставки Т.Блэра с поста премьер-министра.

Отсутствие нового миропорядка после распада ялтинско-потсдамской системы вызвало к жизни ситуацию, в которой локальные конфликты стали способом и средством создания прецедентов, формирующих политический облик глобализирующегося мира. В таких условиях объективно эволюционировали функции сдерживания: задачи обороны отступали на второй план перед задачами принуждения и превентивного характера¹⁰⁶. При этом проблема управления международными конфликтами и их последствиями стала одним из центральных условий поддержания международной безопасности. Новые задачи не требуют былой опоры на ядерное оружие; такие вооружения могут при определенных обстоятельствах оказаться даже помехой миротворчеству. В этом контексте происходила эволюция взглядов на роль и задачи британских ядерных сил сдерживания.

Ядерные вооружения имеют для Британии во многом статусное значение. Новое в ее подходе, с учетом этого фактора, состояло в том, что Великобритания приняла на себя обязательства предпринимать шаги в сторону сокращения ее ядерных сил, остановиться на одной системе сдерживания, которую как и предыдущие планировала развивать при участии США, стать лидером в выдвигании широкомасштабных инициатив в поддержку целей Договора о нераспространении ядерного оружия и, более того, работать в направлении создания безъядерного мира.

Первые изменения в подходе к проблеме сдерживания и средствам ее обеспечения произошли еще в 1997 г. Стратегическое оборонное обозрение 1998 г.¹⁰⁷ наметило резкое сокращение количества британских ядерных сил и снижение их боеготовности. В итоге уже к 2006 г. Великобритания обладала самым скромным арсеналом ядерных боеголовок среди признанных ядерных держав и явилась единственной такой державой, согласившейся на развитие только одной системы сдерживания. В Белой книге по вопросам обороны 2006 г. намечалось дальнейшее 20-процентное сокращение числа развернутых ядерных боеголовок (с 200 до 160)¹⁰⁸.

Вместе с тем, несмотря на растущие настроения в обществе и элите в пользу отказа от дальнейшего продолжения британской ядерной программы¹⁰⁹, правительство не считало возможным идти на полную ликвидацию национального ядерного потенциала. По мнению премьер-министра Т.Блэра, ядерные средства сдерживания остаются «максимально надежной страховкой» в эру «непредсказуемых, но быстрых перемен»¹¹⁰. Кроме того, у ряда государств продолжают оставаться значительные арсеналы, которые подвергаются модернизации и расширению; растет число государств, обладающих ядерным оружием; продолжает распространяться технология создания баллистических ракет; сохраняется опасность ядерного терроризма; большинство индустриально развитых

¹⁰⁵ The Guardian. 07.12.2006.

¹⁰⁶ Подробнее об этом см.: Т.Н.Андреева, Н.А.Косолапов. Ядерное сдерживание в условиях глобализации // Философские науки. 2005. NN7-11.

¹⁰⁷ См.: The Strategic Defense Review—1998. Cm3999. Ministry of Defense, London, 1998.

¹⁰⁸ The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. Cm 6994. MoD, London. December 2006, p.5.

¹⁰⁹ The Guardian. 4.12.2006.

¹¹⁰ The Guardian. 5.12.2006.

стран обладают технологиями, дающими возможность производства химического и бактериологического оружия. Все это убеждает Великобританию в необходимости сохранять надежные сдерживающие средства вплоть до 2020 г. и далее, что означает желательность сохранения систем сдерживания с новым поколением баллистических ракет на несущих ядерное оружие подлодках даже после окончания срока эксплуатации системы «Авангард» («Vangards») и продление срока службы американских ракет Трайдент D5.

Великобритания приняла решение сохранить только одну систему сдерживания, эффективную и относительно наименее затратную – подлодки с ядерным оружием на борту (без ущерба для эффективности сдерживания); начать строительство (трех вместо четырех, тогда находившихся на дежурстве) подлодок нового поколения, способных нести ядерное оружие; и принять участие в американской программе по модернизации ракет Трайдент D5, что позволит Британии сохранить их на боевом дежурстве до 2040 г. Было отклонено предложение о переводе ядерных вооружений в «спящий» режим (хранение их на складах) из опасения, что «пассивность» ядерного потенциала страны могла оказаться чревата эскалацией конфликтности и дестабилизацией обстановки¹¹¹. Британия приняла решение о сотрудничестве с США в разработке нового поколения баллистических ракет при сохранении независимости британских сил сдерживания от США, а также от американской глобальной системы наведения.

Таким образом, Т.Блэр сделал очень многое для сохранения за страной роли глобального игрока в складывавшейся новой моноцентричной системе МО. Он смог доказать существование связей между внутренними и международными проблемами; продемонстрировал возможности успешного противостояния угрозам международной стабильности и безопасности посредством общей внешней политики и стратегии интервенционизма, основанного на концепции международного сообщества. Период его пребывания у власти стал временем не только серьезного крена британской политики в сторону европеизма, но и закрепления в стратегической культуре Великобритании ряда новых моментов – изменившихся взглядов на роль и саму необходимость потенциала ядерного сдерживания и представлений о том, что «особые отношения» с США должны служить интересам Великобритании в Европе и мире, а не наоборот.

* * *

Новый лейбористский премьер-министр Г.Браун, пришедший к власти в июне 2007 г. после отставки Т.Блэра, фактически продолжил политику своего предшественника. В условиях, когда президенту Дж.Бушу-мл. оставалось находиться на своем посту еще полгода, а новый президент США еще не определился, Браун стремился придать англо-американским «особым отношениям» новые грани, создать задел из вопросов для совместных инициатив с будущим президентом США, а также наладить испорченные политикой Т.Блэра по Ираку¹¹² и израильско-палестинской проблеме отношения с европейскими партнерами.

Одна из задач премьерства Г.Брауна состояла в том, чтобы ради сохранения за страной статуса самого надежного стратегического партнера США выстроить отношения с не пользовавшейся популярностью в британской элите администрацией президента Дж.Буша-мл. Акцентируя важность многосторонности в формировании и проведении внешней политики Британии, Г.Браун в то же время попытался дистанцироваться от той роли чрезмерно сговорчивого союзника Америки, которую, по мнению европейцев и многих в самой Великобритании, играл

¹¹¹ См. подробнее: The Guardian. 5.12.2006.

¹¹² В отличие от своих европейских союзников Т.Блэр поддержал США в их стремлении начать операцию в Ираке, даже не дожидаясь соответствующей резолюции ООН.

его предшественник. В самом начале своего премьерства Г.Браун не выражал готовности – подобно Т.Блэру – стоять «плечом к плечу» с американским президентом, априори поддерживая любую будущую военную акцию США. Видимо, он несколько перестарался. Так, определенное беспокойство в Белом доме вызвали произведенные Брауном назначения преимущественно противников американской политики на ключевые посты британского внешнеполитического ведомства. Поэтому уже вскоре, отмечая необходимость коллективных действий для урегулирования «крупных угроз существованию жизни» – начиная от изменений климата и до ядерного распространения, – министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд заявил, что «наши обязательства работать с американцами в общем и администрацией Буша в частности остаются в силе»¹¹³, подчеркнув при этом, что «США остаются нашим самым важным союзником»¹¹⁴. Сам же премьер Г.Браун во время первой встречи с президентом Дж.Бушем отметил важность взаимоотношений между Америкой и Соединенным Королевством, сказав, что «это партнерство основано больше чем на общих интересах и общей истории – оно основано и развивается на совместных ценностях»¹¹⁵.

С первых шагов на посту премьера Г.Браун озвучил для США согласованную с европейскими партнерами точку зрения, что в современном мире стало гораздо более актуальным созидать, а не разрушать. Это же положение получило развитие в речи британского министра торговли и развития Дагласа Александра, заявившего, что «в XX веке мощь страны очень часто измерялась тем, что она потенциально могла уничтожить», тогда как теперь «сила страны больше не должна измеряться разрушительной военной мощью... В XXI веке сила должна измеряться тем, что мы можем построить вместе»¹¹⁶.

Развивая идею многосторонности во внешней политике кабинета Г.Брауна министр подчеркнул: «нужно показать нашими делами, работой и нашими действиями, что мы интернационалисты, не изоляционисты, а многосторонность не односторонность, активность не пассивность, (британцы – Т.А.) движимы основополагающими ценностями, соответственно применяемыми, но не особыми интересами»¹¹⁷.

В речи Д.Александера содержался также призыв к пересмотру американской внешней политики и признания достоинств так называемой «мягкой силы» («soft power») и необходимости взаимодействия с международными институтами, включая ООН, в противостоянии многоплановым вызовам – таким как бедность, изменения климата, проблемы Африки, в борьбе с терроризмом и в обеспечении безопасности страны.

На первой англо-американской встрече¹¹⁸ в июле 2007 г. Г.Браун стремился привлечь внимание Дж.Буша к обсуждению не только вопросов по Ираку и европейской ПРО. Г.Браун стремился создать задел для продолжения сотрудничества с будущим американским президентом, очертив круг наиболее актуальных для Великобритании вопросов – таких как международная торговля, угроза ядерного распространения, глобальная бедность, изменения климата, ситуации в Дарфуре, в Африке в целом и на Ближнем Востоке, – требовавших участия США. Несмотря на возражения американской стороны, Г.Брауну удалось сохранить за собой право по совету британских военных вывести войска из района

¹¹³ Цит. по: The Guardian. 16.07.2007.

¹¹⁴ Цит. по: The Guardian. 20.07.2007.

¹¹⁵ Цит. по: The Guardian. 31.07.2007.

¹¹⁶ Цит. по: The Guardian. 13.07.2007.

¹¹⁷ Цит. по: The Guardian. 14.07.2007.

¹¹⁸ Цит. по: The Guardian. 31.07.2007.

Басры в конце 2007 г. (т.е. быстрее американских), передав власть иракским администрации и военным. Также предполагалось, что британские войска перейдут от проведения военных действий к «наблюдению» (что подразумевало оказание помощи иракским силам) в трех из четырех провинций, находящихся в зоне британской ответственности.

Надо отметить, что британские политики и военные придают особое значение операциональной совместимости британских частей с американскими. Цель такой совместимости состоит в поддержании способности с первого же дня эффективно участвовать в крупных военных операциях совместно с США. Это качество британских вооруженных сил пользуется большим уважением в США, при этом особенно высоко в Вашингтоне оценивается британский спецназ.

В дальнейшем натянутость с США из-за вывода британских войск из Ирака была преодолена во время визита в США в речи Г.Брауна 11 ноября 2007 г.. По его словам, Британия «остается частью разветвленных взаимоотношений в мире – мы являемся частью Европейского союза, мы часть НАТО, мы часть Содружества... и крепость наших взаимоотношений с Америкой необыкновенно важна для будущего мира... Америка остается нашим самым важным союзником»¹¹⁹. «Центральными для проведения нашей внешней политики стали серьезные изменения в дипломатических отношениях, которые рассматривают Германию, Францию и ЕС как все теснее сближающихся с США. Такая позиция во благо Великобритании и всего мира»¹²⁰. Премьер-министр приветствовал улучшение отношений США с остальной Европой, считая, что это определяет путь к реформированию международных организаций – таких как ООН, – позволяя им эффективно заниматься широким кругом вопросов, начиная от окружающей среды и до положения дел на глобальных финансовых рынках.

Натянутость не сказалась на сотрудничестве британской и американской разведок и на осуществлении англо-американских долгосрочных проектов в сфере безопасности, особенно на операции «Эшелон», направленной на осуществление радиолокационного слежения за европейскими партнерами и европейской частью России. Уже на англо-американской встрече в апреле 2008 г. по вопросу борьбы против международного терроризма Г.Браун выразил готовность «стоять плечом к плечу» с США в этой сфере подобно тому, как это делал Блэр¹²¹.

Отношение кабинета Г.Брауна к инициированной его предшественником ядерной программе указывает на структурную императивность трансатлантического направления внешней политики. В одиннадцатом докладе Палаты общин сессии 2008-2009 гг.¹²² британского парламента говорилось о том, что концепция развития британских сил сдерживания будет находиться до 2009 г. в стадии разработки. Документ не содержал информации о согласии Британии с европейскими партнерами ЕС по вопросу о развитии ядерных средств сдерживания (включая создание ядерных боеголовок и средств их доставки). Подчеркивалась готовность Великобритании сотрудничать только с США в вопросах сохранения за ней средств сдерживания в виде подводных лодок, способных нести американское ядерное оружие. Императивность в данном случае определяется тем, что сотрудничество с США в названных вопросах уже проверено временем, тогда как в Европе только

¹¹⁹ Цит. по: The Guardian. 12.11.2007.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Цит. по: The Guardian. 18.04.2008.

¹²² The United Kingdom's future nuclear deterrent capability: eleventh report of session 2008-2009 report, together with formal minutes, oral and written evidence. House of Commons papers 250 2008-2009. <http://www.tsoshop.co.uk/bookstore.asp?Action=Book&ProductId= 9780215529176>

Франция гипотетически могла бы стать в нем партнером Британии – по-видимому, ценой разрыва англо-американских «особых отношений».

С приходом к власти в США Барака Обамы англо-американские отношения как будто несколько «потускнели», что особенно удивительно на фоне окружавшей избрание Б.Обамы всеобщей эйфории. Не исключено, что команда Б.Обамы постаралась заранее осадить на будущее «самого надежного союзника», продемонстрировавшего Дж.Бушу неожиданную строптивость в самых чувствительных для США вопросах.

Первоначально новая американская администрация не могла вспомнить (или сделала вид, будто забыла) значение термина «особые отношения» и соответственно поставила Великобританию третьей в списке стран, наиболее значимых для проведения американской внешней политики. Такое положение дел не помешало Г.Брауну заявить, что в мире «не существует международного партнерства в современной истории, которое служило бы миру лучше, чем особые отношения между Великобританией и США»¹²³.

Скандалом, сопровождавшимся призывом к инициированию разбирательства в британском парламенте, стало сообщение об использовании британского ядерного предприятия американской стороной не только в целях проверки работоспособности и обновления имеющихся у США ядерных боеголовок, но, как подозревала британская общественность, и для проведения американской стороной исследований по созданию ядерных боеголовок нового поколения¹²⁴. Такие действия приходили в противоречие с декларированными целями новой американской администрации Б.Обамы, заявившего еще во время предвыборной компании о готовности отказаться от ядерного оружия (и для начала прекратить разработки новых видов ядерных вооружений).

Обе стороны, однако, быстро приняли меры для исправления ситуации. На встрече в феврале 2009 г. госсекретаря США Х.Клинтон и министра иностранных дел Великобритании Д.Милибэнда американская сторона, отметив «небольшие изменения ...но продолжение» «особых отношений»¹²⁵, возобновила последние, подчеркнув необходимость совместно работать по таким вопросам и глобальным вызовам, как решение проблем бедности, болезней, глобального изменения климата, а также достижение совместными усилиями ближневосточного урегулирования и обсуждение вопросов иранской ядерной программы. Поблагодарив Британию за поддержку усилий США в Ираке, Х.Клинтон выразила надежду, что Великобритания и Европа будут способствовать «расширению нашей поддержки народу Афганистана»¹²⁶.

Британский министр, в свою очередь, приветствовал готовность новой администрации США разделить бремя и ответственность в обращении к глобальным проблемам, не в пример одностороннему подходу предыдущей администрации Дж.Буша. Проявлением приверженности «особым отношениям» стало согласие Великобритании на возвращение в страну проживавшего здесь ранее британского подданного-заклученного тюрьмы Гуантанамо (для заподозренных в террористической деятельности или связях с террористами). Большинство западноевропейских стран не дало согласия на возвращение бывших своих граждан – ныне заключенных тюрьмы Гуантанамо на свою территорию.

¹²³ Цит. по: PM and President to discuss “global new deal”. 2 March 2009. www.number10.gov.uk/

Page18477

¹²⁴ The Guardian. 09.02.2009.

¹²⁵ The Guardian. 03.02.2009.

¹²⁶ Ibid.

В преддверии встречи с президентом США Б.Обамой 2 марта 2009 г., на которую премьер-министр Великобритании прилетел, уклонившись от участия во внеочередном саммите ЕС, Г.Браун заявлял о намерении возобновить тесное сотрудничество с Америкой, согласовать обязательства в связи с текущим экономическим кризисом и донести до американского президента позицию европейских стран по вопросу борьбы с мировым кризисом¹²⁷. По мнению Г.Блэра, «нет на свете угрозы столь значительной или столь трудной, чтобы она не могла быть преодолена благодаря совместной работе Америки, Британии и мира»¹²⁸.

Что касается миссии посредника во взаимоотношениях США и Европы, то Г.Браун стремится играть здесь роль «маяка»¹²⁹, сближая точки зрения ЕС с американской и развивая идею многосторонности в проведении внешней политики как Европы, так и США. В речи перед американским конгрессом Г.Браун заявил, что не существует старой или новой Европы, существует «только ваш друг Европа»¹³⁰, которая в условиях мирового финансового кризиса вместе с остальным миром «больше, чем когда бы то ни было желает работать с вами (т.е. с Америкой – Т.А.)»¹³¹.

Другим проявлением стремления реализовать на практике идеи многосторонности стало выдвижение Британией ряда внешнеполитических инициатив в рамках международных организаций.

Первой из них стала еще англо-французская инициатива в ООН 2007 г. по развертыванию международных сил численностью в 20 тысяч человек под эгидой ООН с мандатом остановить кровопролитие в Дарфуре.

Следующая инициатива была направлена на то, чтобы убедить глав 14 государств и директоров 21 компании подписать декларацию о том, что мир находится в процессе реализации программы Цели Тысячелетия ООН к 2015г. Эта инициатива также должна осуществляться при мобилизации так называемой «мягкой силы» или, как подчеркивал Г.Браун, силами народов самих развивающихся стран. Цель Г.Брауна состояла в том, чтобы объединить усилия правительств, бизнеса, религиозных групп, благотворительных фондов в целях организации широкого партнерства во имя борьбы с бедностью.

В рамках осуществления Целей Тысячелетия была выдвинута инициатива по улучшению здравоохранения развивающихся стран. Британия предложила создать партнерство международного здравоохранения, которое открывало бы пути для эффективного взаимодействия стран-доноров, неправительственных организаций и международных агентств в деле улучшения здравоохранения для начала в семи развивающихся странах – Бурунди, Эфиопии, Кении, Мозамбике, Замбии, Камбоджи и Непале. Сама Великобритания готова изыскивать средства на эти цели.

На европейском направлении Британия повела себя внешне сдержаннее, чем при Т.Блэре. Новый премьер-министр Г.Браун отметил, что «Европейский союз имеет большое значение для успехов Великобритании, а Британия, полностью вовлеченная в Европу, важна для успехов Европейского союза»¹³², однако посетил

¹²⁷ См.: официальный сайт премьер-министра Великобритании. www.number10.gov.uk

¹²⁸ Цит. по: The Sunday Times, 1 March 2009.

¹²⁹ См.: Dunn D.H. The double interregnum: UK-US relations beyond Blair and Bush. *International Affairs*. 2008. Vol.84, N6. November, p.1134.

¹³⁰ Цит. по: Gordon Brown. "With faith in the future? We can build tomorrow today", 4 March 2009. www.fco.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=News&id=14478586.

¹³¹ Ibid.

¹³² Цит. по: Сайт министерства иностранных дел Великобритании. «Britain in the European Union». www.fco.gov.uk/en/fco-in-action/institutions/britain-in-the-european-union/

Еврокомиссию лишь спустя почти год после своего вступления в должность¹³³. Под предлогом занятости в парламенте он не участвовал в официальной церемонии подписания Лиссабонского договора, поставив под ним свою подпись только на другой день. Внеочередному саммиту ЕС по мировому экономическому кризису Г.Браун предпочел переговоры с президентом США Б.Обамой.

Заявив, что ЕС никогда не станет «ни сверхгосударством, ни сверхсилой»¹³⁴, министр иностранных дел Великобритании Д.Милибэнд раскритиковал стремление французского президента Н.Саркози развивать европейскую интеграцию в военной области, сказав о неприемлемости положения, когда 27 европейских стран способны развернуть единовременно (да и то с затруднениями) силы численностью лишь в 100 тысяч человек.

Не встретило понимания и французское предложение создать штаб-квартиру европейских вооруженных сил в Брюсселе. Британская сторона заявила, что следует не дублировать работу НАТО или работу национальных правительств в новых европейских институтах, но заставить имеющиеся структуры действовать эффективнее. Британия выразила несогласие с Францией по вопросам экономического протекционизма в Европе и затягивания принятия Турции в ЕС. Одновременно Великобритания снова подтвердила приверженность политике расширения ЕС, расценив ее как наиболее эффективную мягкую силу, благоприятствующую проведению политических и экономических реформ в странах-кандидатах на прием в ЕС – Хорватии, Македонии и Турции.

Несмотря на критику со стороны оппозиции, Г.Брауну удалось защитить практически все «красные линии» и чувствительные места, где Великобритания предпочла воздержаться от одобрения, и подписать в декабре 2007 г. Лиссабонский договор по реформе ЕС. При этом Г.Браун уклонился от проведения референдума о договоре, пообещав организовать его в случае принятия Евроконституции и не заниматься в ближайшие шесть лет пересмотром вопросов порядка функционирования и реформирования институтов ЕС. В июле 2008 г. Лиссабонский договор был необыкновенно быстро ратифицирован в трех чтениях Британским парламентом. При этом, по мнению британской стороны, договор имел мало общего с проваленной ранее Евроконституцией.

В новом договоре Г.Брауну удалось уйти от положений, которые позволяли без подписания нового договора (равнозначного Лиссабонскому) ликвидировать право вето стран-участниц при принятии решений по вопросам ОВПБ и ЕПБО. Теперь требуется одобрение британского парламента на дальнейшее движение в сторону распространения голосования квалифицированным большинством. Кроме того, правительство не сможет пойти на изменения в законах ЕС без согласия национального парламента.

По договору учреждалось место Президента Евросоюза сроком на 30 месяцев (на которое практически немедленно выставили кандидатуру бывшего лейбористского премьер-министра Великобритании Т.Блэра). В Евросоюзе появлялись пост министра иностранных дел и дипломатический корпус. Высокий представитель по внешней и оборонной политике должен был координировать европейскую внешнюю политику, но оставаться подотчетным главам государств и правительств стран-членов ЕС.

¹³³ Для сравнения: главы европейских государств посещают структуры ЕС в первые же месяцы после вступления в должность.

¹³⁴ Подробнее см.: Андреева Т.Н. Великобритания и формирование Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) в ЕС // Европейский союз: в поисках общего пространства внешней безопасности. – М, ИМЭМО РАН, 2007, с.48.

Расширились права Еврокомиссии и Европейского суда: им передавалась часть полномочий национальных правительств стран ЕС. Здесь Великобритания сделала ряд оговорок и воздержалась от полного одобрения этого пункта.

При принятии решений Советом министров ЕС расширилось голосование квалифицированным большинством голосов. Оно, кроме того, распространялось на десятки малозначительных и технических вопросов.

В ключевых вопросах выработки и проведения политики и осуществления правосудия Великобритания оставила за собой право участвовать или уклоняться от участия в общей политике ЕС.

Что касается проведения независимой от ЕС внешней политики, то эта сфера осталась в ведении национальных правительств. Критики усмотрели возможность для нового министра иностранных дел ЕС пользоваться автоматическим правом говорить от лица Соединенного Королевства в СБ ООН (однако Великобритания сохраняет там право вето, которого ЕС не имеет).

Серьезность намерений сотрудничества с ЕС показала и публикация специального документа по Европе премьер-министра Г.Брауна совместно с министром иностранных дел Д.Милибэндом, в котором предлагалась новая повестка дня по вопросам дальнейшей либерализации энергетического рынка, рынка средств коммуникаций и связи и реформе бюджета ЕС на 2008-2009 гг.

Во многом новым стал с приходом Г.Брауна подход к отношениям с Францией. Если учесть, что чисто экономическая интеграция развивалась главным образом через противоречия и противостояние позиций Великобритании и Франции и в этом смысле экономическая интеграция ЕЭС/ЕС представляла собой череду англо-французских стычек и противоборств, то новые англо-французские договоренности открывали иные возможности и перспективы для развития европейской интеграции, прежде всего в экономической сфере, и могли быть поставлены в один ряд с англо-французскими договоренностями 1998 г. в Сен-Мало, имевшими ключевое значение для развития военно-политической интеграции ЕС.

В начале 2008 г. Британия и Франция подписали соглашения по строительству АЭС на территории Соединенного Королевства и по противодействию нелегальной иммиграции. Во время визита Н.Саркози в Великобританию в марте 2008 г. последовало предложение французской стороны о создании англо-французской оси как силы, направленной на достижение прогресса в Европе и мире по вопросам изменения климата, ядерной энергетики и другим, до реформы ООН и урегулирования в Афганистане включительно¹³⁵. По мнению Н.Саркози, «франко-германская дружба остается обязательной, но одной ее уже недостаточно для того, чтобы сохранять ЕС сильным... Для этого нам необходимо новое франко-британское сотрудничество»¹³⁶ с более глубоким вовлечением Британии в европейские дела.

В целом произошло существенное сближение отношений Великобритании с Германией (ранее) и Францией. Это работало на укрепление европейского направления британской внешней политики. Любопытно, что одновременно «особые отношения» с США включают уже не только сотрудничество, но и определенную степень разногласий. Пока не противоречий, но разногласий, которые, однако, более не скрываются¹³⁷.

¹³⁵ The Guardian. 23.03.2008.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Еще в 2005 г. произошла беспримерная стычка между британскими и американскими законодателями, расцененная как столкновение двух культур (Oil for What? / The Washington Post. 23.05.2005. Цит. по: <<http://www.inosmi.ru/translation/219826.html>>). «Покойтесь с миром, особые отношения», написала «Таймс» осенью 2009 г. (Special Relationship. Passed away 2009. R.I.P. / The

В преддверии мирового экономического кризиса Г.Браун сделал попытку стать лидером среди европейских стран, созвав в январе 2008 г. на внеочередную встречу глав государств Германии, Франции и Италии. Лидеры четырех крупнейших европейских государств с самыми крупными в Европе экономиками попытались затормозить начало мирового экономического кризиса: приняли совместное заявление о транспарентности работы банков и кредитных агентств и призвали к сохранению спокойствия на рынках, декларировав сохранение Европой ее сильных позиций.

Не менее активно Г.Браун повел себя и тогда, когда мировой экономический кризис стал свершившимся фактом, предложив главам государств европейских стран ряд мер по решению экономических проблем, назвав их спасением для мира¹³⁸. В связи с проведением 1 марта 2009 г. неформальной встречи Совета ЕС в Брюсселе по вопросу о мировом экономическом кризисе премьер-министр Великобритании высказал одобрение по поводу установления европейского консенсуса по всем главным вопросам, которые стоят перед мировым сообществом – таким, как отказ от протекционизма и статуса-кво, роли финансовых институтов стран-членов ЕС, регулирование действий в сфере теневой банковской системы¹³⁹ и т.д.

Все эти шаги навстречу европейским странам-членам ЕС не помешали Г.Брауну во время саммита ЕС¹⁴⁰ 18-19 июня 2009 г. противостоять попыткам поставить под большой контроль органов Евросоюза лондонский Сити, британский финансовый сектор и, вероятно, национальные финансы и налоговую систему. При Г.Брауне Британия, сохраняя традиционную для нее роль посредника в отношениях США с европейскими странами, в равной степени активна в развитии как трансатлантических связей, так и европейских интеграционных процессов.

* * *

Без малого двадцатилетний опыт функционирования расширившихся ЕС и НАТО позволяет сформулировать некоторые выводы. Разработка и осуществление действенных ОВПБ и ЕПБО ЕС вряд ли возможны без придания ЕС политической завершенности, которая одна только может разрешить остающиеся пока подвешенными вопросы его легитимности и компетенций в этих областях. Но процесс принятия Евроконституции затормозился. Лиссабонский договор – решение временное и ограниченное. Если и когда ЕС обретет политическую завершенность и субъектность, уже прежде всего ЕС, а не западноевропейские государства сами по себе, должен будет стать официальным партнером США по атлантическим отношениям (партнером фактическим он является и сейчас). Тогда *европеизм-минимум* – приоритетность текущих интересов ЕС и его стран-членов; *европеизм-максимум* – путь к достижению полной международно-политической субъектности Евросоюза. Пока такая цель остается гипотетической (не вполне ясно даже, ставится ли она вообще), ЕПБО ЕС объективно – «НАТО без США», что практически обрекает подобное «мини-НАТО» на низкую дееспособность, а политически рождает сомнения в степени приверженности его участников евроатлантической солидарности.

В уже более чем полувековых «хождениях» внешней политики Британии между европеизмом и атлантизмом можно выделить два уровня.

Times. 02.09.2009 – <<http://www.inosmi.ru/translation/252167.html>>. «Особые отношения не мертвы», немедленно возразила ей «Гардиан» (The Special Relationship is not dead / The Guardian. 03.09.2009).

¹³⁸ См. Независимая газета. 12.12 – 13.12.2008, № 270-271 (4617-4618).

¹³⁹ См.: Brown G. "Complete EU support for economy measures", 01.03.2009.

www.number10.gov.uk/Page18475.

¹⁴⁰ См. по подробнее: The Guardian. 14.06.2009; The Guardian. 17.06.2009.

Один – обычное тактическое маневрирование, объясняемое сочетанием таких в общем очевидных факторов, как динамика внутривнутриполитического положения в самой Британии, партийное, персональное и политическое «лицо» правящих партии и кабинета, проблемы момента и конкретное содержание текущих интересов Великобритании и ее партнеров по обе стороны Атлантики, наличие политических и практических возможностей и ограничений. Такое маневрирование было, есть и будет; причем именно оно позволяет Лондону сохранять и использовать вес страны в мировой политике.

Другой уровень – те сдвиги, которые происходят в британской стратегической культуре в масштабе десятилетий. В постбиполярном мире эта культура, сохранив некоторые прежние черты, претерпела значительные изменения, которые можно суммировать следующим образом.

В балансировании между европеизмом и атлантизмом, изначально решительно и твердо ориентированном на атлантизм, позиция «или - или» оказалась к началу 2000-х гг. замещенной иной, более сложной – «и - и». Значение европейского направления для Великобритании и, соответственно, комплекс ее европейских интересов существенно выросли, расширились по диапазону, количественно и качественно. Этот «новый европеизм», принципиально отличный от европеизма 1940-х – 1950-х гг., превратился в важную и неотъемлемую часть британских СК и политики. Он никоим образом не означает отказа от атлантизма (тоже изменившегося). Напротив, два эти направления рассматриваются нынешней СК Британии лишь в их взаимосвязи и взаимодополнении.

Изначальное противопоставление европеизма и атлантизма уступило место наличию достаточно широкого диапазона интересов и состояний внутри как европеизма, так и атлантизма – при отмеченной выше связанности двух этих направлений. Сочетания сотрудничества и разногласий, даже противостояний (временами острых) наблюдаются в 2000-е гг. и в «особых отношениях», и в европейской политике Великобритании. Причем и в первом, и во втором случаях эти сочетания воспринимаются как норма – с той лишь разницей, что если в ЕС они давно привычны, то США с их претензией на глобальное лидерство реагируют пока на них достаточно остро.

Связка «европеизм-атлантизм» рассматривается ныне стратегической культурой Великобритании как наилучший в современных условиях путь обеспечения глобальных позиций и интересов страны, а возможности маневрирования между сотрудничеством и противостоянием внутри этой дихотомии и каждой из ее частей – как оптимальная для сложившихся условий стратегия и тактика движения по этому пути.

С прекращением «холодной войны» и биполярной конфронтации качественно изменилось содержание военных аспектов безопасности и одновременно резко выросло значение иных ее видов, не обеспечиваемых военными средствами – безопасности экологической, энергетической и др. Одновременно на первый план вышли проблемы финансово-экономические, глобальные, макросоциальные. Стратегическая культура по существу впервые интегрирует их в себя как проблемы стратегические, дополняющие и во многом меняющие традиционные представления и методы мышления о мире, месте и роли страны в нем, целях и возможностях международных институтов и союзов.

При этом если в условиях биполярности и в начале 1990-х маневрирование имело место между европеизмом и атлантизмом (наступление на одном направлении требовало – и обеспечивалось – торможением на другом), то с конца 1990-х и особенно на протяжении 2000-х гг. торг усложняется. Относительные наступление и торможение происходят в пределах каждого из двух направлений,

причем все чаще – асинхронно по разным вопросам и группам вопросов (см., например, британскую позицию по проблеме взаимосвязи ЕПБО-НАТО). В подобных обстоятельствах прежнее «механистическое» балансирование между европеизмом и атлантизмом становится все более затрудненным, если не невозможным, и требует более сложных политических взаимодействий.

ГЛАВА 4. ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕИЗМА И АТЛАНТИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИТАЛИИ

СООТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕИЗМА И АТЛАНТИЗМА В ЭПОХУ БИПОЛЯРНОСТИ

С момента вступления Италии в НАТО в 1949 г. и в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1957 г. атлантизм (жесткая ориентация на США в НАТО) и европеизм (строительство единой Европы) провозглашались основными направлениями во внешней политике всех итальянских правительств, независимо от их политической окраски. Хотя вступление Италии в ЕЭС имело и экономическое обоснование, одной из глубинных причин, толкавшей Италию к поиску внешних союзов, был страх правящих кругов перед так называемой «коммунистической опасностью» - сильными позициями Итальянской коммунистической партии. Существование мощной Коммунистической партии (и в целом левых сил) неизбежно обуславливало дихотомию внешней политики, диктовало итальянскому руководству как необходимость особых отношений с США, так и невозможность игнорировать предрасположенность широкого общественного мнения к европейскому выбору. Последний был ограничен жесткими рамками биполярности.

Важно отметить и эволюцию самой ИКП, которая оказывала существенное влияние на общественно-политическую жизнь страны и ее внешнеполитические ориентиры. «Компартия, ... влияние которой в Италии значительно возросло в 70-е гг., особенно после принятия доктрин еврокоммунизма и исторического компромисса, стала одной из основных сил в стране, разоблачавших проявления беззакония в Советском Союзе».¹⁴¹ На выборах в июне 1976 г. ИКП получила 34,4% голосов, почти столько, сколько ХДП (35%). Лидер ХДП А. Моро выдвинул идею "третьего варианта" (после моделей центризма и левоцентризма), которая предполагала участие ИКП в управлении страной. В ИКП высказывалась идея "исторического компромисса" (поиск союзников в левом крыле ХДП). В июне 1977 г. подписано соглашение 6 партий. Представители ИКП в правительство не вошли, но поддерживали его. Попытки разрешения политического кризиса были сорваны провокацией левой террористической организации - "красные бригады". 16 марта 1978 г. А. Моро был похищен террористами, а 5 мая 1978 г. убит.¹⁴² Таким образом, вопрос об историческом компромиссе был закрыт к облегчению, как США, так и СССР, по разным причинам не желавшим участия ИКП в итальянском руководстве.

Тем не менее, сама перспектива участия ИКП в той или иной форме в управлении страной диктовала руководству итальянских коммунистов необходимость отхода от непримиримого антиамериканизма. Этот фактор имел долгосрочные последствия. И после окончания холодной войны, и преобразования Итальянской коммунистической партии в Демократическую партию Италии многие деятели бывшей ИКП испытывали желание освободиться от прежнего антиамериканского имиджа, проявляя большую лояльность к политике США, чем их коллеги их других партий. Это в определенной мере относится к бывшему премьер

¹⁴¹ http://www.delrus.ec.europa.eu/em/2000-2001/user.php-func=mag_art&art_id=211&iss_id=16.htm

¹⁴² Ю. Родович, Италия после второй мировой войны, www.tspu.tula.ru/res/.../Rod06.htm

министру Италии Массимо Д'Алема (21.10.98 -22.12.99, 22.12.99 -25.04.2000) и нынешнему президенту Италии Джорджо Наполитано.

В эпоху военно-политического противостояния Востока и Запада и полной зависимости Западной Европы от США в сфере безопасности атлантизм, несомненно, превалировал над европейским направлением во внешней политике Италии, как и многих других европейских стран, входивших в НАТО. По мнению итальянского исследователя П. Ваничелли, «в действительности правящая христианско-демократическая элита всегда рассматривала процесс европейского объединения главным образом как аспект атлантической солидарности и потому препятствовала любым планам дальнейшей интеграции, которые могли привести к большей автономии Европы».¹⁴³ Несмотря на некоторое упрощение, поскольку и в период холодной войны во внешней политике Италии были крены в сторону европеизма, этот тезис свидетельствует о том, что в целом европейское направление не мыслилось правящими кругами Италии вне рамок атлантической солидарности.

Примеры дрейфа Италии в сторону большей независимости Европы от США в период холодной войны были связаны, в первую очередь, с желанием определенных кругов Италии уменьшить зависимость Западной Европы от США в области безопасности, в первую очередь в ядерной сфере. В Италии сформировалось достаточно влиятельное крыло итальянских политиков и функционеров из различных ведомств, выступавших за ядерный выбор страны и создание независимых европейских ядерных сил. Их борьба закончилась полным поражением, поскольку в период противостояния Востока и Запада ни США, ни СССР не были заинтересованы в расширении ядерного клуба. Под воздействием внутренних и внешних факторов итальянское руководство осознало, что политические издержки ядерного выбора Италии окажутся неоправданно высокими. В 1975 г. Италия присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Окончание биполярности – воссоединение Германии, распад ОВД и СССР - повлекли фундаментальные сдвиги в международных отношениях, дав мощный импульс развитию европейской интеграции и кризису традиционного атлантизма, утратившего первоначальный смысл своего существования. Эти сдвиги предопределили и изменение соотношения европеизма и атлантизма во внешней политике Италии, как и других европейских государств, входивших в ЕС и НАТО. Как отмечал известный итальянский дипломат и аналитик Серджо Романо, холодная война, иными словами невозможность открытого столкновения противоборствовавших, враждебных сил, позволяла Италии быть одновременно "воюющей" союзницей и "нейтральной", "невоюющей" стороной. «Теперь эта фаза итальянской внешней политики завершена. Вместе с падением "железного занавеса" пала великая международная архитектура, в рамках которой Италия могла оставаться лояльной к крупнейшему союзнику и безнаказанно выказывать некоторые проявления инакомыслия».¹⁴⁴

ИТАЛИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Европейское направление во внешней политике Италии получило новый импульс к развитию еще во второй половине 80-х гг. в период эрозии биполярности.

¹⁴³ SIPRI Yearbook of World Armaments and Disarmament, Stockholm, 1970/1971, p.347.

¹⁴⁴ Любин В.П. Внешняя политика Италии в трудах С.Романо (http://alestep.narod.ru/lubin/romano_memo.htm)

И хотя итальянская внешняя политика во второй половине 80-х годов была сосредоточена не столько на европейской интеграции, сколько на кардинальных переменах в отношениях Восток-Запад, вызванных горбачевской перестройкой, Италия должна была все больше подчинять свою политику европейским стандартам и идти вслед за Германией и Францией, взявшим на себя роль лидеров.

7 февраля 1992 г. Италия присоединилась к Договору о создании Европейского Союза, подписанному в Маастрихте, и положившему начало новому этапу развития европейской интеграции. С момента вступления Договора в силу (1 ноября 1993 г.) Европейское Сообщество стало называться Европейским Союзом. Это означало коренной перелом в отношениях между странами-членами ЕС, суть которого заключается в переходе от координации действий национальных правительств к выработке общей политики.

РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Качественно новый этап интеграции совпал с радикальными изменениями в странах ЦВЕ, требовавшими незамедлительного реагирования ЕС. Вопрос приоритетности и соотношения процессов углубления и расширения европейской интеграции стал предметом острой дискуссии внутри ЕС, где сформировались три основные школы – французская (приоритетность углубления), британская (приоритетность расширения) и германская (параллельность процессов углубления и расширения европейской интеграции). Италия присоединилась к позиции Германии, которая, будучи компромиссом между двумя крайними точками зрения, стала основополагающей в ЕС.

По вопросу расширения в Италии сложился широкий политический консенсус, основывающийся на поддержке большинства политических партий, групп давления и академического сообщества. Официальные круги Италии традиционно рассматривали процесс расширения ЕС в контексте новых глубинных преобразований самого Европейского Союза. По мнению итальянских политиков, и перед Европейским Союзом, и перед странами- кандидатами процесс расширения предстает как двуединая задача: «в то время как страны-кандидаты участвуют в переговорах об условиях их вступления, страны-члены ЕС решают, какие меры должны быть приняты для реформирования механизма принятия решений ЕС в целях его демократизации и повышения эффективности».¹⁴⁵

Решающим для Италии являлось заключение Комиссии о степени подготовленности будущих членов ЕС. Итальянские политики проявляли крайнюю осторожность в оценке конкретных сценариев приема новых членов, считая, что для этого им необходимо иметь более детальную информацию о соответствии стран-кандидатов предъявляемым критериям. В целом официальный Рим разделял преобладающую в ЕС точку зрения том, что новый этап расширения должен произойти между 2003 и 2005 гг. Вместе с тем, Италия одобрила обязательство ЕС закончить в основном переговоры о вступлении новых членов в 2003 г., а процесс ратификации - в течение 2005 г.

¹⁴⁵ Interviews with Italian Officials, October 2000 The Enlargement/Agenda **2000 Watch at** www.tepsa.eu/report/Report%20of%20Activities%202006.doc

Очередность, с точки зрения итальянских политиков, была должна решаться самой практикой организации переговоров.¹⁴⁶ Ссылаясь на так называемые трудные статьи и разделы, являющиеся камнем преткновения в двусторонних переговорах с кандидатами, Италия склонялась к идее признания за новыми членами ЕС переходного периода в тех сферах, где они испытывают наибольшие трудности в соответствии *acquis communautaire*. По мнению итальянских официальных лиц, эти решения об уступках должны были приниматься в каждом конкретном случае. Кроме того, переходный период должен был быть минимальным. Исключения могли бы быть предоставлены в тех сферах, где преждевременное членство могло бы нанести ущерб Европейскому Союзу как единому механизму. Это здравоохранение, авторское право, защита прав потребителей. Это и области, требующие больших капиталовложений, такие как окружающая среда, энергетика. Наконец, «... в некоторых сферах, таких как правосудие, правопорядок или свободное передвижение людей было бы в интересах стран-членов предоставить будущим членам более длинный период для адаптации к законодательству Союза».¹⁴⁷ Италия поддерживала так называемый «инклюзивный подход» к расширению, не предусматривающий дифференциацию стран-кандидатов, что отражало региональные приоритеты государства, прежде всего на балканском направлении.

Италия традиционно поддерживала стратегию расширения ЕС на Западные Балканы и Турцию вопреки более осторожной позиции Брюсселя.¹⁴⁸ Балканские приоритеты Италии нашли свое отражение в субрегиональном проекте – Адриатическая и Ионическая инициатива (АИИ) выдвинутая официальным Римом 19-20 мая 2000 г. на конференции на уровне министров иностранных дел в Анконе. В ней, помимо Италии, приняли участие представители Греции, Словении, Хорватии Боснии и Герцеговины. Албании. На конференции присутствовал и председатель Европейской Комиссии Романо Проди, вводя тем самым итальянскую инициативу под эгиду ЕС. И в отношении Политики Соседства ЕС, которая ознаменовала паузу в процессе расширения, все итальянские правительства проявляли интерес, прежде всего, к ее средиземноморскому аспекту. Италия является наблюдателем в Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС), которую рассматривает как важную опору региональной инициативы ЕС Black Sea Synergy в Черноморско-Кавказском регионе.

В практическом воплощении европейская политика Италии носила сильный личностный отпечаток. В целом итальянские политики левого центра отличались большей проевропейской ориентацией, чем их оппоненты из правого центра. В частности, все правительства Сильвио Берлускони (1994—1995, 2001—2006, с 2008- наст. время) отдавали предпочтение расширению и «разрыхлению» ЕС, нежели углублению европейской интеграции. По расширению ЕС Берлускони занимал радикальную позицию, предлагая принять в ЕС не только Турцию и западно-балканские страны, но и Россию и Израиль. Иными словами, при Берлускони, по мнению итальянских экспертов, цель более тесной политической интеграции в ЕС переставала быть «путеводной звездой» итальянской внешней политики.

¹⁴⁶ See the Speech delivered by Lamberto Dini, Italy's Foreign Minister, at interdepartmental committee meeting on European matters, 31 January 2000 at www.tepsa.eu/docs/ReportofActivites2003.doc

¹⁴⁷ Interviews with Italian Officials, October 2000

¹⁴⁸ On this aspect see Roberto Aliboni, "Neo-nationalism and Neo-atlanticism in Italian foreign policy", in *The International Spectator*, Vol. XXXVIII, No. 1, January-March 2003, pp. 81-90.

Последующее развитие событий показало ошибочность стратегии ЕС, направленной на безболезненное сочетание двух процессов. Углубление европейской интеграции нередко приносилось в жертву поспешному расширению, вызывая недовольство рядовых граждан евробюрократами. Экономическая пропасть между старыми и новыми членами ЕС, миграция дешевой рабочей силы из Восточной Европы, сопровождавшаяся часто ростом преступности, дефицит демократии в странах ЦВЕ, стали главными проблемами, с которой столкнулась Западная Европа. В итальянском обществе считают, что страну накрыла волна преступлений после того, как с января 2007 года Румыния вошла в ЕС, а ее граждане получили право без особых препон приезжать в Италию. В прессе выражается сожаление по поводу "излишней терпимости" к иммигрантам. "Мы слепо приняли любого, кто хотел приехать в Италию", - разочарованно пишет газета *Il Messaggero*. По словам мэра Рима Вальтера Велтрони (2007 г.), 75% уличных преступлений в городе в настоящий момент совершается румынами. Мэр также напомнил, что до вступления Румынии в ЕС Рим считался одним из самых безопасных городов в Европе и высказал опасения, что румынская преступность может усилить ксенофобию среди итальянцев.¹⁴⁹

В определенном смысле состоявшиеся в июне 2009 г. выборы в Европарламент показали всю степень недовольства рядовых граждан стран ЕС политикой Брюсселя, катализатором которого послужил мировой экономический и финансовый кризис. В период избирательной кампании на первый план вышли проблемы внутренней политики отдельных государств ЕС, тогда как о европейских проблемах практически не было речи. На неформальной встрече глав пяти европейских государств, которая состоялась в Неаполе 13 июня 2009 г., президент Италии Джорджо Наполитано совместно с руководителями Германии, Австрии, Венгрии и Португалии выступил с инициативой обновления процесса европейской интеграции и выработки единых действий в рамках ЕС по противодействию мировому финансовому кризису. « Европа не может выступать в роли козла отпущения, отвечая за непопулярные решения национальных правительств, как, к сожалению, бывает», - заметил президент Италии¹⁵⁰. В связи с этим Джорджо Наполитано особо подчеркнул важность ратификации Лиссабонского договора, предусматривающий реформирование системы управления ЕС.

УГЛУБЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Италия наряду с другими странами-членами ЕС активно участвовала в подготовке Амстердамского (1997 г.) и Ниццкого (2001г.) договоров, представлявших вместе комплексную реформу структуры и функций Европейского Союза. Период реформирования ЕС совпадает с победой в Италии левоцентристской коалиции Романо Проди, победившей на выборах 1996 г. В результате коалиция Проди обеспечила себе большинство в сенате (с небольшим перевесом голосов) и прочно завоевала господствующее положение в палате депутатов. За последующие два года Проди сумел сохранить свою коалицию. Главным достижением было вступление Италии в ЕВС. Были предприняты дальнейшие меры по либерализации экономики.

¹⁴⁹ В Италии скончалась женщина, зверски избитая и ограбленная уроженцем Румынии. 2.11.2007 (http://www.newsru.com/crime/02nov2007/italy_migrants.html)

¹⁵⁰ Президенты пяти стран ЕС высказались за обновление европейской интеграции (www.izvestia.ru/news/news207098)

Италия оказалась и в числе реформаторов в сфере преобразований в Общей внешней политике и политики безопасности (ОВПБ) ЕС. Одним из наиболее существенных направлений Амстердамского договора являлось реформирование ОВПБ, которое подразумевало расширение сферы применения процедуры квалифицированного большинства при голосовании в области ОВПБ, что означало бы реальную передачу части суверенитета в этой области с национального на наднациональный уровень. По данному вопросу страны-члены ЕС разделились на два лагеря: Италия вместе с Германией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом и Австрией выступали за расширение использования этой процедуры, в то время как Франция, Греция, Португалия и особенно Великобритания были явно против реформ.

По мнению Серджо Романо, именно с 1996 г. началась новая фаза, в ходе которой Италия смогла проводить достойную европейскую и более определенную международную политику.¹⁵¹ В период XIII легислатуры (1996-2001 гг.) в Италии у власти находились три левоцентристских правительства с премьер-министрами Проди, Д'Алема, Амато. Более того, и Романо Проди (с 1999 по 2004 годы был председателем Еврокомиссии) и Джулиано Амато (одного из архитекторов Конституционного договора) были последовательными сторонниками развития процессов европейской интеграции и более активной роли Италии в этих процессах.

С развитием европейской интеграции после Маастрихтского, Амстердамского и Ниццкого договоров государства-члены Союза пришли к выводу о необходимости коренным образом реформировать правовые устои данной организации в целях модернизации как его структуры и функций отдельных институтов, так и механизма принятия решений. Конституционный договор напрямую затрагивал и сферу общей внешней политики и политики безопасности, способствуя институциональному развитию военно-политического измерения ЕС. К подобному шагу подталкивало произошедшее 1 мая 2004 года расширение Европейского Союза, которое потребовало внесения серьезных корректив в сложившиеся интеграционные механизмы. Работа по созданию "Договора, учреждающего Конституцию для Европы" началась после создания Европейским Советом в декабре 2001 года "Конвента будущего Европы" во главе с бывшим президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном. В Конвент в качестве одного из архитекторов новой Конституции вошел известный итальянский политик Джулиано Амато.

Не отступая формально от стратегических задач, поставленных Брюсселем, правительство Берлускони, находившееся у власти с 2001 по 2006 гг., сделало упор на межправительственный подход в ЕС, результатом которого стало более избирательное, чем в прошлом, отношение к интеграционным процессам и передаче суверенитета по многим вопросам Брюсселю. Выступая перед парламентом, Берлускони провозгласил право Италии самостоятельно определять свой внешнеполитический курс, выбирая новые идеи, новые инструменты и новых людей. Намерение Италии оставаться связанной с Европой и входить в руководящую группу стран не исключало, по его мнению, дискуссию о том, как быть частью Европы и что делать в Европе и в мире, поскольку Италия не является страной ограниченного суверенитета.¹⁵²

В соответствии со стремлением оставлять за собой большую свободу рук в ЕС Сильвио Берлускони уклонялся от четкой позиции по Конституционному договору и работе Конвента, предпочитая роль Италии в качестве посредника,

¹⁵¹ Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. - 2 ed. - Milano, 2002

¹⁵² Discorso del Presidente del Consiglio Silvio Berlusconi alla Camera dei Deputati, Palazzo Montecitorio, 14 gennaio 2002.

помогающего достигать компромиссы между предлагаемыми решениями.¹⁵³ Этой линии правительство придерживалась на всем протяжении первого этапа дискуссий в Конвенте, что совпадало полностью с целями итальянской дипломатии в связи с председательством Италии на межправительственной конференции в июле-декабре 2003 г.

На саммите Евросоюза в июне 2004 г. окончательный текст конституции был одобрен всеми странами. После подписания главами государств-членов ЕС Конституция должна была быть ратифицирована парламентами всех стран-членов ЕС. Обе палаты парламента Италии одобрили ратификацию Конституции для Европы к началу апреля 2005 г.: 436 “за”, 28 “против”, 5 “воздержались” (Палата депутатов); 217 “за”, 16 “против” (Сенат).

Важно отметить, что внутривластные дебаты по Конституции были ограничены кругом политиков и экспертов и не стали достоянием широкого обсуждения в обществе, поскольку в Италии не предусматривался всенародный референдум по этому вопросу. Видимо, по этой же причине ратификация проекта Конституции итальянским парламентом не получила широкого освещения в национальных средствах массовой информации в отличие референдумов по этому вопросу во Франции и Нидерландах. Реакция правительства Италии на французское и голландское «нет» Конституции была достаточно спокойной. Президент Италии Карло Азельо Чампи заявил, что результаты референдумов во Франции и Нидерландах свидетельствовали о том, что Европейская политика не оправдала ожиданий граждан, и что они чувствуют себя выключенными из процесса решений по важнейшим вопросам для их будущего и для их повседневной жизни.¹⁵⁴ Романо Проди, лидер левой оппозиции и бывший председатель Европейской Комиссии, открыто признал, что это - поражение Европы.

В целом правительство Берлускони выступало за поддержание баланса между основными институтами ЕС – Европейским Парламентом, Европейской Комиссией и Советом призывая к их равноценному усилению как главному условию для эффективного функционирования Европейского Союза. Что касается внешнеполитической сферы, итальянское правительство поддержало идею введения поста Европейского министра иностранных дел с функциями, выполняемыми сегодня Высоким Представителем по ОВПБ и Комиссаром по внешним отношениям. Оно также разделяло точку зрения относительно того, чтобы министр иностранных дел ЕС являлся бы одновременно членом Комиссии, но был бы подотчетным Совету. Правительство Берлускони подтвердило приверженность распространению процедуры квалифицированного большинства на вопросы, связанные с ОВПБ, однако считало, что должна быть предусмотрена возможность уклонения от выполнения принятых решений. Правительство также поддерживало предложения, направленные на укрепление Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), включая расширение Петербургских задач, общее обязательство солидарного ответа угрозам терроризма, создание Европейского агентства оборонных и стратегических исследований. Однако при этом руководство Берлускони было убежденным сторонником большей гибкости в развитии сотрудничества в сфере ОВПБ/ЕПБО. Как отмечал итальянский исследователь Микеле Комелли, правительства правого центра делали акцент на роли НАТО как

¹⁵³ Interview in Financial Times, January 18, 2002.

¹⁵⁴ “United for Europe”, joint article by the President of the Italian Republic and the President of the Federal Republic of Germany together with the Presidents of Austria, Finland, Latvia, Poland and Portugal. CFSP Watch 2005 – Italy – by Michele Comelli¹ at www.fornet.info/.../CFSP%20Watch%202005%20Italy.pdf

военного союза и форума политических консультаций, подчеркивая, что политика НАТО и ЕПБО не столько соперничают, сколько дополняют друг друга. Они выступали за создание единых сил быстрого реагирования, которые могут быть использованы как ЕС, так и НАТО.¹⁵⁵

Победив на выборах в 2006 г., Романо Проди, как и прежде, сделал акцент на европейское направление во внешней политике Италии, выступая активным сторонником и лоббистом нового проекта Конституционного договора – Договора о реформе. Тем не менее, при обсуждении проекта этого Договора в Лиссабоне Италия 18-19 октября 2007 Италия выдвинула свое условие, которое предлагалось включить в текст документа. Италия выступала против перераспределения мест в Европарламенте, в результате которого у итальянцев должно было оказаться меньше голосов, чем у Великобритании и Франции. Согласия удалось достичь после того, как участники переговоров в последнюю минуту сделали некоторые уступки Италии и Польше.

Пробыв у власти чуть более полутора лет, 24 января 2007 г. правительство Проди ушло в отставку. На смену ему вновь пришло правительство Берлускони. Формальным поводом для отставки правительства Проди послужило его решение сохранить 2-тысячный итальянский контингент в составе международных сил в Афганистане и одобрить расширение американской военной базы в городе Виченца, где прошли бурные акции протеста местных жителей. По мнению экспертов, Романо Проди хотел показать своим внешнеполитическим партнерам, что Италия была и остается их надежным союзником. Афганская операция, в отличие от иракской, считается в Италии легитимной, имеющей широкую международную базу. Поэтому, выведя войска из Ирака, Италия собиралась сохранить свое присутствие в Афганистане. Однако попытка коалиционного правительства обезопасить своих военнослужащих в Афганистане, выведя их из зоны военных действий и увеличив долю гражданских сотрудников, не нашла понимания у левых союзников Проди.¹⁵⁶

В действительности причины отставки левоцентристского кабинета Проди глубже. В стране, практически расколотовой пополам между двумя полюсами, многое зависит от поддержки малых партий и даже отдельных депутатов и сенаторов. Кроме того, социал-демократии автоматически не гарантирован успех. Итальянские избиратели, как и другие граждане стран ЕС, настроены на социальные реформы, которые бы не шли вразрез с их требованиями по улучшению жизни. Левоцентристским правительствам не удастся долго сохранять популярность и рассчитывать, что «электорат согласится с болезненными реформами, если их политика не пойдёт дальше "неолиберальной экономики с человеческим лицом" и пассивной адаптации к процессам глобализации».¹⁵⁷ В этом смысле левоцентристские правительства Италии (подобно правительству Герхарда Шредера) проводили в жизнь самые непопулярные решения. В рамках политики по сокращению государственных расходов кабинеты левого центра проводили приватизацию собственности государства, повышали косвенные налоги при снижении налогов на предпринимателей и осуществляли режим экономии в социальной области, что в долгосрочном плане должно было укрепить итальянскую экономику и обеспечить ей достойное место в ЕС. Объясняя, "почему Берлускони,

¹⁵⁵ Comelli M. CFSP Watch 2004 – Italy

(http://www.fornet.info/CFSPannualreports2004/CFSP%20WATCH%202004_Italy_2.pdf)

¹⁵⁶ Отставка Проди: разменять Ирак на Афганистан не удалось

(<http://www.svobodanews.ru/content/article/379427.html>)

¹⁵⁷ Громыко А. Победы и поражения современной социал-демократической Европы

(<http://www.gromyko.ru/Russian/CPE/alex6.htm>)

несмотря на некоторые явные моральные изъяны, вернулся к власти", Серджо Романо называет следующие причины. Первая из них - старое и неотъемлемое правило демократии: желание перемен. Левоцентристское правительство воплотило в жизнь национальную мечту: вхождение страны в "Евроландию". Но оно пришло к финишу, слишком перегрузив страну налогами и заставив итальянцев затянуть пояса. Тогда итальянский электорат, как и электорат во всей Европе, возжаждал менее строгой налоговой политики.¹⁵⁸ В дополнение к этому, Романо Проди как бывший глава Европейской Комиссии в глазах рядовых итальянцев нес ответственность за ошибки в интеграционной политике Брюсселя, за углубляющийся разрыв в интересах евробюрократов и рядовых избирателей.

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

Российское направление во внешней политике Италии имело и европейское, и атлантическое измерения. Россия – важнейший экономический партнер Италии. Основными товарами в российском экспорте в Италию остаются энергоносители (сырая нефть и нефтепродукты, природный газ). Италия является вторым после Германии среди западноевропейских стран покупателем российского газа. В отличие от опасений Брюсселя относительно зависимости от России в энергетической сфере итальянские предприниматели смелее и активнее действовали на российском рынке. Так, например, итальянские компании ЭНИ и ЭНЕЛ получили доступ к российским месторождениям газа и обещание места в совете директоров нефтяного подразделения "Газпрома". Кроме того, "Газпром" заключил с ЭНИ долгосрочные контракты, благодаря которым он получает прямой доступ к итальянским потребителям.¹⁵⁹ В мае 2009 г. Италия подтвердила свою решимость участвовать в проекте «Южный поток», который вызывал противоречивые чувства в Брюсселе. «Газпром» и итальянская компания ЭНИ подписали второе дополнение к Меморандуму о взаимопонимании от 23 июня 2007 года о дальнейших шагах по реализации проекта "Южный поток". Итальянский бизнес отнесся более благожелательно, чем официальный Брюссель, и к предложению Дмитрия Медведева о предоставлении синдицированного кредита Украине для обеспечения энергобезопасности Европы. Стремление Италии утвердиться на российском энергетическом рынке встречает неоднозначную реакцию в Брюсселе, в принципе не испытывающим восторга по поводу двустороннего сотрудничества России и стран ЕС в энергетической сфере.

Говоря о роли российского фактора для Италии на европейском направлении было бы упрощением все сводить к экономическому сотрудничеству. Итальянские политики и левого, и правого толка понимали, что стабильность в Большой Европе, включая пространство СНГ, не может быть достигнута вопреки интересам России. Недовольство России по поводу новой инициативы ЕС «Восточное партнерство», которое рассматривалось Москвой как «дружба против России» и стремление ЕС создать свою сферу влияния на пространстве СНГ, предопределило и более осторожное отношение Италии к этому проекту. Программа ЕС "Восточное партнерство", по мнению Италии, не должна иметь антироссийскую направленность.

¹⁵⁸ Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. - 2 ed. - Milano, 2002, p.148.

¹⁵⁹ Доклад заместителя Председателя Правления ОАО «Газпром» А.Г. Ананенкова на годовом Общем собрании акционеров ОАО «Газпром» 29.06.2007 года, г. Москва (<http://www.gazprom.ru/press/news/2009/june/article66674/>)

Об этом 16 марта 2009 г. в Брюсселе заявил министр иностранных дел Италии Франко Фраттини. Глава МИД Италии предложил также привлечь в программу и Москву, в частности, пригласить российскую делегацию на саммит стран "Восточного партнерства", запланированный на 7 мая в Праге.¹⁶⁰ Поскольку мнение Рима не было принято во внимание, Италия проигнорировала пражский саммит «Восточного партнерства».

Мнение президента Италии Джорджо Наполитано о том, что необходимо держать курс на более тесное сотрудничество между Евросоюзом и Россией¹⁶¹, разделяется всеми политиками. В частности все правительства Италии поддерживали идею повышения формата отношений России и ЕС на переговорах по новому соглашению о стратегическом партнерстве. Однако видение этого сотрудничества правительствами левого и правого центра существенно различается. Так, например, Сильвио Берлускони неоднократно говорил о необходимости членства России в ЕС,¹⁶² что резко контрастировало с позицией Брюсселя и председателя Европейской Комиссии Романо Проди – «дать России все кроме институтов». В одном из интервью Романо Проди. Уже, будучи премьер-министром Италии, сформулировал преваляющее в ЕС мнение о месте России: «Конечно, у России совершенно особая роль. Может ли она стать членом ЕС? Нет, потому что в этом случае у Евросоюза сразу же появились бы две столицы: одна — в Москве, другая — в Брюсселе. То есть просто потому, что у России другая весовая категория. Однако можно ли строить отношения, принимая во внимание нашу взаимную дополняемость? Да!»¹⁶³

Фактор личной дружбы между Италией Сильвио Берлускони и Владимиром Путиным несомненно, играл немаловажную роль в развитии двусторонних экономических и политических связей, обеспечивая им неформальный благоприятный фон, что в свою очередь создавало более благожелательное отношение к России в итальянских политических и экономических кругах. Не последнюю роль в формировании образа России Путина играли и средства массовой информации, принадлежащие Берлускони, крупнейшему медиамагнату Италии. Приход Романо Проди на пост премьер-министра в 2006 г. освободил итальянскую внешнюю политику от влияния личной дружбы, но не изменил общего благожелательного фона в двусторонних отношениях. Тем не менее, политика правительств левого центра в отношении России в полной мере отражала дихотомию ЕС по этому вопросу – стремлению к более высокой степени интеграции с Россией и желанию иметь ее в качестве независимого центра силы, противостоящему односторонним действиям США на международной арене.

Оценивая формирование европейского направления во внешней политике Италии после краха биполярности, трудно не признать, что этот процесс, имевший четкие рамки, за которые не выходило ни одно правительство Италии, находился, тем не менее, под сильным давлением двух подходов. Именно борьба сторонников европейской идеи или сильной единой Европы и евроскептиков, стремившихся

¹⁶⁰ Глава МИД Италии опасается антироссийской направленности программы ЕС "Восточное партнерство" // Ренгум. 16.03.2009 (<http://www.regnum.ru/news/1137757.html>)

¹⁶¹ Президент Италии Джорджо Наполитано: "Я заставляю себя не думать о том, что занял дворец после многих пап и королей" // Известия. 15.07.2008 (<http://www.izvestia.ru/person/article3118434/>)

¹⁶² Franco Frattini "Unione aperta a chi accetta la sua cultura", Corriere della Sera, 20/12/2002

¹⁶³ Премьер-министр Италии Романо Проди: "Для меня существуют две России" // Известия. 20.06.2006 (<http://www.izvestia.ru/politic/article3093896/>)

укрепить международные позиции Италии не только за счет балансирования между ЕС и США, но и между ЕС, США и Россией, определяла на отдельных временных витках суть внешней политики страны.

АТЛАНТИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИТАЛИИ

Атлантизм наряду с европеизмом провозглашался основным направлением внешней политики Италии и после окончания биполярности, которое кардинально изменило основы трансатлантической солидарности. Принято считать, что окончание двустороннего противостояния затронуло главным образом страны и институты «социалистической системы», в действительности же революционные изменения конца 80-х - начала 90-х годов затронули все институты, созданные во времена «холодной войны», особенно те, которые были воплощением двухполюсного мира. ОВД, СССР, а вместе с ними и «угроза с востока» просто исчезли в ходе международной революции, охватившей коммунистическую Европу. НАТО пережила конец биполярности, но не смогла избежать глубокого кризиса своей идентичности, определения своей роли в постбиполярном мире.

Одна из важнейших миссий НАТО обеспечивать присутствие США в Европе, по мнению многих итальянских атлантистов, остается и по сей день самой актуальной задачей. У Рима есть вполне понятные особые геополитические причины бояться возможного раскола в НАТО, «распахнутость» навстречу средиземноморскому миру, уязвимость морских границ страны приводили к тому, что для Италии всегда было первостепенно важным сохранение надежного американского «зонтика», обеспечивающего ее безопасность в широком Средиземноморье.¹⁶⁴ Почти все крупнейшие конфликты 90-х годов вспыхнули именно здесь: три югославские войны, гражданская война в Алжире, албанское восстание 1996 г., две чеченские войны, кавказские раздоры, курдский сепаратизм. Именно поэтому Италия возлагала надежды на действующую с 1999 г. Стратегию НАТО, где делался акцент на усиление роли НАТО в урегулировании кризисов и восстановлении мира и стабильности в тех случаях, когда превентивные меры оказываются безрезультатными.

Вместе с тем в Стратегии НАТО отмечалось: «несмотря на то, что Россия не рассматривается как угроза, НАТО по-прежнему полагается на ядерное оружие как на защиту от неопределенного будущего, гарантию безопасности стран альянса и сдерживание стран, стремящихся к приобретению ядерного оружия. Стратегическое оружие остается краеугольным камнем стратегии сдерживания, а нестратегическое ядерное оружие и обычные вооружения являются дополнительным компонентом сдерживания».¹⁶⁵ Американское тактическое ядерное оружие в Европе, по мнению итальянских правящих кругов, остается важнейшим военно-политическим звеном, связующим США с союзниками, и основой общей обороны европейских стран альянса. На территории Италии, наряду с Бельгией, Нидерландами, Германией и Турцией по-прежнему размещено ТЯО США, являющееся анахронизмом холодной войны, поскольку оно направлено, по признанию западных экспертов, только против России, которая не рассматривается в Стратегии НАТО как угроза.

¹⁶⁴ Барабанов О. Внешняя политика Италии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2003, № 10, с. 82–89.

¹⁶⁵ Сосновский М. Ядерное оружие США в Европе // Национальная оборона. 2006. №3 (www.iss.niit.ru/pub/pub-99.pdf)

Для Италии, как и других европейских стран-членов НАТО, после окончания холодной войны центральным являлся вопрос об обязательствах США Европе. Традиционно основанием американского присутствия США в Европе являлась зависимость последней от США в сфере безопасности. Устранение угрозы глобального конфликта, появление новых угроз международной и европейской безопасности обнажили глубинное противоречие между стратегическими целями европейской интеграции, подразумевающими независимость Европы от США в сфере безопасности, и атлантической солидарности, замешанной на зависимости европейских союзников от американской военной мощи. В вопросе о будущем американского присутствия в Европе важно учитывать и, появившиеся еще при Клинтоне, изоляционистские настроения определенной части американского истеблишмента и общественного мнения в пользу сокращения вовлеченности США в европейские дела. Президент Клинтон, известный как самый проевропейский президент США, сумел подавить и маргинализировать эти тенденции. При президенте Буше эти тенденции усилились. США сделали сильный крен в сторону поиска новых миссий за пределами Европы и избирательного привлечения союзников для выполнения своих задач.

Левоцентристские правительства Проди, Д'Алемы и Амато исходили из того, что в целом развитие европейской интеграции отвечает интересам США. По их мнению, воздействие этого процесса на трансатлантические отношения будет позитивным, поскольку США при Клинтоне неоднократно выражали свое благожелательное отношение к этому процессу, в частности к Кельнскому саммиту 199 г., несмотря на некоторые оговорки в отношении валютного союза и общей политики безопасности и обороны в ЕС. Политическая элита левого центра надеялась, что и при администрации президента Буша не произойдет кардинальных изменений в политике США по отношению к процессам европейской интеграции. Во-первых, США не придется вести переговоры по важнейшим политическим вопросам с европейскими правительствами по отдельности. Во-вторых, с военной точки зрения, расширенный и объединенный ЕС будет в состоянии взять большую ответственность за оборону Европы. В-третьих, в сфере экономики, для США будет предпочтительно иметь дело с единым правовым и финансовым режимом, основой которого является валютный союз.¹⁶⁶ Иными словами, левоцентристы стремились развеять опасения США, связанные с тем, что европейская военная активность окажет какое-либо негативное влияние на трансатлантическую солидарность.

Первым серьезным испытанием для левоцентристов стала операция НАТО против Югославии в 1999 г. В период бомбардировок Югославии авиацией стран НАТО, несмотря на существующие глубокие разногласия в итальянском политическом сообществе, Италия поддержала эту акцию, присоединившись, по словам премьер-министра Д'Алемы, к «привилегированному клубу» держав вместе с США, Германией, Великобританией, Францией. "Я не знаю слов, которые столь ясно отразили бы последовательную череду амбиций, разочарований и нервного тика итальянской внешней политики в период от объединения до наших дней", - замечает известный итальянский дипломат и публицист С. Романо.¹⁶⁷ Италия приняла участие во всех миротворческих операциях НАТО на Балканах.

В дальнейшем рост разногласий между США и их европейскими союзниками по кардинальным проблемам международной безопасности – войне в Ираке, строительству американской ПРО в Польше и Чехии вопреки позиции России, планам дальнейшего расширения НАТО на восток, иранской ядерной программе - не могли не сказаться на корректировке внешней политики левоцентристских

¹⁶⁶ Gerard Baker, «Washington's unspoken doubts about Europe», Financial Times, 5 October 2000

¹⁶⁷ Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. - 2 ed. - Milano, 2002, p.272.

правительств. Победа блока Романо Проди в 2006 г. предопределила пересмотр внешнеполитической стратегии Италии. Как отмечал Этторе Греко, эксперт Римского Института международных отношений: «Прежде всего, следует сказать о некоторых изменениях в трансатлантической политике. Во-первых, она не станет определяющим фактором имиджа Италии на международной арене. Италия станет более независимой от Вашингтона. Речь идет не об Ираке: оба блока (правоцентристская и левоцентристская коалиции – Н.А.) уже пообещали вывести итальянский контингент из этой страны к концу года. Основное противоречие - это Афганистан и Иран... Конечно же, Проди увеличит и роль Италии в Евросоюзе. И в отношении России Проди будет, скорее всего, ориентироваться на ЕС».¹⁶⁸

Правительства левого центра стремились найти баланс между объективной заинтересованностью Италии в развитии европейской интеграции, пониманием, что европейская безопасность становится все больше обязанностью европейцев, и соблюдением союзнических обязательств перед США как необходимым условием предотвращения вакуума в сфере безопасности в период становления военного измерения ЕС. В феврале 2008 г. правительство Проди признало независимость Косово. При этом министр иностранных дел Д'Алема отметил, что признание Италией суверенитета Косово не является проявлением враждебности в отношении Сербии.¹⁶⁹

Политика правительств С. Берлускони строилась на сочетании приверженности НАТО и трансатлантическим отношениям, принадлежности Италии к ядру ЕС и особым отношениям с Россией. Когда Берлускони после победы на выборах мая 2001 г. сформировал правительство, стало ясно, что его главной проблемой станут отношения с левоцентристскими лидерами, находившимся у власти в большинстве европейских стран. После атак террористов 11 сентября 2001 г. и начала американской войны в Афганистане Берлускони в целях компенсации враждебности к нему со стороны некоторых европейских партнеров "развернул" итальянскую внешнюю политику в сторону США. Весной 2002 г. он помог США в налаживании диалога с Россией и создании Совета НАТО-Россия, всячески демонстрируя, что Италия может быть одновременно "европеистской, атлантистской и другом России".¹⁷⁰ Делая ставку на свои хорошие личные отношения с Дж. Бушем и Владимиром Путиным, Берлускони не раз пытался убедить Москву, что расширение НАТО не направлено против России, потерпев фиаско в дипломатическом посредничестве на этом направлении.

После терактов 11 сентября Италия оказывала активную поддержку США в Афганистане, а затем в Ираке. Правительство Берлускони без колебаний присоединилась к Великобритании, главному союзнику США, а также к новым членам НАТО, подтвердив мнение, что избрание Берлускони стало не только поражением левых в Италии, но и поражением Европы. В 2003 году Италия направила в Ирак 3000 человек, итальянский контингент в этой стране был четвертым по численности (после США, Великобритании, Южной Кореи). Берлускони настаивал на том, что Италия является мишенью для исламских экстремистов ("Все страны под прицелом, и все рискуют") и ратовал за необходимость международного вмешательства для борьбы с диктаторскими режимами.

¹⁶⁸ Италия осталась в центре, но повернулась налево. 10.04.2006
(<http://www.gzt.ru/world/2006/04/10/214217.html>)

¹⁶⁹ Италия: «Признание независимости Косово ничего не отнимает у Сербии» // Новые Известия. 21.02.2008 (www.newizv.ru/lenta/85114/)

¹⁷⁰ Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. - 2 ed. - Milano, 2002., p.279.

Участие в Ираке стоило итальянцам самых больших военных потерь после окончания Второй мировой войны. В марте 2005 года в Ираке от рук американских военных погиб представитель итальянских спецслужб Никола Капри, участвовавший в операции по освобождению заложника. Этот инцидент послужил катализатором бурных массовых выступлений в Италии, заставив Берлускони заявить в марте 2005 г. о намерении начать в сентябре вывод итальянских войск из Ирака. Однако спустя всего несколько дней отступился от своих слов, подчеркнув, что вывод войск будет осуществляться лишь по согласованию с союзниками. Учитывая настроения в обществе, в октябре 2005 года Берлускони заявил, что он якобы неоднократно пытался отговорить президента США Джорджа Буша от вторжения в Ирак. Именно «политическое вилание» Берлускони, по мнению многих итальянских аналитиков, предопределило его поражение в 2006 г.

Не только по Ираку, но и по другим важным вопросам внешней политики и политики безопасности ЕС правительство Берлускони занимало проамериканскую позицию. Так правительство откровенно дистанцировалась от официальной политики ЕС по ближневосточному конфликту, выказав поддержку планам ближневосточного урегулирования США и симпатии Израилю. Берлускони отказался от встречи с Я.Арафатом во время его визита в Италию в июне 2003 г., что было крайне негативно воспринято Брюсселем, выступающим в тот период против маргинализации Арафата.

Италия официально поддерживала стратегию расширения НАТО. Однако в связи с курсом НАТО на дальнейшее расширение на пространство СНГ итальянские политики все больше задавались фундаментальным вопросом: до какой степени эта организация должна оставаться, прежде всего, объединенным военно-политическим союзом, до какой она должна эволюционировать в сторону системы региональной безопасности, и до какой степени она может позволить себе игнорировать Россию. В статье «Два веса и две меры», опубликованной в журнале «Панорама» Серджо Романо писал: «Американцы не поняли, что присоединение Украины и Грузии к НАТО было бы расценено Москвой как нетерпимое вторжение в их поле. Они не поняли, что размещение американских баз в Польше и Чехии было бы воспринято Россией так же, как США восприняли размещение советских ракет на Кубе в 1962 году. Они не поняли, что Владимир Путин популярен в своей стране именно потому, что вывел ее из состояния международной прострации, в которую она впала в эпоху Бориса Ельцина».¹⁷¹ В целом итальянские политики и обозреватели независимо от их партийной принадлежности с большим пониманием относились к стремлению России восстановить свой международный престиж, признавая ошибки Запада на российском направлении. Истоки «мюнхенского тона» внешней политики Владимира Путина они видели в нежелании ведущих западных стран, прежде всего США, признать новые реалии в отношениях с постельцинской Россией, пересмотреть старые правила игры, когда Россия была слаба и лишь присоединялась к решениям Запада по основным вопросам международных отношений. «В 2003, США вторглись в Ирак без согласия Совета Безопасности ООН. В 2004-м НАТО приняла в свои ряды семь стран: Болгарию, Румынию, Словакию, Словению и страны Балтии, а именно три страны, ранее входившие в Советский Союз. И, наконец, недавно Буш заявил, что новым этапом этого похода на Восток станет вступление в Альянс Украины и Грузии. Предположение, что Россия будет взирать на все это с безразличием и смирением, нереально, и, пожалуй, даже опасно».¹⁷²

¹⁷¹ Два веса и две меры // Panorama. 26.08.2008 (www.inosmi.ru/translation/243577.html)

¹⁷² НАТО: день, когда Россия выйдет из себя // Les Echos. 9.04.2008 (<http://www.inosmi.ru/translation/240713.html>)

После своего возвращения во власть в 2008 г. Берлускони вновь сделал ставку на посредничество между новой администрацией США и НАТО, с одной стороны, и Россией, с другой. Будучи прагматиком, он понимал, что в США грядут перемены, которые могут привести к радикальным изменениям в отношениях Вашингтона и Москвы, и Италия должна воспользоваться этим моментом. В связи с этим примечательна и позиция Италии во время Кавказского кризиса 2008 г. В Италии отнеслись с большим пониманием, чем в других странах ЕС, к причинам Юго-осетинского конфликта, в частности к роли президента Грузии Михаила Саакашвили в этом кризисе. Явная напряженность в трансатлантических отношениях просматривалась во время посещения Италии вице-президентом США Д. Чейни в начале сентября 2008 года. Американская делегация, по свидетельству газеты "Файнэншл таймс", пыталась добиться поддержки своей позиции по России в связи с кризисом в Южной Осетии, но премьер-министр С. Берлускони "...не произнес ни слова критики в адрес России".¹⁷³ Италия, которая с 1 января 2009 года председательствует в "большой восьмерке", дала понять, что намерена пригласить российского руководителя на саммит в Сардинии, Берлускони особо подчеркнул важность укрепления Совета НАТО - Россия, и эти слова были произнесены в то время, когда работа совета, как известно, была заблокирована США. На саммите НАТО в декабре 2008 г. Италия совместно с другими шестью странами-членами альянса заблокировала предоставление Плана действий по членству в НАТО Грузии и Украине.

Выступая в июне 2009 г. на первом заседании Совета Россия-НАТО на уровне министров иностранных дел после конфликта в Южной Осетии Берлускони особо подчеркнул, что он присутствует в качестве «представителя большой восьмерки» по «личной договоренности с президентом РФ Дмитрием Медведевым, и призвал НАТО и Россию оставить позади прошлое холодной войны.¹⁷⁴ Учитывая одиозность и непопулярность Берлускони в Европе, его слова не столько помогают, сколько дискредитируют, по сути, правильную позицию. Как отмечал Серджо Романо, результат операции Берлускони - быть "другом всех" - зависит от эволюции отношений между Европой и США.¹⁷⁵ К этому можно добавить, что он зависит и от эволюции отношений между Москвой и Вашингтоном.

Именно эти факторы наряду с преодолением внутреннего кризиса в ЕС и выработкой Брюсселем четкой интеграционной стратегии будут определять в дальнейшем соотношение европеизма и атлантизма во внешней политике Италии. Пересмотр действующей стратегии НАТО на основе ее адаптации к насущным задачам обеспечения международной безопасности и рационального пересмотра функций между европейскими союзниками и США – необходимое условие для сохранения трансатлантических отношений в их новой неоатлантической форме. Избрание президентом США Б. Обамы открывает возможность для таких кардинальных изменений. Европейская интеграция в сфере общей политики безопасности и обороны – объективный процесс. Несмотря на то, что скептицизм стал общим местом в оценке европейской политики обороны и безопасности, невозможно не признавать, что Европейский Союз достиг впечатляющих успехов на этом направлении. Следует отметить также, что в условиях, когда угрозы аморфны и непредсказуемы, не имеют ярко выраженного военного характера, строить военную составляющую большого союза государств особенно тяжело, но Европейский Союз осознанно идет по этому пути. На эволюцию

¹⁷³ Примаков Е. Мир без России // Российская газета. 21.01.2009

¹⁷⁴ Берлускони: НАТО и РФ должны оставить позади прошлое холодной войны // Взгляд. 27.06.2009 (<http://www.vz.ru/news/2009/6/27/301755.html>)

¹⁷⁵ Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. - 2 ed. - Milano, 2002, p.279.

европеизма и атлантизма во внешней политике Италии, как и других стран НАТО и ЕС, будут оказывать влияние и российско-американские отношения, где главным является вопрос о месте России в европейской архитектуре безопасности.

ГЛАВА 5. ИСПАНИЯ МЕЖДУ АТЛАНТИЗМОМ И ЕВРОПЕИЗМОМ (ПОСТФРАНКИСТСКИЙ ПЕРИОД)

XX век начался крайне неудачно для Испании. Поражение в войне 1898 г. привело к утрате последних заморских владений – Кубы и Филиппин, то есть по существу к окончательной ликвидации испанской колониальной империи. Это не могло не вызвать глубокий кризис в общественном сознании. Империя по своей сути является самодостаточной, и, пока она существует, внимание общества в основном сконцентрировано на ее внутренних проблемах. Ликвидация империи со всей остротой поставила совершенно другую задачу – преодолеть исторически сложившееся отставание от остальной Европы, обратить свое внимание не на заморские владения, а на север, на своих ближайших соседей. Выражаясь современным языком, это была задача модернизации или европеизации страны, на решение которой у Испании по существу и ушел весь XX век. Вопрос о принадлежности Испании к Европе был большим для испанских мыслителей поколения 1898 г., часть из которых утверждала, что Испания относится к Европе лишь наполовину и что Африка начинается на Пиренеях. Этой же концепции отчасти придерживался и франкистский режим, поощрявший идеи национальной исключительности, ксенофобию и т.п. Недаром одним из основных лозунгов франкизма был "*España es diferente*" ("Испания другая").

На наш взгляд, следует выделить три периода или, вернее, три попытки такой "модернизации" или европеизации.

1. Революция 1931–1939 гг. Это период европеизации то очень робкой (аграрный вопрос так и не был решен, латифундизм не был ликвидирован), то, напротив, чрезмерно радикальной (насильственная секуляризация, убийства священников, предоставление избирательных прав женщинам), очень непоследовательной, подверженной влиянию извне, прежде всего советско-анархистского типа. На этом этапе попытка европеизации потерпела поражение, приведя к гражданской войне и установлению франкистской диктатуры.

2. Позднефранкистский период с конца 50-х – начала 60-х годов XX в. и, по существу, до смерти диктатора. Именно тогда был сделан окончательный моральный выбор в пользу Европы, воспринимавшейся испанской общественностью как образец свободы, демократии и прогресса. Испанское "экономическое чудо" 60-х годов стало началом возвращения в Европу. Приобщение в самом широком смысле к европейской культуре шло на уровне личности: этому способствовали массовая эмиграция испанцев в страны Западной Европы и еще более массовый иностранный туризм в Испанию. Эта новая волна европеизации 60–70-х годов шла уже не по призыву узкой группы интеллектуалов, как это было на рубеже веков, она затронула все испанское общество, разрушила прежний быт среднего испанца. Именно в европеизации большинство испанской интеллигенции видело средство избавления страны от бедности и отсталости. Этот этап можно условно назвать экономической европеизацией. Причем именно экономической, так

как сам Франко, разумеется, не был ни европейцем, ни – еще менее – атлантистом, а был лишь испанским националистом.

3. Постфранкистский период. Он начинается со смерти диктатора в 1975 г. и подразделяется на четыре этапа: непосредственно вступление страны в НАТО и ЕЭС (с 1975 по 1986 г.); внешнеполитический консенсус (с 1986 по 2002 г.); нарушение консенсуса (2002–2004 гг.) и, наконец, – современный этап (с 2004 г. – по настоящее время).

Первый этап – это, прежде всего, политическая европеизация. Этот этап был призван решить три основные задачи: подчинение армии гражданской власти, полное отделение церкви от государства и формирование политической системы, основанной на всеобщем избирательном праве.

Переход к демократическому правовому государству в Испании путем "реформы", а не "разрыва" стал возможен благодаря феномену консенсуса всех внутриполитических сил – от постфранкистов до коммунистов. Последние ради спасения государства и общества, предотвращения новой гражданской войны еще в начальный, самый сложный период перехода к демократии заключили между собой соглашение по основным вопросам внутриполитической жизни. Этот политический опыт был основан – в идеологическом плане – на отказе от "особого пути" развития и недвусмысленном выборе в пользу европейской политико-экономической модели. В экономическом плане этот консенсус опирался на уже сложившуюся во франкистский период рыночную экономику и средний класс.

Ликвидация франкистского режима сделала возможным интеграцию Испании в европейские структуры на всех уровнях. Важнейшей внешнеполитической задачей страны в постфранкистский период стало вступление в ЕЭС, которого она добивалась на протяжении десятилетий. Испания видела в этом шаге возможность преодоления исторически сложившейся международной изоляции, приобретение большего политического веса при принятии решений как в европейском, так и в глобальном масштабе, что должно было привести к ликвидации своеобразного "комплекса неполноценности" при проведении внешней политики. В Испании "европеизм" представлял собой целостный политический выбор, включавший как внутренний (стремление объединиться с европейскими демократиями и приблизиться к ним в социально-экономическом плане), так и внешний (стремление участвовать в строительстве единой и сильной Европы) компоненты.

Касаясь проблемы формирования внешнеполитического консенсуса и, в частности, соотношения европеизма и атлантизма, необходимо отметить традиционализм испанского общественного сознания, наличие в нем прочных изоляционистских тенденций, не в последнюю очередь связанных с геополитической спецификой страны.

Постепенное осознание того очевидного факта, что в конкретных условиях середины 80-х годов вступление Испании в ЕЭС не могло произойти без ее вступления в НАТО, сыграло решающую роль в изменении позиции правительства Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и широких слоев населения по вопросу о членстве страны в Североатлантическом альянсе. Этот в значительной степени вынужденный внешнеполитический шаг, используемый как средство давления и даже шантажа при решении вопроса о вступлении страны в ЕЭС, позволил Мадриду найти приемлемый баланс между европейским и атлантическим компонентами своего внешнеполитического курса, явно склоняющегося в сторону первого. Таким образом, задолго до того, как вступление в НАТО стало предварительным условием для вступления в ЕС восточноевропейских стран, с этой проблемой столкнулась Испания.

Что касается атлантизма, то если на протяжении десятилетий франкистского периода представления Испании о собственной безопасности определялись прежде всего двусторонними соглашениями с США (с 1953 г.), в соответствии с которыми испанская территория использовалась для размещения американских военных баз, то в постфранкистский период Мадрид, не отказываясь от практики двусторонних соглашений, взял курс на полномасштабное вступление Испании в НАТО, невозможное ранее по политическим причинам.

Испания – член НАТО с 1982 г. Сложность и острота внутривнутриполитической борьбы, развернувшейся в стране в первой половине 80-х годов по вопросу о вступлении страны в Организацию североатлантического договора, вызвала необходимость проведения – впервые в истории альянса – общенационального референдума по условиям участия страны в НАТО. Таким образом, атлантизм являлся как бы подчиненным, дополнительным направлением по отношению к приоритетному направлению – европеизму. Такое положение объясняется историческими факторами, а именно специфическим характером внешних угроз. Испания, в отличие, скажем, от Германии, даже во времена холодной войны была традиционно маловосприимчива к гипотетической "угрозе с Востока", но весьма озабочена вполне реальной "угрозой с Юга". Эта угроза, обусловленная географически периферийным положением страны, включает целый комплекс стратегически важных для нее проблем и в первую очередь неурегулированный вопрос принадлежности Сеуты и Мелильи – двух испанских анклавов на территории Марокко. Испанские правящие круги всегда отдавали себе отчет в том, что в случае вооруженного конфликта с Марокко, Испания не получит поддержки ни в арабском мире, ни со стороны развивающихся стран, ни со стороны Запада. На территории Сеуты и Мелильи не распространяется юрисдикция НАТО. Но "угроза с Юга" связана и с англо-испанским спором из-за Гибралтара, проблемой Западной Сахары, сложными взаимоотношениями с Алжиром и принадлежностью Канарских островов. Поскольку часть этих проблем выходит за рамки региона, Испания как крупнейшая средиземноморская держава приобретает некоторое значение и в глобальном масштабе.

Второй этап начинается с референдума 1986 г., определившего отношения Испании с НАТО и, по существу, ее представления о трансформации блока в постбиполярном мире. Необходимость сохранения НАТО и присутствия американских вооруженных сил в Европе не ставилась под сомнение испанскими правящими кругами, которые продолжали рассматривать альянс в качестве элемента стабильности.

Пересмотр отношений Испании с НАТО в конце 80-х и в 90-е годы подразумевал превращение блока в организацию более "европейскую", ориентированную на поддержание мира. При этом реформа НАТО, по мнению Мадрида, должна была быть направлена на то, чтобы уровень вооруженных сил альянса определялся исключительно принципом сдерживания, а также включать отказ от использования первыми ядерного оружия. Таким образом, требовалась трансформация НАТО путем распространения на страны-члены "испанской модели", то есть политизация блока, перенесение центра тяжести на политические аспекты деятельности, установление исключительно политического характера взаимосвязей.

Успех испанской модели, которая была связана с отказом от вхождения испанских вооруженных сил в единую систему военного командования при участии страны в разработке стратегических проектов, носил весьма ограниченный характер. Положение начало меняться с приходом в 1996 г. к власти Народной партии (НП) и постановкой вопроса о присоединении Испании к военной организации НАТО.

Испания, отказавшаяся в свое время войти в военную организацию блока по примеру Франции, вынуждена была избрать иной путь, так как не имела собственного (автономного) ракетно-ядерного арсенала, и, следовательно, возможности претендовать на аналогичную военно-политическую роль в Европе. Фактически степень интеграции Испании в НАТО всегда была значительно выше, чем у Франции. Испания, в отличие от последней, была членом многочисленных военных комитетов блока и неоднократно участвовала в совместных военных маневрах. Прямое участие в военных механизмах НАТО, с одной стороны, способствовало профессионализации испанских вооруженных сил, повышению их международного престижа. С другой – вызывало негативные отклики в рядах оппозиции и значительной части испанского населения. Лидер НП Х.-М. Аснар в речи по случаю начала своего второго премьерского срока подчеркнул, что Испания должна быть готова "возложить на себя большую ответственность за пределами наших границ"¹⁷⁶.

В условиях постбиполярного мира и особенно после присоединения к Североатлантическому договору ряда восточноевропейских стран, не выдвигавших никаких оговорок относительно полномасштабного членства в блоке, перед испанским правительством, постоянно опасавшимся маргинализации страны, в качестве одной из основных внешнеполитических задач встал вопрос о вступлении Испании в военную организацию НАТО. Фактически Испания оказалась перед альтернативой: либо изменение своего статуса внутри альянса, либо ранг второстепенной европейской державы. В этой связи она была не слишком заинтересована в расширении НАТО (как и ЕС) на восток, ибо это способствовало бы закреплению ее периферийного положения в рамках блока, для преодоления которого она приложила столько усилий. Здесь следует иметь в виду, что в посткоммунистическую эпоху политическая ценность НАТО для Испании, безусловно, гораздо выше, чем военная ценность Испании для НАТО. В начале 1999 г. в газете *El Mundo* был опубликован секретный документ, в котором четко определялась роль Испании в этом регионе после ее окончательного принятия в военную организацию альянса: контроль над Гибралтарским проливом, а также частью Магриба¹⁷⁷.

Такое положение дел во многом обосновывало позицию правящей Народной партии, всегда высказывавшейся за полное вступление Испании в НАТО и считавшей, что оно уже существует де-факто. НП выступала против проведения нового референдума по рассматриваемой проблеме, полагая, что ограничительные условия референдума 1986 г. отвечали не национальным интересам, а были призваны, прежде всего, успокоить общественное мнение, в котором преобладали антинаатовские и антиамериканские настроения. Впоследствии, когда интерес к теме у испанцев во многом был утрачен, проведение нового референдума могло бы лишь нарушить уже фактически сложившийся внешнеполитический консенсус.

Итак, Испания стала полноправным членом военной организации НАТО в 1999 г. Стремясь играть более активную роль в альянсе, страна в 90-е годы отдавала предпочтение его дальнейшей политизации, превращению в действенный инструмент предотвращения региональных конфликтов.

Третий этап связан с известными событиями 11 сентября 2001 г., коренным образом изменившими испанский внешнеполитический курс. Опасения

¹⁷⁶ *Almunia J.* Los puntos negros del PP. La clara oscura de sus ocho años de gobierno. Madrid, 2004. P. 199.

¹⁷⁷ См.: *Тарасова З.Е.* Участие Испании в военных структурах НАТО // Латинская Америка. 2001. № 10. С. 51.

маргинализации и осознание новых угроз вновь, как и в 50-е годы, выдвинули на первый план отношения с США. Однако дело было не только в этом.

Серьезный пересмотр внешней политики Испании не в последнюю очередь объяснялся усилением связей Франции с Марокко, заинтересованностью Мадрида в сохранении привилегированных экономических отношений с Магрибом и особенно после событий на о. Перехиль. Испания убедилась, не только в том, что она играет в Евросоюзе второстепенную роль, но и в том, что последний не может гарантировать ее территориальную целостность. В результате этого, а также руководствуясь идеологическими соображениями, Испания совершила крутой поворот в сторону США в сопровождении тех союзников по Европейскому союзу, которые были недовольны чрезмерным усилением роли Германии и Франции. События 11 сентября продемонстрировали, что Америка – гораздо более полезный союзник, чем ЕС. Это особенно касается Испании, чрезвычайно озабоченной проблемой баскского терроризма и гораздо более отчетливо понимающей масштабы этой угрозы, чем страны, где такой проблемы нет (Франция, Германия).

В дальнейшем уже иракский кризис поставил перед европейскими странами вопрос: должны ли они безоговорочно следовать в фарватере внешней политики США как безусловного лидера западного мира или считаться, прежде всего, с национальными интересами и общественными настроениями. В принципе, Испания, выбравшая первый путь, фактически признала однополярный характер современного мира и американскую гегемонию в долгосрочной перспективе.

Председатель правительства Х.-М. Аснар, будучи более прагматиком, чем идеологом, понял необходимость привлечения на свою сторону правоцентристского и даже центристского электората. Фактически произошел сдвиг правой Народной партии влево, то есть в центр, вследствие чего и Испанская социалистическая рабочая партия была вынуждена сдвинуться влево. Означает ли это, что в какой-то мере атлантизм присущ правым, а европеизм – левым?

Если провести условные аналогии, то можно констатировать, что и председатель правительства ИСРП Ф. Гонсалес в 1986 г. во время референдума о пребывании страны в НАТО, и председатель правительства НП Х.-М. Аснар в 2003 г. в ходе иракского кризиса, оказались в чрезвычайно сложной ситуации, связанной с проблемами международной безопасности. И тот и другой были вынуждены занять позицию, которая противоречила общественным (традиционно "внеблоковым") настроениям, и могла неблагоприятно сказаться на их политическом будущем, но которая отражала стремление обоих лидеров преодолеть периферийность Испании любой ценой. Ф. Гонсалес в 1986 г. успешно справился со стоявшей перед ним задачей, он смог переломить общественные настроения, и одержать победу еще на трех (!) парламентских выборах. Аснару не удалось даже приблизиться к такому результату. Он не получил в обмен на свою безусловную поддержку курса США практически ничего.

Деятельность правительства Аснара привела к ликвидации внешнеполитического консенсуса основных политических сил Испании – ИСРП и НП, к росту напряженности в обществе. Помимо этого, Испания была ввергнута в конфронтацию с Францией и Германией, усилились противоречия внутри ЕС.

Начало *четвертого этапа* относится к событиям 11 марта 2004 г., когда в Мадриде был совершен крупнейший за всю историю страны террористический акт. Сразу после этой трагедии убедительную победу на выборах одержала ИСРП, лидер которой Х. Л. Родригес Сапатеро осуществил вывод войск из Ирака и призвал восстановить консенсус относительно основных направлений внешней политики страны, каковыми должны являться – Европа, Латинская Америка и Средиземноморье. В предвыборной программе ИСРП указывалось, что

правительство Народной партии нанесло удар по фундаментальным принципам европейской политики Испании, означавший отдаление от федеративной ориентации Европы и следование в вопросах внешней политики и безопасности курсу, зависящему от США. Испания потеряла внешнеполитическую самостоятельность, подчинившись североамериканским приоритетам и интересам.

Внешняя политика Испании, по мнению социалистов, должна была быть пересмотрена. При этом необходимо учесть как глубокие изменения, происходящие в мире, так и очевидные ошибки правительства НП (безоговорочная поддержка военной интервенции США и Великобритании в Ираке). "За сильную и самостоятельную Европу!" – такой заголовок носил один из подразделов предвыборной программы социалистов. "Мир, свобода и безопасность одни из центральных осей нашего европейского видения... Строгое уважение международной законности, основанное на эффективном плюрализме, который повышает роль Объединенных наций; необходимое внимание к России и соседним с ней странам расширенной Европы, активная политика в Средиземноморье и на Среднем Востоке и, естественно, большая степень сотрудничества с Латинской Америкой – все это в совокупности и есть наша стратегия будущего", – декларировалось в программе. Большую роль в решении международных проблем ИСРП отводила не Соединенным Штатам, а Евросоюзу: "Союз должен действовать как успешное и заслуживающее доверия лицо на международной арене, принимая на себя прямое влияние на политический процесс"¹⁷⁸.

Если первым приоритетом нового правительства стало установление определенной степени автономии в отношениях с США, то вторым – восстановление отношений с ЕС. Европейскому направлению внешней политики страны был придан приоритетный характер, при этом подчеркивалась необходимость создания оси Берлин – Париж – Мадрид. В этом же русле шло восстановление относительно автономной средиземноморской и ибероамериканской политики Испании, хотя совершенно очевидно, что в некоторых вопросах, например в отношениях с Марокко, ее интересы не совпадают с интересами других европейских стран, прежде всего Франции. Однако в целом автономия возможна лишь на путях европеизма, но отнюдь не атлантизма.

Географическое положение, историческая и культурная традиции обусловили весьма прочные и тесные связи Испании со странами Южного Средиземноморья и Севером Африки, а также с Латинской Америкой, что в свою очередь объясняет ее преимущественное внимание к этим регионам, а также стремление играть роль моста между ними и ЕС.

* * *

Смысл бурных межпартийных дискуссий сводится к следующему: тесные отношения с Вашингтоном повышают вес Испании в ЕС, Средиземноморье и Латинской Америке или наоборот? Какая ориентация больше соответствует национальным интересам? По мнению руководства НП, значительное и очевидное ухудшение двусторонних отношений с США с 2004 г. привело к отрицательным последствиям для внешней политики Испании. Председатель правительства Х.Л. Родригес Сапатеро за четыре года ни разу не получил приглашения побывать с

¹⁷⁸ Merecemos una España mejor. Programa electoral. Elecciones generales 2004 (www.psoe.es) P. 13–21.

официальным визитом в США. Буш не смог простить ему поспешный вывод войск из Ирака и явную ставку на победу его конкурента Джона Керри на выборах 2004 г. Единственный визит в Вашингтон был нанесен в рамках саммита 20 ведущих мировых держав в ноябре 2008 г., уже после победы Б. Обамы на выборах. Как отмечает посол Испании в США Х. Руперес, тесные отношения, сложившиеся между Аснаром и президентами Клинтоном и Бушем мл. в период с 1996 по 2004 г., стали продолжением существовавшего взаимопонимания у Ф. Гонсалеса с администрациями Буша ст. и Клинтона. Эти отношения, с одной стороны, принесли Испании многочисленные политические и экономические преимущества, а также соответствовали интересам ее безопасности, с другой – способствовали усилению роли Испании внутри ЕС и среди латиноамериканских стран. Положение радикально изменилось после прихода к власти администрации Сапатеро. Однако и он оказался вынужден считаться с реальностями, подобно тому, как ранее с ними вынужден был считаться социалист Гонсалес, отказавшийся от своей изначально антинаатовской позиции и, по существу, навязавший стране вступление в НАТО, и социалист Х. Солана, в прошлом ярый противник НАТО, ставший в дальнейшем ее генеральным секретарем. По тому же пути вынужден был пойти и Сапатеро, отказавшийся в свое время встать, когда мимо проносили американский флаг, но затем заверявший Буша мл., что Испания является верным другом и союзником США¹⁷⁹.

Лидеры НП считают, что интересам Испании, безусловно, соответствует присутствие на таких форумах, где принимаются решения, затрагивающие ее национальные интересы, и вырабатываются контуры будущих международных отношений. Причем речь идет не только о том, чтобы подчеркнуть экономическую значимость страны, но и обозначить ее стремление участвовать в выработке этих решений. Эти политические и экономические цели требуют сотрудничества между правительством и оппозицией для проведения подлинно государственной политики. Подобного сотрудничества до сих пор не наблюдается, а оно могло бы подвинуть Сапатеро в сторону реализма, отведя его от "популистского левачества". По мнению близкой НП газеты *ABC*, ИСРП имеет тенденцию скорее приспособиться к себе самой, чем к окружающей действительности: если до этого она стремилась подчеркнуть различия между Бушем и США, то теперь доказывает, что "США – это Обама, а Обама – это Сапатеро"¹⁸⁰. Народной же партии следовало бы стимулировать начало дебатов об обязательствах Испании по отношению к своим союзникам и о концепции международных отношений. Если ИСРП должна отказаться от "терсермундистского популизма" (от исп. *tercermundismo* ориентация на Третий мир), то НП следует отказаться от того, чтобы клеймить его на каждом шагу.

Нельзя не согласиться с точкой зрения, высказанной на страницах газеты *ABC*, о том, что полномасштабные отношения с США приоритетны для Испании и не должны зависеть от политико-электоральных обстоятельств в обеих странах. Ненормально, что почти за пять лет, в течение которых Сапатеро является председателем правительства Испании, он лишь однажды встречался с президентом Бушем. И столь же ненормально, что он прикладывает особые усилия, чтобы встретиться с избранным президентом Б. Обамой. Немало американских союзников имели о Буше схожее мнение, но никто из них не выражал его так открыто, как Сапатеро. Эта страница отношений с США перевернута после смены администрации в Белом доме. Сапатеро и ИСРП должны понять, что этот опыт оказался их серьезным поражением, о котором нельзя забыть в эйфории от победы Обамы. Сапатеро ошибется, если истолкует победу демократов как оправдание своего решения внезапно вывести испанские войска из Ирака, которое в

¹⁷⁹ См.: *ABC*. 20.11.2008.

¹⁸⁰ См.: *ABC*. 16.11.2008.

наибольшей степени омрачило испано-американские отношения в последние годы. Наоборот, для всех, кто превратил антиамериканизм в постоянный идеологический ресурс, избрание небелого кандидата, такого как Обама, ясно свидетельствует об успехе американской модели¹⁸¹.

Несмотря ни на что желательнее, чтобы отношения Сапатеро с новым американским президентом стали гораздо менее сложными. Между тем испанский лидер не должен смешивать эту новую атмосферу с претензией на активную поддержку со стороны США его особого видения международных отношений. «Конечно, есть и такие, которые надеются убедить нового американского президента в преимуществах концепции Союза цивилизаций. Но более вероятно, что Обама попросит Испанию продемонстрировать свою "верность" как союзника, увеличив свое военное присутствие в Афганистане...», – пишет ABC¹⁸². Ориентация на вновь избранного американского президента заставляет задуматься о том, согласится ли Испания по просьбе США и НАТО увеличить свое присутствие в Афганистане. По мнению известного испанского журналиста И. Камачо: "Объятия с Обамой, нормализация отношений с Вашингтоном имеют свою цену. Больше войск, больше средств, больше присутствия. И, возможно, больше жизней, принесенных в жертву"¹⁸³. Испания и США разделяют общие ценности, такие как демократия, личная свобода, верховенство закона, и в этих рамках они должны вырабатывать общие позиции и отвечать на мировые вызовы, включая окончание кубинской диктатуры и достижение соглашения между израильтянами и палестинцами. Обе страны являются членами НАТО, и складывающиеся между ними взаимоотношения для них приоритетны, а подлинная верность доказывается в сложных ситуациях, а не с помощью риторики и демагогии. Никто не может сказать, каковым станет новый международный порядок, но он будет, безусловно, иным, чем при президенте Буше: его основу составят реализм и прагматизм.

Еще до своего избрания президентом Б. Обама обещал открыть "новую главу" в отношениях с Испанией и сотрудничать с ней в борьбе с терроризмом. По его словам, "Испания всегда была одним из самых сильных союзников Соединенных Штатов"¹⁸⁴. Сразу после своего избрания в телефонном разговоре с Сапатеро Обама признал важную роль Мадрида в международной финансовой системе. Сапатеро в свою очередь заявил, что "Испания и США разделяют общие принципы и интересы", а сама Испания "является другом и верным союзником США". Оба собеседника согласились, что необходимо укрепить двусторонние отношения, которые были практически заморожены в период нахождения у власти администрации Буша в связи с выводом испанских войск из Ирака¹⁸⁵. Хотя на словах Мадрид был готов к улучшению отношений с Вашингтоном, независимо от исхода избирательной кампании, его симпатии были налицо. И правительство, и испанское общество отдавали предпочтение Обаме. Даже НП, которая критиковала правительство за чрезмерное увлечение последним, не оказывала явной поддержки Маккейну.

По мнению ИСРП, ее политика привела к налаживанию конструктивных, а не подчиненных, отношений с США и изменению соотношения между "старой" и "новой" Европой. Старая Европа (Франция и Германия) укрепилась включением

¹⁸¹ См.: ABC. 07.11.2008.

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ ABC. 10.11.2008.

¹⁸⁴ www.lavanguardia.es/lv24h/20080523/53468092123.html

¹⁰ См.: www.elmundo.es/elmundo/2008/11/08/españa/1226143007.html

Испании, которая дистанцировалась от атлантического братства с США и Великобританией. Внешняя политика приобрела более многосторонний характер. Иными словами, Испания покончила с односторонней ориентацией на Соединенные Штаты и вернулась к трем приоритетным направлениям: Европа, Средиземноморье и Латинская Америка. Такая политика является объективным отражением политической, географической и экономической реальности.

Эти изменения коренным образом затронули, с одной стороны, европейскую политику Испании, которая отказалась от скептицизма и атлантизма и вновь стала явно европейской, выступающей за углубление европейского строительства, с другой – двусторонние отношения Испании со странами – членами ЕС, то есть воссоздались привилегированные отношения с Германией и Францией (основными моторами европейского строительства).

В отношении последнего пункта перемены стали радикальными. Аснар считал, что политика Германии и особенно Франции не отвечает интересам Испании и препятствует усилению ее роли в Европе и мире. Таким образом, Испания должна искать поддержки у стран – не членов ядра Евросоюза и у США вследствие их растущего влияния на сам ЕС в связи с его расширением. Сапатеро же придерживается совершенно иной точки зрения. Учитывая, что основные политические, экономические, стратегические и культурные интересы Испании сосредоточены в Европе, он считает, что Старый континент является приоритетом внешней политики и что Испания должна стать центральной осью процесса европейского строительства.

По мнению социалистов, создается новая модель внешней политики, которая характеризуется утверждением автономии по отношению к чуждым интересам, выдвиганием на первый план европейского направления и поиском консенсуса в отношении основных составляющих, то есть подлинно государственная политика, мало зависящая от политических предпочтений или смены правительств. Иными словами, это должна быть не "своя" политика правительства социалистов, а Испании в целом, и ответственность за ее построение ляжет как на правительство, так и на основную оппозиционную партию.

Так происходит возвращение к принципам и приоритетам внешней политики, в наибольшей степени отвечающей интересам Испании и проводимой в переходный период сначала центристскими, затем социалистическими правительствами и, наконец, правыми (до 2002 г.), при этом должны учитываться новые реалии и вызовы. Подобная государственная внешняя политика может базироваться лишь на консенсусе основных политических сил, который понимается как соглашение между ведущими партиями в отношении главных направлений внешнеполитической деятельности и который не препятствует каждому правительству вводить свои акценты и оттенки во внешнюю политику страны.

* * *

Подводя итоги, отметим следующее. Консенсус во внешней политике Испании, а, следовательно, баланс между атлантизмом и европеизмом, соблюдался в целом на протяжении всего послефранкистского периода – примерно до 2002 г. Затем он был нарушен, так как разные силы по-разному оценивали, какой ответ следует дать на вызовы 11-С.

В основном по идеологическим причинам и стремясь любой ценой поставить Испанию в один ряд (то есть гораздо выше, чем позволяет ее положение средней державы) с теми государствами, которые действительно имеют вес и принимают решения, Аснар вопреки общественному мнению поддержал США и

Великобританию в разгар иракского кризиса. Левые же силы Испании в целом не верят, что страна может играть значительную роль в мире.

Атлантизм, в условиях биполярности представлявший средство защиты от СССР, не был органически присущ Испании, которая не участвовала во Второй мировой войне и всегда была маловосприимчива к угрозе с востока. В специфических условиях Испании речь шла не о дилемме атлантизм – европеизм, а об альтернативе: европеизм или самобытность (по мнению некоторых исследователей, европеизм или терсермундизм. К этому добавились глубокие идеологические расхождения. В ИСРП никогда не было атлантической традиции, более того, большинство ее старой элиты была в эмиграции не в США, а во Франции и Италии, многие ее представители не говорят по-английски. НП гораздо более атлантическая партия по идеологии и традиции. Но в постфранкистский период у власти находятся в основном социалисты, причем министрами иностранных дел становятся наиболее антиамериканистски настроенные, такие, как Ф. Моран, М. А. Моратинос. Здесь же стоит упомянуть и совершенно отличные от других европейских стран результаты референдума по евроконституции (более 76% "за").

В настоящее время наблюдается полная победа европеизма во внешней политике, крен в сторону атлантистов имел краткосрочный характер. Соотношение может измениться в случае прихода к власти НП, но оно будет уже не столь радикальным, поскольку контрпродуктивный характер действий правых стал вполне очевиден.

"Перегибы" во внешней политике, которые имели место и у Аснара, и у Сапатеро, не желательны и не идут на пользу национальным интересам. Необходимость восстановления внешнеполитического консенсуса осознается обеими крупнейшими партиями, но они расходятся в способах достижения цели, и эта задача пока далека от своего решения. Хотя страна является скорее европеистской, чем атлантической, очевидно одно: отношения с Европой не должны идти в ущерб отношениям с США и, наоборот, одно направление не должно противопоставляться другому.

ГЛАВА 6. СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: НА СТЫКЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИНИЙ

Предварительные итоги и последствия мирового финансово-экономического кризиса уже привели к относительно ослаблению Соединенных Штатов, дальнейшей эрозия системы атлантизма¹⁸⁶, болезненной трансформации ведущих западных союзов – НАТО и ЕС, углублению деструкций на постсоветском пространстве и в России, что объективно ведет, безусловно, к формированию новой глобальной политархитектуры, модификации международно-политической среды и для малых стран Северной Европы¹⁸⁷. Нестабилизированная геополитическая картина после «большого взрыва» - двойного расширения НАТО и ЕС в 2004 г. - вновь оказалась под бурным натиском кардинальных внешних изменений¹⁸⁸. Ныне главной опасностью для субрегиона выступают, помимо прочего, неблагоприятная экономическая конъюнктура, непрогнозируемые сдвиги на мировой арене. Правящие круги Северной Европы, чтобы справиться с комплексом новых вызовов и угроз, предпринимают в последнее время беспрецедентные усилия по переосмыслению своей стратегии, коррекции внешних курсов как в отношении узловых международных проблем, так и по текущей повестке.

ГЕОПОЛИТИКА СЕВЕРА И НОВЫЙ ПРОЕКТ ВОЕННОГО СОЮЗА.

Три скандинавские страны (Дания, Норвегия и Исландия) ещё в годы холодной войны сделали, как известно, выбор в пользу *атлантизма* (при «особой линии в союзе» - политике неразмещения Осло и Копенгагеном иностранного ядерного оружия и военных баз на своей территории в мирное время) и членства в НАТО. Двум другим – Швеции¹⁸⁹ и Финляндии¹⁹⁰ удавалось сохранять свой

¹⁸⁶ Автор в своем анализе исходил из базовых определений атлантизма и европеизма, наработанных отечественными исследователями, в частности см.: Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М.: Наука, 1979. Чубарьян А.О. Российский европеизм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-2000-е гг. М.: Крафт+, 2007.

¹⁸⁷ Здесь автор придерживается традиционной трактовки североевропейского субрегиона, в который включают Скандинавию (Дания, Исландия, Норвегия, Швеция) и Финляндию. Страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) входят в состав балтийского субрегиона.

¹⁸⁸ Начальный период этого этапа см. подробнее: Воронов К.В. Страны Севера и новая трансформация системы европейской безопасности в постбиполярный период (1990-е годы). Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 3. М.: Наука, 1999, с.265-284.

¹⁸⁹ Нейтралитет Швеции закреплен как обычай — традиция внешней политики «свободы от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета в случае войны». Согласно этой доктрине Стокгольм

своеобразный внеблоковый статус, однако, после их присоединения к Евросоюзу в 1995 г. национальная политика безопасности формально-юридически, а главное – сущностно – приобрела *евроцентристский* характер. Углубление перемен в постбиполярный период, очевидно, делают невозможным для Стокгольма и Хельсинки проводить политику нейтралитета старого образца. Тем самым на практике зафиксировано, что интересы их безопасности в полной мере входят в *евро-атлантическую* систему. НАТО, как гарант безопасности, остается наиболее эффективной военно-политической организацией для евро-атлантической зоны (хотя и с расширением глобальных задач), тогда как «еврооборона» в рамках ЕС все еще на начальной стадии становления и формирования¹⁹¹.

Дания присоединилась к ЕЭС еще в 1973 г., а Норвегия в результате уже второго референдума (1994 г.) осталась вне его рамок, что усилило ее атлантическую линию, приверженность тесному «союзу в союзе» с США в НАТО. В XXI веке прежний атлантизм приобрел новые черты в свете американской «войны с терроризмом» и построения «двух опор» в альянсе. В целом произошло некое симбиозное соединение Организации Североатлантического договора и Евросоюза на базе доктрины *евроатлантизма*, с разделением между ними на практике ролей и функций: в сфере безопасности и обороны (*hard security*) за первым, экономики и социальной политики (*soft security*) за вторым. А *северный нейтралитет* как исторически особая форма международного поведения малых стран, их неучастие в противоречиях и политике великих держав в условиях глобализации и региональной интеграции полностью исчерпал себя и переродился.

Современный политический нордизм (лучше придерживаться прежнего названия - *скандинавизм*, чтобы избежать ассоциаций с теорией расизма о «высшей» нордической расе), как историческое проявление субрегиональной общности на основе схожести геополитических интересов и демократических ценностей, близости социально-экономических параметров, политической инфраструктуры стран Северной Европы, стал заметно развиваться в послевоенный период. В современный постбиполярный период он зримо расширился в институциональном плане, в том числе в сфере внешней и политики безопасности.

Для северян, как участников евро-атлантической системы безопасности, существуют и другие немаловажные возможности кооперации, что продемонстрировал недавний доклад Торвальда Столтенберга¹⁹². В этом 33 страничном документе - «*Северное сотрудничество во внешней политике и политике безопасности*»¹⁹³, подготовленным им по поручению Северного Совета и представленным 9 февраля 2009 г., изложены конкретные предложения по расширению взаимодействия во внешней политике и сфере безопасности, а также свое виденье вероятных перспектив развития субрегиона.

стремился иметь мощные вооруженные силы с тем, чтобы продемонстрировать решимость страны защитить свой статус (хотя бы на начальном этапе) в условиях кризиса или войны.

¹⁹⁰ Особый статус Финляндии обеспечивал советско-финляндский Договор о дружбе и взаимной помощи 1948 г., согласно которому страна имела определённые обязательства в военно-политической области.

¹⁹¹ Отношение государств субрегиона к важнейшему компоненту строительства Европейского союза - формированию Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) рассмотрено особо см.: Воронов К. Северная Европа: в арьергарде «военной евроколонны»; в: Европейский Союз: в поисках общего пространства внешней безопасности - Отв. ред. – Н.К. Арбатова, К.П. Зуева. – М., ИМЭМО РАН, 2007, 103 с. (с.78-91).

¹⁹² Норвежский экс-министр иностранных дел (1987-89 гг.) и обороны (1979-81 гг.), который к тому же приходится отцом нынешнему главе кабинета министров Йенсу Столтенбергу.

¹⁹³ http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/dok/rapporter/planer/rapporter/2009/rapport_ths.html?id=545170

Данная инициатива примечательна, помимо прочего, по двум причинам. Во-первых, внимание было уделено тем областям северного сотрудничества, которые были под негласным табу во время холодной войны. К тому же у северных стран нет продуктивных традиций относительно военно-политических связей. Переговоры о создании северного оборонительного союза в 1948-1949 гг. провалились, в результате субрегион был фактически разделен пополам с военно-политической точки зрения. Почти то же самое произошло в 1970 г. во время переговоров о «плане НОРДЭК» - субрегиональной экономической организации, когда Север вновь раскололся – только три страны вступили в ЕЭС/ЕС, а две остались вне интеграционного объединения. Трудно представить, но в решающие, поворотные моменты истории семья северных народов (именно особое тесное сообщество наций, объединенное фундаментальной общностью по широкому кругу проблем) не спланировалась, а расходилась из-за противоречий, конкуренции и ревности.

Во-вторых, сейчас все северные страны проявили подлинный интерес к коллективным действиям, в этой сфере открылись новые возможности для продуктивного сотрудничества. Мировой финансово-экономический кризис не обошел стороной и страны Северной Европы, побудил их искать различные дополнительные совместные решения по выходу из него.

На субрегион воздействует, безусловно, внешняя международно-политическая среда, в последние 150 лет он испытывал влияние трех «центров силы». На западе – Великобритания, а позже США являлись таким мощным влиятельным полюсом. На юге – европейский континент и особенно Германия, а на востоке, бесспорно, – Россия. Характерно, что способы реагирования государств субрегиона на внешнее влияние также зависело от степени и уровня этого воздействия. В периоды относительно мягкого давления североевропейские страны объединялись, но если прессинг внешних сил был очень сильным, то они отдавали предпочтение сугубо национально-государственным решениям. Это прослеживалось со времен острой борьбы между Пруссией и Данией в 1864 г., а также советско-финской т.н. Зимней войны (ноябрь 1939-март 1940 гг.) и в отношении агрессии гитлеровской Германии. Этот же феномен наблюдался также, как уже отмечалось выше, в период переговоров о северном оборонительном союзе 1948-1949 гг. и выработки отношения к ЕЭС/ЕС.

В этой связи доклад Т. Столтенберга представляет собой некий позитивный римейк на новом витке субрегиональной истории, когда геополитическая обстановка и умеренное влияние внешних сил не препятствует укреплению северного сотрудничества в сфере безопасности. К тому же, конкретные предложения построены на том, что их можно проводить в рамках уже существующих режимов безопасности стран субрегиона. Примечательно также и то, что 13 конкретных предложений имеют скорее характер, формирующий долгосрочные процессы, чем просто неотложные, «пожарные» меры. Так, в первой группе рекомендаций северным странам предложено взять на себя особую ответственность за контроль над воздушным пространством Исландии из-за вывода базы ВМС США с Кефлавика (с 30 сентября 2006 г.), и организовать гражданский контроль над северными морскими акваториями. На практике это означает, что ВВС Дании и Норвегии будут периодически нести дежурство в исландском воздушном пространстве. Первоначально эти страны пошлют свои подразделения на базу в Кефлавике и примут участие в долгосрочных учениях «Northern Viking», затем они станут базироваться там на постоянной основе с 2011 г., а затем к ним присоединятся коллеги из Швеции и Финляндии.

С политической точки зрения это означает, что над крайне ослабленной мировым финансово-экономическим кризисом и утратившей практическую

союзническую поддержку в сфере своей безопасности Исландией, фактически устанавливается своеобразный *северный кондоминиум*. Даже простое расширение ответственности стран субрегиона за обширным воздушным пространством Северной Атлантики (хотя в докладе сделаны, вроде бы, все необходимые оговорки о том, что новая система не приведет к нарушению прежней системы ПВО и управления воздушным движением - УВД, и не будет затрагивать военные структуры альянса) будет иметь далеко идущие и пока мало прогнозируемые последствия для всего комплекса евро-атлантических отношений.

В этом же направлении идут рекомендации об организации гражданского наблюдения за североатлантическими морскими акваториями («Barents Watch» и «Baltic Watch»)¹⁹⁴, для целей которого предполагается вывести на орбиту специальный северный ИСЗ в 2020 г., чтобы страны субрегиона имели собственный инструментарий для реализации этих масштабных задач.

В примечательном во многих отношениях докладе Т. Столтенберга центральное место отведено укреплению субрегионального военно-политического и оборонного сотрудничества на основе качественной переработки предложений обзорного доклада министров обороны Норвегии, Швеции и Финляндии 2008 г. Этот доклад базируется на их общем представлении о том, что у малых стран, в отличие от крупных евродержав, крайне ограниченные возможности для самостоятельного приспособления к крайне затратной современной военно-технологической гонке. Эти малые страны в условиях ограниченных оборонных бюджетов и жесткой конкуренции в военно-технической сфере вынуждены сокращать подразделения своих ВС, чтобы обеспечивать сносный уровень закупок современных вооружений. Поэтому субрегиональное военно-техническое сотрудничество является для них самым приемлемым, а, быть может, и единственным средством оптимизации военных расходов. К тому же предложения Т. Столтенберга предусматривают возможность экономии национальных военных расходов за счет сокращения эксплуатационных издержек путем совместного использования техники и материально-технического обеспечения (МТО), организации совместной боевой подготовки войск, создания северной системы инфраструктуры в сфере обороны.

Характерно, доклад Т. Столтенберга основан на широком современном определении безопасности, где военной компонент только часть его. Здесь также есть заявка на создание северных структур по предотвращению конфликтов и вооруженных столкновений, защиты компьютерной инфраструктуры от кибератак из сети Интернет (подобных обрушившимся на Эстонию в период российско-грузинского конфликта в августе 2008 г.), общих северных подразделений ГО и ЧС, и даже неких совместных служб разведки и контрразведки.

На заседании министров иностранных дел пяти северных стран, состоявшемся 8-9 июня 2009 г. в Рейкьявике, были одобрены предложения о: 1) патрулировании воздушного пространства Исландии, 2) организации мониторинга за акваториями Балтики и Арктики, тогда как инициатива по созданию *северных сил по предотвращению конфликтов и субрегиональной стабилизации* оставлена для последующей доработки силовыми ведомствами этих государств. В совместной декларации, принятой по итогам этого совещания, официально одобрено учреждение *сил быстрого реагирования* (СБР), которые уже существуют в виде

¹⁹⁴ Создание коллективной северной системы наблюдения и оповещения за обстановкой в этих акваториях предполагается реализовать в 2009-2016 гг. путем сопряжения уже существующих аналогичных национальных служб мониторинга, береговой охраны, спасения и проводки судов, а также путем обмена информацией с США, Канадой и Россией.

наличествующих военных и гражданских формирований, однако их будущая структура и подчиненность будет подробно проработана в ближайшем будущем¹⁹⁵.

Заключительное предложение доклада Т. Столтенберга – №13 – о декларации солидарности северных стран вызвало наибольшие общественные дебаты и не получило пока незамедлительного официального одобрения. Таким образом, этот документ привел, по меньшей мере, к росту общественно-политического интереса, инициировал активность правящих кругов относительно расширения северного военно-политического сотрудничества, использованию его потенциальных возможностей в будущем.

ЕВРОАТЛАНТИЗМ В СУБРЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ.

Краеугольным камнем системы безопасности Северной Европы всё же остается, бесспорно, система евроатлантизма – особых отношений, институтов и политики. Влияние Североатлантического альянса, его роль в субрегионе даже относительно расширилась за счет институционального развития многосторонних форм сотрудничества (в частности, программы «Партнерство ради мира» - ПРМ и др.) с северными нейтралами - Швецией и Финляндией. К тому же вступление новых независимых государств (ННГ) Балтии в альянс в 2004 г. создало для Скандинавии очевидный геополитический заслон безопасности от «непредсказуемой России». Под влиянием изменения угроз безопасности и соотношения сил на международной арене после окончания холодной войны, трансформации НАТО, развития евроинтеграции в ЕС «вширь» и «вглубь» в международно-политических курсах Норвегии, Дании, Исландии происходит, на наш взгляд, непростая смена приоритетов, существенное смещение акцентов в военно-политической сфере.

С точки зрения дискурса государственной идентичности самоопределение **Норвегии** в решающей степени зависело и зависит от решения дихотомии: *атлантизм – европеизм*. Модернизационные национально-государственные задачи совпадают с европейским проектом, тогда как проблемы стратегической безопасности – в геополитическом треугольнике: Европа – США – Россия (с учетом синдрома «09.04.1940» - вероломного нападения фашистской Германии и сорокалетнего удручающего опыта холодной войны). Их решение Осло видит по-прежнему в сфере сохранения и упрочения трансатлантических связей в рамках НАТО и особенно сохранения «союза в союзе» с США.

Ярким примером этому стала рассмотренная выше инициатива Т. Столтенберга и отношение к ней правящей левоцентристской коалиции (в составе Норвежской рабочей партии - НРП, Партии Центра и Социалистической левой) во главе с премьер-министром Йенсом Столтенбергом¹⁹⁶. Из серии заявлений, комментариев и разъяснений официальных лиц по этому поводу ясно следует, что правящее руководство видит создание северного оборонительного союза в качестве дополнения гарантий безопасности, предоставляемых Североатлантическим альянсом. По коренным вопросам безопасности Осло не будет предпринимать абсолютно ничего того, чего не пожелает Вашингтон. Благодаря новой стратегической концепции НАТО с начала XXI в. (расширения зоны ответственности альянса далеко за пределами территории стран-членов; увеличения его состава до 28 государств-участниц) произошло изменение «ближних интересов» всего альянса,

¹⁹⁵ <http://www.mfa.is/speeches-and-articles/nr/5006>

¹⁹⁶ По итогам очередных парламентских выборов, состоявшихся 14 сентября 2009 г., «красно-зеленая» правящая коалиция во главе с лидером социал-демократов Й. Столтенбергом, сохранила большинство депутатских мест в стортинге и останется у руля государственной власти еще на следующий четырехлетний период.

перенос политического внимания руководства США и Североатлантического союза с внутренней североатлантической зоны на Афганистан и Большой Ближний Восток. Именно поэтому официальный Осло ощущает дискомфорт в сфере своей национальной безопасности. Об этом достаточно прозрачно заявил, например, Сверре Дисен – командующий ВС в своем интервью 12 января 2009 г., отметив, что «при различии стратегических интересов и отсутствии общей экзистенциальной угрозы ослабляется ... (в НАТО – прим. К.В.) сущность коллективных гарантий безопасности»¹⁹⁷. Таким образом, география важнее, по его мнению, чем институциональная привязка к альянсу. С точки зрения нынешнего норвежского руководства происходит фатальное размывание исторически проверенной доктринальной базы трансатлантического сотрудничества.

Осло постоянно и твердо прилагает энергичные усилия по поддержанию трансатлантических уз. Так, в северной Норвегии во второй половине марта 2009 г. были проведены масштабные учения НАТО, в которых приняло участие 7,5 тыс. военнослужащих из 14 стран. Недавно для перевооружения своих ВВС также был сделан выбор в пользу американского «Joint Strike Fighter». Это решение привело к замораживанию 156 запланированных компенсационных проектов общей стоимостью около 50 млрд. нор. крон на ближайшие 10-15 лет со шведским концерном SAAB, продвигавшего свой истребитель «JAS-39 Gripen Next Generation» в Норвегии¹⁹⁸.

В свете этих перемен в НАТО обсуждение планов новой кооперации северных стран в сфере безопасности представляется для Осло крайне болезненной и двойственной задачей. С одной стороны, норвежские власти не хотят давать своим главным союзникам – США и Великобритании даже повода усомниться в своей твердой атлантической ориентации, а с другой, прагматически полезная оборонительная субрегиональная структура (особенно для МТО, обучения и боевой подготовки ВС) может помочь укреплению национальной безопасности. Мнения здесь разделились. Одни полагают, что потребности в северном стратегическом сотрудничестве сомнительны из-за непреходящей значимости НАТО, особенно в свете недавнего российско-грузинского конфликта в Закавказье¹⁹⁹. Другие считают, что оно необходимо для гармонизации военных издержек, выравнивания «оборонительного бремени», развития естественной специализации (финские – сухопутные силы, норвежские – ВМС, шведские – ВВС) ВС стран субрегиона. На практике северный оборонительный союз поможет, рассчитывают в Осло, также получению гибких гарантий безопасности там, где НАТО не имеет специальных возможностей или особого желания реагировать на ограниченное нарушение норвежского суверенитета²⁰⁰.

Опасность маргинализации в евроатлантическом контексте из-за своего статуса «нечлена» ЕС Осло удалось успешно преодолеть за счет собственной продуктивной линии по налаживанию неформального сотрудничества с Евросоюзом. Норвежцы добились этого, как путем полноценной хозяйственной интеграции через механизмы ЕЭП, так и благодаря своему подключению через ЕПС к формированию ОВПБ/ЕПБО²⁰¹. К тому же в 2008 г. Норвегия присоединилась к «северной» боевой

¹⁹⁷ <http://www.aftenposten.no/nyheter/iriks/article2863053.ece>;

<http://www.aftenposten.no/meninger/kronikker/article2861077.ece>.

¹⁹⁸ <http://www.barentsobserver.com/2008-11-27/cppage.58532.ru.html>

¹⁹⁹ <http://debatt.aftenposten.no/item.php?GroupID=10&ThreadID=260445&page=1#item4041413>

²⁰⁰ <http://www.aftenposten.no/meninger/kommentatorer/dragnes/article2867350.ece>

²⁰¹ В полной мере эти сюжеты рассмотрены см. подробнее: Воронов К.В. Евроинтеграция Норвегии: особый курс малой страны. М.: Прогресс-Традиция, 2008, 400 с.

группе Сил быстрого реагирования Евросоюза (2.8 тыс.), в состав которой вошли подразделения Швеции, Финляндии, Ирландии и Эстонии.

Среди стран Северной Европы **Дания** выглядит сейчас, пожалуй, самой проатлантической, особенно после избрания ее экс-премьер-министра Андерса Фога Расмуссена 12-м генеральным секретарем НАТО на саммите альянса в апреле 2009 г. Его выбор произошел исключительно благодаря поддержке новой администрации США. Вашингтону пришлось преодолеть, помимо прочего, возражения Турции, которая видела в нем главного участника «карикатурного скандала» в связи с шаржевыми рисунками на пророка Мухаммеда в одной из датских газет в 2005 г.

Однако за этим внешним проявлением атлантической тенденции в датском курсе стоят более глубокие и устойчивые доктринально-политические обоснования. Дания как малая страна отошла от своей исторической традиции – геополитической ориентации на великого южного соседа – Германию и ныне следует в фарватере политики США, выполняя вспомогательные функции при проводимых Пентагоном по всему миру «полицейских» операциях. Министр иностранных дел Пер Стиг Мёллер в своей статье в крупнейшей датской газете, посвященной 60-летию НАТО, прямо заявил: «В период 50-летнего юбилея Североатлантического альянса никто не мог предположить, что он продолжит свое существование и дальше, выйдя за рамки логики холодной войны. Сейчас стало ясно, что – даже без холодной войны и угрозы нападения на территории стран-участниц – блок выполняет важную роль гаранта безопасности, своего рода глобального «стабилизатора»²⁰². Он далее подчеркнул, что события в мире фундаментально изменили роль его страны, которая в годы холодной войны была «потребителем безопасности», а сейчас, мол, ее «производитель» - активная участница целого ряда миротворческих операций и акций НАТО в «горячих точках». Правящее руководство Дании энергично поддержало инициативу Т. Столтенберга в качестве расширения практических военно-политических усилий стран субрегиона.

Датские эксперты внимательно анализируют, например, в новой антологии под редакцией Х. Мортенсена, те вызовы, угрозы и риски, с которыми придется сталкиваться стране, НАТО и ЕС в самом ближайшем будущем²⁰³. Там отмечается, в частности, что особая опасность исходит от: 1) стран и регионов, находящихся в состоянии «перманентной анархии и распада» (сюда относят Афганистан, районы, контролируемые Талибан в Пакистане); 2) так называемых «несостоявшихся государств», прежде всего на Африканском роге – Сомали; 3) группы самоуверенных и усиливающихся держав – КНР, Иран, Венесуэла и Россия. Опасность для Севера со стороны Москвы эти аналитики видят в неизбежной гонке за нефтегазовые ресурсы Арктики, которую подстегнуло таяние полярных льдов.

В этих условиях Копенгаген делает ставку, очевидно, на укрепление своих тесных союзнических уз в рамках НАТО, поддержку нового подхода Вашингтона в отношении Европы (как, впрочем, и Азии), который провозгласила администрация Барака Обамы. Для этого Вашингтон должен, полагают датские эксперты, мобилизовать своих союзников и дружеские режимы, чтобы справиться с «дугой нестабильности» - Афганистан – Ирак – Сомали и обуздать большие проблемные державы (КНР и РФ)²⁰⁴. Датское руководство – П.С. Мёллер и С. Гаде – министр обороны – считает, что НАТО должна, во-первых, более продуктивно опереться на

²⁰² <http://www.berlingske.dk/article/20090316/kronikker/703160070/>

²⁰³ Mortensen H. (Red.) Helt forsvarligt? Danmarks militære udfordringer i en usikker fremtid. København, Gyldendal, 2009, 194 s.

²⁰⁴ Ringsmose J., Rynning S. Come Home, NATO? The Atlantic Alliance's New Strategic Concept, København, DIIS Report, 2009, 29 p.

ООН и Евросоюз (полицейскую миссию ЕС в Кабуле возглавляет датчанин К. Виттруп) при реализации своих гражданских и миротворческих задач в Афганистане, Косово и Аденском заливе. Во-вторых, Североатлантическому альянсу необходимо также значительно расширить именно гражданские, социально-экономические программы, инфраструктурные проекты и по восстановлению госструктур для комплексного урегулирования этих кризисных и «горячих точек»²⁰⁵.

На новой геополитической развилке в своей истории островная **Исландия** оказалась, как уже упоминалось, в результате неожиданного вывода подразделений ВС США в количестве 1,5 чел. с базы в Кефлавике. После 55 лет ее эксплуатации в целях Соединенных Штатов (в рамках двустороннего договора об обороне 1951 г.) и НАТО по контролю за воздушным пространством Северной Атлантики она с 30 сентября 2006 г. полностью перестала функционировать. Пентагон закрыл одну из 750 своих зарубежных военных баз в 90 странах мира, что стало подлинным «политземлетрясением» для Рейкьявика. Единственным реалистичным шагом, способным как-то компенсировать вывод американских ВС, стало замещение их роли другими атлантическими союзниками – Данией, Норвегией, Великобританией и Канадой. Для этих целей с ними был заключен ряд договоров и соглашений о сотрудничестве в сфере безопасности и обороны. Предложения Т. Столтенберга являются для Рейкьявика желанным спасательным кругом, за который он готов ухватиться при любых условиях.

Разочарование в своих главных союзниках в Исландии сейчас - тотальное. После того, как генеральный гарант безопасности страны - Соединенные Штаты – в одностороннем порядке ретировался, другой важнейший европейский партнер – Великобритания – повел себя достаточно эгоистично и своекорыстно. В октябре 2008 г. после краха банковской системы, который едва не привел к банкротству островной страны, Лондон наложил арест на активы крупнейшего исландского *Ландсбанка* в Великобритании. Исландцы восприняли это шаг, отмечалось в СМИ, как откровенный захват их собственности²⁰⁶, и со всей откровенностью ставили вопрос: зачем нужен такой союз, если нас не могут защитить?! Экономические неурядицы - рост инфляции, безработицы в совокупности с падением ВВП и курса исландской кроны - побудили власти поставить вопрос о вступлении в ЕС в качестве экстренной меры экономического выживания. Новая правительственная коалиция, созданная социал-демократическим альянсом и левоцентристской партией после внеочередных парламентских выборов в апреле 2009 г., намерена внести изменения в Конституцию с тем, чтобы обеспечить вступление страны в Евросоюз в течение следующего срока полномочий правительства.

Исландия одной из первых (4 апреля 1949 г.) вступила в Североатлантический альянс, однако с тех пор малая страна с 300 тыс. населением так и не обладает вооруженными силами, располагая лишь незначительной береговой охраной. Даже северные соседи часто критикуют ее за слабое участие в организации собственной обороны. Хотя в политическом плане Рейкьявик все последние годы стремился как-то броско показать свой «асимметричный» вклад в атлантическое сотрудничество, однако подобная «демонстрация флага» давалась ему с большими издержками. Так, 2002-2004 гг. исландская группа военнослужащих была задействована в охране аэродрома г. Приштина – столицы Косово. Более неудачным было пребывание транспортной автороты в Кабуле в 2004-2005 гг.²⁰⁷ Исландцы впервые за всю

²⁰⁵ Ringsmose J., Rynning S. NATO's næste strategiske koncept: Globalt engagement eller Artikel 5? København, DIIS Brief, Marts 2009, 7 s.

²⁰⁶ Хотя этот инцидент позже был благополучно разрешен, он осложнил двусторонние отношения в долгосрочном плане: <http://www.mfa.is/speeches-and-articles/nr/4884>

²⁰⁷ <http://www.mfa.is/foreign-policy/peacekeeping/>

историю своей страны оказались в зоне боевых действий, а после незначительных потерь в личном составе срочно эвакуировались.

В подготовленном МИД страны в марте 2009 г. документе о переоценке внешних угроз фиксируется, что международное положение Исландии в последнее время заметно осложнилось. Особое внимание обращено анализу отношений с одной стороны с США и НАТО, а с другой – с Россией. Рейкьявик отметил, безусловно, возобновление полетов российских стратегических ВВС в Северной Атлантике. Его беспокоит потенциальная возможность скатывания к новой холодной войне из-за расширения НАТО на восток, развертывания НПРО США в ЦВЕ (в сентябре 2009 г. Вашингтон заявил, что разработал планы, предполагающие отказ от размещения компонентов ПРО в Польше и Чехии) и возможных ответных мер Москвы²⁰⁸. К тому же, потенциальные опасности и возможные угрозы для далекой островной страны сегодня связаны, отмечается, уже не столько с военными, а скорее с экономическими причинами. В связи с глобальным потеплением Рейкьявик готовится, вероятно, к исторически неизбежной гонке за нефтегазовые богатства Арктики. Впрочем, ставкой в игре станут не только нефтяные, как полагают, но и рыбные ресурсы²⁰⁹.

МЕТАМОРФОЗЫ СЕВЕРНОГО НЕЙТРАЛИЗМА.

Сотрудничество **Швеции** с НАТО стало все более тесно и интенсивно развиваться сразу же после падения Берлинской стены. Хотя Стокгольм, всё ещё официально декларирующий курс традиционного нейтралитета, на практике реализует прагматическую линию на тесное сотрудничество с Североатлантическим альянсом. Швеция участвует в натовской программе ПРМ, регулярно принимает участие в совместных учениях альянса²¹⁰, ее подразделения в Афганистане и Косово под флагом НАТО, шведские ВС в тесной кооперации со своими северными соседями-членами блока – Норвегией и Данией. Дело дошло до того, что Стокгольм намерен закупить американскую шифровальную технику для национальных ВС, после чего говорить об их самостоятельности не будет даже формальных оснований.

Шведская линия традиционного нейтралитета, которая покоилась на «трёх китах»: 1) международном курсе неприсоединения и равноудаленности от великих держав, 2) широкой народной поддержке и закреплении нейтралитета в общественном сознании в качестве подлинной национальной черты, 3) сильной национальной обороне при автономной военной промышленности²¹¹, подверглась общей глубокой эрозии по всем ее составляющим и компонентам.

Курс свободы от союзов Швеции (статус с 1815 г.), в отличие от линии, например, Швейцарии, определялся только заявлениями правительства, никогда не был юридически закреплён и кодифицирован с точки зрения международного права. После падения Берлинской стены в Стокгольме был достигнут новый внешнеполитический консенсус между ведущими партиями – доминантной Социал-

²⁰⁸ <http://www.mfa.is/speeches-and-articles/nr/4855>

²⁰⁹ <http://www.mfa.is/speeches-and-articles/nr/4926>

²¹⁰ 8-16 июня 2009 г. на территории северной Швеции проходили крупнейшие военные учения ВВС НАТО «Loyal Arrow». Кроме Швеции в них участвовали подразделения Норвегии, Великобритании, Польши, ФРГ, Турции, Португалии, Италии и США. Были задействованы 2 тыс. чел., 50 самолетов и британский авианосец. Россия в знак своего несогласия с целями и задачами этих маневров отказалась послать своего наблюдателя.

²¹¹ По данным СИПРИ Швеция с 2003 по 2007 гг. была на восьмом месте в мире по торговле оружием, что составляет около 2% мировой торговли оружием (<http://www.sr.se/cgi-bin/International/nyhetssidor/amnessida.asp?programID=2103&Nyheter=0&grupp=6685&artikel=2674216>).

демократической рабочей партией (СДРПШ), Партией Центра и Христианскими демократами о приспособлении определения шведский нейтралитет к новой международно-политической среде. Ныне официально именуемая линия получила наименование *свободы от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета в случае войны в ближнем со страной окружении*²¹².

Официальные власти продолжают следовать стандартным церемониалам и раздают ритуальные декларации о «верности линии свободы от союзов», хотя членство страны в ЕС с 1995 г даже формально-юридически противоречит этой доктрине. Так, в очередной раз министр иностранных дел Карл Бильдт, выступая с ежегодной правительственной декларацией по вопросам внешней политики 18 февраля 2009 г., заявил, что политика безопасности Швеции стабильна и неизменна²¹³. Премьер-министр Фредрик Рейнфельдт (глава правоцентристской коалиции с сентября 2006 г.) и министр иностранных дел К. Бильдт заявляют о том, что вопрос о членстве в Североатлантическом альянсе неактуален до тех пор, пока у него нет широкой внутривнутриполитической поддержки. К тому же для шведского руководства исключительно важно, как будет реагировать Финляндия в отношении НАТО, о чем еще раз подчеркнул Ф. Рейнфельдт в период визита канцлера ФРГ Ангелы Меркель в Швецию 25 августа 2008 г.²¹⁴

Хотя проблема членства страны в альянсе, как представляется, сейчас заморожена, сторонники атлантической линии заметно активизировались. Правоцентристская Народная партия (НП) – единственная в риксдаге открыто выступает за полноправное членство, сильную поддержку ей оказывают сторонники Умеренной коалиционной партии (УКП). Крупнейшая оппозиционная СДРПШ стала более терпима к НАТО и на практике ее линия сблизилась с курсом буржуазных (именно так их именуют в Скандинавии) партий. Социал-демократы против альянса в первую очередь из-за статьи №5 Вашингтонского договора, которая предполагает автоматические действия всех стран-членов при нападении. Они также опасаются, что шведское участие в блоке приведет к коренной перестройке структуры национальных ВС и сокращению военного бюджета. В лагере твердых противников НАТО - Левая партия, Партия защиты окружающей среды – «зеленые» и Общество защиты мира и сторонников третейского суда.

В основе широких народных настроений существует четкая взаимосвязь между неприятием членства в НАТО и глубинным шведским самосознанием, представлением о своей родине, как подлинно свободной и нейтральной стране/нации. Из-за опасений попасть под внешнее влияние, хотя идеологически и политически выбор, безусловно, за Западом, шведы в массе стабильно отрицательно относились к международным гарантиям безопасности. О важности этой этнопсихологической проблематики для основ нынешнего курса шведского традиционного нейтралитета, по сути, идет речь в монографии «Подъем и падение нейтралитета» профессора международного права Уве Бринг²¹⁵ из Высшей военной школы обороны. Эти представления о нейтральной, свободной от союзов Швеции берут свое начало, как отмечается, с периода Карла XIV Юхана (основателя нынешней династии Бернадотов). Одним из выводов этой работы является то, что

²¹² См. подробнее: Воронов К. Нейтралитет в постконфронтационной Европе: Закат или поиск новых моделей? - МЭ и МО, М., 1995, № 5, с.103-111.

²¹³ <http://www.regeringen.se/sb/d/5297/a/120756>

²¹⁴ <http://www.regeringen.se/sb/d/7390/a/109588>

²¹⁵ Bring O. Neutralitetens uppgång och fall - eller den gemensamma säkerhetens historia - <http://www.dn.se/dnbok/bokrecensioner/ove-bring-neutralitetens-uppgang-och-fall-eller-den-gemensamma-sakerhetens-historia-1.682297>;
<http://www.newsdesk.se/pressroom/foersvarshoegskolan/pressrelease/view/neutraliteten-har-spelat-ut-sin-roll-vad-betyder-det-foer-sveriges-foersvarspolitik-och-militaera-alliansfrihet-203702>

сегодня Швеция не может больше серьезно рассматривать нейтралитет как достоверную гарантию, а нынешняя свобода от союзов в действительности похожа на «пустую скорлупу». Эта дефиниция вводит в заблуждение, полагает У. Бринг, поскольку Швеция находится в составе Евросоюза, где большинство стран-участниц одновременно являются полноправными членами НАТО. Другим заключением этой работы стало то, что статья №5 Вашингтонского договора не требует от страны-члена, по мнению У. Бринга, немедленного и безусловного военного вмешательства, а свою атлантическую солидарность Швеция может проявить, мол, каким-то иным образом. Подготавливаемый в ЕС Лиссабонский договор будет иметь, если вступит в силу, более обязывающий характер, считает эксперт, поскольку каждая страна-участница Евросоюза вынуждена будет прийти на помощь своему союзнику, если он подвергнется вооруженному нападению²¹⁶. Однако Швеции не следует стремиться в НАТО до тех пор, прагматично заключает автор-аналитик, пока сохраняется нынешнее тесное евро-атлантическое сотрудничество на практике.

Планомерное реформирование национальных ВС с принципа защиты от внешнего нападения на систему проведения операций за рубежом является, безусловно, ослаблением силового компонента обеспечения шведского нейтралитета, понижением его достоверности и гарантий. Однако «пятидневная война» в августе 2008 г. добавила аргументов критикам официального курса, которые утверждали, что угроза со стороны России не исчезла и страна должна располагать эффективными силами обороны²¹⁷. Усиливающиеся нападки и геополитические последствия глобального кризиса привели к тому, что 13 марта 2009 г. кабинет Ф. Рейнфельдта принял решение о создании четырех механизированных батальонов кадрованного состава, вооруженных 56 танками и 240 БТРами, а также о возвращении военных подразделений на стратегически важный о. Готланд, фактически демилитаризованный с 2005 г. Кроме того, ВВС дополнительно закупят многоцелевые шведские самолеты «JAS-39 Gripen»²¹⁸. Хотя ранее министр обороны Стен Толгфорс внес предложение о полном отказе от призыва на военную службу и переходе к комплектованию ВС на добровольной основе. В результате этой реформы ВС Швеции будут насчитывать 28 тыс. солдат и офицеров, а 22 тыс. человек будут находиться в силах территориальной обороны - «Хемверне»²¹⁹.

В целом шведское политическое руководство и военные круги однозначно высказались, с одной стороны, в поддержку доклада Т. Столтенберга и его предложений об углублении северной внешнеполитической кооперации и в сфере безопасности²²⁰, а с другой, официальный Стокгольм благополучно осуществлял в

²¹⁶ Швеция полноформатно участвуют в оборонных структурах Евросоюза - Западноевропейской группе по вооружениям (созданной в результате преобразования Независимой европейской группы программирования - НЕГП), Западноевропейской организации по вооружениям (созданной еще ЗЕС) и Европейском оборонном агентстве.

²¹⁷ Госуправление психологической обороны провело опрос, показавший, что маятник общественного настроения качнулся в сторону традиционных представлений: Москва является основным потенциальным противником. Если в 2006 г. 47% опрошенных шведов считали, что РФ несет угрозу миру и безопасности в Европе, то в конце 2008 г. их доля возросла до 69%. На вопрос, насколько оборонная политика соответствует потребностям страны, в 2006 г. 44% опрошенных ответили «да», а после событий в Закавказье лишь 27% респондентов посчитали, что Швеция не нуждается в дополнительной защите (<http://newizv.ru/news/2009-03-17/106718/>).

²¹⁸ <http://www.regeringen.se/sb/d/11970/a/126455>

²¹⁹ <http://www.regeringen.se/sb/d/9497/a/118746>

²²⁰ <http://www.dn.se/nyheter/varlden/hoppas-pa-nordiskt-forsvarssamarbete-1.874180>

течение шести месяцев второй половины 2009 г. руководство Евросоюзом, не видя в этом никаких особенных противоречий²²¹.

Проблема соотношения атлантизма и европеизма в международно-политическом курсе **Финляндии** также проявляется через ее отношение к ЕС и НАТО. Ныне вопрос о вступлении Суоми в Организацию Североатлантического договора также носит пока абстрактный характер, хотя относительно недавнее вступление соседних ННГ Балтии в альянс побудило Хельсинки активизировать евро-атлантическое связи. Позиция кабинета Матти Ванханена и президента Тарьи Халонен в отношении блоковой политики - должна ли Финляндия оставаться неприсоединившейся в военном отношении (как Швеция, Австрия, Ирландия, Кипр и Мальта в Евросоюзе и классически нейтральная Швейцария вне ЕС) или она намерена вступить в НАТО - остается прочно замороженной. В этом отношении большое значение имеют очередные парламентские выборы 2012 г. Именно к этому сроку в стране будет новое правительство и новый (нынешний – Тарья Халонен однозначно «против») президент. Несмотря на ослабление президентских полномочий в пользу главы кабинета министров, закрепленных в новой конституции, страна не сможет, тем не менее, вступить в НАТО против президентской воли и желания. Объективные факторы и политические препятствия остаются, несмотря на изменчивость расстановки внутривнутриполитических сил, для финской атлантической линии достаточно значимы и высоки.

Во-первых, среди элиты и широких кругов до сих пор доминирует убеждение в том, что страна должна проводить независимый курс «тотальной обороны», поскольку внешние гарантии безопасности крайне ненадежны, а помощь союзников (как дважды показал опыт Зимней войны 1939-1940 г. и «войны продолжения» 1941-1944 г.) абсолютно неэффективны. Несмотря на сдвиги в общественных настроениях по-прежнему традиционно низок уровень доверия к иностранной поддержке: если в конце 1990-х по опросам 60-80% населения было против ее получения, то сейчас примерно 50:50²²². Это отражается также, отмечают эксперты, в нежелании Финляндии участвовать в коллективных международных акциях, а только в скромных по масштабу (около 150 военнослужащих) операциях по поддержанию мира в Косово и Афганистане.

Во-вторых, строительство, развертывание и подготовка национальных ВС – оборонительные силы Финляндии (ОСФ) - продолжается по старому, путем создания массивных запасов вооружений и подготовки крупных мобилизационных резервов, что, вряд ли оправданно, даже если рассматривать наихудшие сценарии²²³. В контексте нынешних европейских требований к обороне Суоми попросту идет не в ногу с интегрирующейся Европой. Страны-члены НАТО/ЕС сокращают свои традиционные ВС, создают боевые тактические группы для проведения срочных операций кризисного регулирования в различных регионах мира. С другой стороны, отказ Хельсинки от прежней «изолированной» доктрины и традиционной структуры ВС однозначно означал бы переход страны под «зонтик безопасности» НАТО.

²²¹ См. подробнее: Воронов К. Европредседательство: будет ли завтра? - «Независимая газета», М., 14 июля 2009, с. 7.

²²² <http://www.rg.ru/2004/02/20/finlyandiya.html>; <http://finugor.ru/?q=node/8621>

²²³ ВС Финляндии состоят из 8,7 тыс. военнослужащих кадрового состава и около 10 тыс. срочной службы. Военный бюджет на 2008 г. составил 2.4 млрд. евро, 1.3% ВВП. (<http://www.defmin.fi/index.phtml?l=en&s=443>) В стране действует система всеобщей военной обязанности с 18 лет, срок службы составляет от 6 до 12 месяцев. Во время холодной войны Финляндия могла мобилизовать в случае войны 490 тыс. резервистов, но сейчас их число снизилось до 350 тыс. в связи с сокращением военного бюджета. О военно-технической стороне вопроса см. подробнее: Воронов К. Финал нейтралитета Суоми не за горами – «Независимое военное обозрение», М., № 33 (393), 3-9 сентября 2004, с.3.

В-третьих, в этом вопросе Хельсинки будет постоянно действовать, несомненно, с оглядкой на Москву, которая по-прежнему считает неприемлемым расширение НАТО на восток, особенно рядом с ее жизненно-важными районами. Интеграционная политика в рамках Евросоюза с января 1995 г. изменила де-факто статус Суоми. Именно после официального прощания с «финляндизацией» в правящих кругах стали размышлять о целесообразности присоединения к НАТО. Однако незыблемые геополитические факторы (в частности, 1300 км общей сухопутной границы), богатый исторический опыт, эффективные доверительные межэлитные отношения, масштабные двусторонние торгово-экономические связи многократно усиливают значимость «восточного» фактора в финляндской политике.

После конфликта в Южной Осетии традиционно конструктивные отношения между Россией и Финляндией, казалось, дали трещину. Ряд влиятельных политиков громогласно заявили о том, что страна должна пересмотреть свою оборонную стратегию и стать членом НАТО. Тон в дискуссиях задавали лидеры консервативной Национальной коалиционной партии (НКП), которая стала триумфатором парламентских выборов 2007 г. и уверенно победила на муниципальных выборах в 2008 г. В партии Финляндский центр и Социал-демократической сторонники и противники атлантизма разделились примерно поровну. Партии левого блока - Левый союз, Союз «зелёных» - традиционные критики НАТО.

Главным аргументом сторонников проатлантической линии служит тезис об изменчивости природы НАТО, которая из мощной военной машины холодной войны превратилось, как будто, в глобальную миротворческую организацию²²⁴. Однако для большинства финнов Североатлантический альянс напрямую связан с США и Пентагоном, тогда как членство Финляндии в ЕС являлось для них стратегическим выбором курса национальной безопасности. Внутриполитической особенностью нынешних дебатов является также размытость коалиций сторонников и противников, отсутствие четких разделительных линий по партийно-политическим или идеологическим установкам. Тем более сторонники НАТО риторически призывают не к непопулярному в массах вступлению страны в альянс, а только к дальнейшему расширению трансатлантических связей.

Финляндия официально поддержала, хотя и без особого энтузиазма, далеко идущие предложения доклада Т. Столтенберга, хотя среди ведущих партийно-политических сил он вызвал к себе противоречивое отношение²²⁵. Заявка о расширении военно-технического субрегионального сотрудничества получила широкую общественно-политическую поддержку, тогда как идея создания некоего автономного оборонительного объединения особенно не пользуется популярностью.

* * *

Таким образом, в странах Северной Европы, которые все больше и сильнее сталкиваются с общими угрозами и вызовами для своей безопасности, усиливается тенденция к поиску совместных коллективных решений для упрочения собственного международного статуса и геополитического положения. Военно-политические и геополитические интересы, которые в прошлом только разделяли субрегион, в

²²⁴ Примечательно в этом отношении появление статьи Джима Хогленда - ответственного редактора «The Washington Post», который в своей газете (15 сентября 2008 г.), провокационно предложил «в целях противодействия России сконцентрироваться на «северном фланге», где НАТО сплочена и относительно сильна, вместо того, чтобы ввязываться в новые споры о будущей роли НАТО в кавказском регионе и на Украине». Если вопрос о вступлении в НАТО Финляндии будет решен, то за ней может последовать Швеция. Укреплению обороноспособности трех прибалтийских государств-членов НАТО, проведение с ними совместных маневров без предварительного уведомления Москвы (sic!) будет, считает он, одним из эффективных способов давления на Россию (<http://www.inosmi.ru/translation/244011.html>).

²²⁵ <http://www.stefanwallin.fi/swe/tal/artikel-9898-8756.html>

постбиполярный период стали, бесспорно, способствовать большей сплоченности международно-политических позиций партнеров и даже сближению их геополитического выбора. Важной инициативой в этом направлении стал, безусловно, программный доклад Т. Столтенберга, реализация предложений которого получит в том или ином виде, несомненно, продолжение.

Непростая картина формирования нового облика Европы для северян связана с незавершенными процессами развития европейского «центра силы» вокруг ЕС, отсутствием пока у него целостной общей внешней и политики в области безопасности, сложностями легитимизации в новых условиях роли НАТО, непростой переоценкой общих и собственных национально-государственных интересов, практических курсов их реализации. Изменение военно-стратегической линии «северных нейтралов» может привести к слому субрегионального баланса, другим малоприятным, особенно с точки зрения Москвы, и непредсказуемым последствиям.

Определенные политические силы (в частности, в Швеции и Финляндии) предлагают использовать доклад Т. Столтенберга в целях создания нового военного альянса в качестве *клона НАТО* на Севере Европы. Другие (например, в Норвегии и Дании) полагают, что новейшая оборонительная северная структура может служить только *дополнением* к уже существующим западным союзам – НАТО и ЕС. Третьи – подобных меньшинство – предполагают, что усиление военно-политического сотрудничества государств субрегиона может привести *к повышению их автономности и самостоятельности*, усилению роли в евро-атлантических взаимосвязях. Более всего вероятен эволюционный путь – типичный подход северян при разрешении своих коллективных проблем. Если даже реализация предложений знаменательного доклада Т. Столтенберга будет происходить в менее обязывающей форме, чем создание некоего северного военно-политического образования, это все же послужит некой моделью будущей региональной кооперации внутри или между странами-членами Евросоюза и/или НАТО, поможет повысить степень безопасности на Севере, Европе в целом.

ГЛАВА 7. СООТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕИЗМА И АТЛАНТИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГРЕЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Основной особенностью исторического развития греческого государства является то, что, несмотря на глубокие корни греческой нации и греческой культуры (в том числе и политической), оно в своем современном виде возникло относительно недавно, и своим существованием решительным образом обязано европейским странам. В период обретения политической независимости от турок с 1830 г. греческое государственное строительство в основном шло по лекалам западноевропейских стран, то есть политическое устройство страны сформировалось на основе европейского опыта, путем перенесения западных государственных институтов на греческую почву. Несмотря на это, в политическом мышлении греков со времен существования Древней Греции прочно сохраняется восприятие своего государства как родины «свободы» и «демократии», а наследие тысячелетней Византийской империи занимает в нем значительное место²²⁶.

На уровне государственного управления эта историческая преемственность выражается в тесной связи государства и Церкви (православие является господствующей религией и символом единства греческого народа), в структуре управления Церковью. Даже несмотря на значительную секуляризацию общественной жизни роль Церкви в политических процессах остается достаточно высокой²²⁷.

Таким образом, можно наблюдать определенное несоответствие национальной исторической гордости, психологического неприятия ущемления национального суверенитета, с одной стороны, и очевидной зависимости от стратегических союзников и экономических патронов (США и европейские страны), с другой. В сфере внешней политики и политики безопасности такая особенность греческого национального сознания выражалась на протяжении большей части XX в. в столкновении двух основных векторов внешнеполитического развития страны – стратегии национальной независимости, базирующейся на идее национального возрождения и особого пути, и стратегии прозападной ориентации, подразумевающей сотрудничество с США и Европой.

²²⁶ Пронкин С., Петрунина О. Государственное управление зарубежных стран. М., 2001. С. 359.

²²⁷ По значимым вопросам Греческая Церковь пытается оказывать влияние на внешнюю политику страны. Например, руководство Элладской Православной Церкви (ЭПЦ) в период войны в Югославии вело агитацию в поддержку интересов Сербии и выступало против действий НАТО по отношению к этой стране. А в начале 2003 г. глава ЭПЦ архиепископ Христул потребовал, чтобы в будущей общеевропейской Конституции были отмечены христианские корни Европы.

Во многом это объясняет скачкообразность в процессе формирования современной общественно-политической системы Греции – кардинальные смены политического строя: чередование монархии и республики, дважды сопровождавшееся установлением диктатуры. Процесс относительно стабилизировался лишь после 1974 г. (подавление военного режима и переход к демократии). Главной тенденцией тогда стало создание основ двухпартийной системы. Сложился баланс сил и интересов основных слоев греческого общества. Крайний национальный радикализм в силу своей утопичности на фоне начинающих интенсивно развиваться европейских интеграционных процессов постепенно терял позиции. На смену ему пришел правый и левый центризм, сохраняющийся до настоящего времени в ориентациях основных партий – Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) – созданной Андреасом Папандреу партии с социал-демократической платформой и Новой демократии (НД) – партии консервативного толка, основанной Константином Караманлисом²²⁸.

Решение ЕЭС в 1978 г. о принятии Греции в Сообщества определило вектор развития Греческой республики как типичного европейского государства. Как отмечает профессор афинского университета Пантеон К. Филис, «Запад и его структуры, механизмы воздействия, принципы и ценности глубоко укоренились в сознании греческой политической элиты, которая видит их в качестве прототипа для Греции. ... Любое изменение доктрины «мы принадлежим Западу» потребовало бы незамедлительного пересмотра ориентации Греции, и на данный момент серьезных причин для этого нет»²²⁹.

С тех пор и до настоящего времени двумя важнейшими и взаимодополняющими направлениями внешней политики и политики безопасности Греции, как и большинства европейских государств, являются европеизм (сохранение в рамках объединенной Европы своей общеевропейской идентичности, основанной на общем культурном наследии, христианстве, просвещении, вере в правопорядок, права человека, мирное разрешение конфликтов) и атлантизм (естественное и чрезвычайно ценное стратегическое партнерство с США в политике, экономике и, особенно, в сфере безопасности)²³⁰. До настоящего времени соотношение европеизма и атлантизма во внешней политике Греции напрямую зависело от вызовов безопасности, с которыми сталкивалась республика. Это, в первую очередь, многолетние разногласия с Турцией, в основе которых лежит неурегулированность кипрского вопроса, проблемы границ воздушного пространства, территориальных вод и прибрежного шельфа в Эгейском море. В 1996 г. Греция и Турция оказались на грани войны из-за конфликта вокруг спорных островов в Эгейском море, которую удалось предотвратить благодаря вмешательству США и НАТО. Крайне болезненным является для Греции спор о государственном наименовании Македонии, в основе которого – опасения относительно возможных территориальных претензий Скопье к Греции в районе Эгейской Македонии. Вызовом до последнего времени было возможное усиление «мусульманского фактора» внутри Греции (албанское меньшинство во Фракии), который мог обострить отношения с соседней Албанией, и взрывоопасная ситуация на Балканах в целом.

Поскольку Греции как малой стране самостоятельно острые споры с соседними государствами и региональную нестабильность преодолеть не удастся,

²²⁸ Улунян А. Политическая история Греции. М., 2004. С. 170–171.

²²⁹ Филис К. Дилемма Греции сквозь призму улучшения российско-турецких отношений // МЭ и МО. 2007. № 12. С. 80.

²³⁰ Игумнова Л. Внешняя политика Европейского союза между европеизмом и атлантизмом. (http://www.tempus.isu.ru/publ_01.doc).

неприкосновенность ее границ, интересы по кипрскому вопросу и стабилизацию Балкан до последнего времени наиболее эффективно гарантировало стратегическое партнерство с США, членство Греции в НАТО и ЕС, соответственно составляя атлантическое и европейское направления ее внешней политики. Как и в других европейских странах, в Греции два эти направления отличаются определенным национальным колоритом, несут на себе отпечаток истории развития отношений с США и участия страны в европейском интеграционном процессе²³¹.

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ГРЕЦИИ С США И НАТО

Формальные дипломатические отношения между Грецией и США были установлены в 1833 г. В 1837 г. странами было подписано торговое соглашение. С тех пор вплоть до середины XX в. двусторонние отношения развивались плавно-поступательно в основном в торговой и гуманитарной сферах. *Греция оставалась в большей степени под влиянием европейских держав.* В то же время с начала XX в. в кризисные для Греции моменты американское правительство предоставляло республике щедрые займы, сравнимые по масштабам с помощью Великобритании и Франции – традиционных греческих покровителей и «спонсоров»²³². Уже эти первые американские финансовые субсидии, а также частые визиты военных кораблей США в греческие порты можно оценить как постепенное наращивание американского присутствия в регионе, стратегически важном пересечении большого Ближнего Востока и Большой Европы.

Однако подлинный интерес к Греции и ее внутривосточному развитию американское правительство стало проявлять в конце 40-х годов XX в. в русле «доктрины Трумана» по предотвращению распространения советского влияния на Средиземноморье и Ближний Восток. В своем выступлении в Конгрессе США 12 марта 1947 г. президент США Г. Труман заявил, что развитие ситуации в Греции и Турции требует немедленного вмешательства США. Описывая ситуацию в Греции, Труман отмечал: «С 1940 года эта трудолюбивая, миролюбивая страна терпела вторжение, четыре года жестокой вражеской оккупации и резкие внутренние раздоры. Греции необходима поддержка, если ей суждено стать независимой демократической страной, обладающей чувством собственного достоинства. Соединенные Штаты должны оказать такую поддержку»²³³.

США приложили максимум усилий, чтобы не допустить победы в гражданской войне и прихода к власти в Греции прокоммунистических сил. Американские специалисты вооружали и тренировали греческие правительственные войска, планировали для них военные операции, что позволило сохранить у власти антикоммунистическое правительство и подавить коммунистическое сопротивление.

С начала 50-х годов, когда усиливая свое присутствие в Средиземноморье, США стали рассматривать Грецию как элемент своей военно-стратегической системы в районе Ближнего и Среднего Востока, двусторонние отношения еще больше углубились, а американское участие во внутривосточном развитии Греции значительно возросло. *Военно-политические и экономические отношения с*

²³¹ Безусловно, для внешней политики Греции также важны отношения с другими ведущими центрами мировой политики, в том числе Россией. Однако, несмотря на стратегическое партнерство Греции и России в определенных областях (энергетика, военно-техническое сотрудничество, религиозно-духовные связи), отношения с Россией не являются основным вектором внешней политики Греческой республики и в данной статье им уделено минимальное внимание.

²³² Подробно о греко-американских отношениях см.: Iatrides J. The United States and Greece in the Twentieth century // Greece in the twentieth century. Eds (Ed. by) Th. A. Couloumbis, Th. Karitis, F. Bellou. London, 2003. P. 69–110.

²³³ Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т.3.М., 2000. С. 213.

США стали рассматриваться в Афинах как стратегически важные для страны, граничащей с государствами коммунистического блока и Турцией. Греции были необходимы прочные гарантии военной помощи в случае вооруженного конфликта с Турцией и политической поддержки в борьбе с коммунистической идеологией. Такие гарантии могли предоставить США и НАТО, так как на рубеже 40-х и 50-х годов по мере нарастанием напряженности в отношениях США и СССР американскому правительству удалось интенсифицировать формирование военной структуры НАТО и перераспределить функции между Западноевропейским союзом и НАТО в пользу последней. Таким образом, страны Западной Европы стали в сфере безопасности полностью зависимы от США.

Официально вступив в Североатлантический блок 18 февраля 1952 г., Греция *приняла в качестве метода обеспечения европейской безопасности атлантический подход.* Для США включение Греции и Турции в НАТО стало крупным стратегическим успехом в усилении южного фланга Альянса и недопущении распространения сферы влияния СССР и его союзников в Балканском регионе. Координирующая роль США просматривается и в подписании в 1953 г. протокола о дружбе и сотрудничестве между Грецией и Турцией и в создании так называемого Балканского пакта – трехстороннего военного союза между Грецией, Турцией и Югославией. Членство Турции и Греции в НАТО делало этот трехсторонний союз, предоставлявший участникам военно-политические гарантии, неким «филиалом» НАТО на Балканах.

Предпосылки вхождения Греции в НАТО носили и экономический характер. Поскольку для Греции период 50-х годов стал в принципе ключевым этапом ее политического и экономического развития и был связан с крайне противоречивым, болезненным, но необходимым стране процессом модернизации, финансовая и экономическая помощь США была Греции необходима. Греция стала частью плана Маршалла по восстановлению послевоенной Европы. Во многом благодаря этому в стране была заложена основа индустриального общества, и Греция, пережив «серьезные политические, социальные и психологические трансформации», была включена в процесс европейского развития.²³⁴

В 60-х годах стала резко возрастать напряженность на Кипре. В 1960 г. по Лондонско-Цюрихским соглашениям Кипр получил независимость, президентом был избран архиепископ Макариос, а гарантами независимости острова становились Греция, Турция и Великобритания. С момента приобретения островом независимости греческая политическая и военная элита хранила идею «эносиса» (объединение Греции и Кипра в единое государство). Турки-киприоты поддерживали идею «таксим» (разделение острова на две практически независимые друг от друга территории). Президент Макариос же выступал за полную независимость Кипра.

Греческое правительство и население связывали с тесными двусторонними отношениями с США и интеграцией в структуры НАТО надежды на поддержку греческого сценария развития событий. Однако по мере роста напряженности становилось очевидно, что стратегическое партнерство США с Турцией не позволит ни Америке, ни НАТО солидаризироваться по кипрской проблеме с Грецией. Отношения Греции с ее партнерами по НАТО начинали претерпевать некоторые изменения. На этом фоне внутри Греции росли антиамериканские настроения с требованиями вывода американских баз, уже размещенных к тому времени на территории Греции²³⁵. Греческое правительство попыталось расширить

²³⁴ Улуныян А. Политическая история Греции. М., 2004. С. 130

²³⁵ Кроме прочего, на территории Греции на военно-воздушной базе Араксос с 60-х годов в рамках стратегии НАТО по долевному распределению ядерного оружия до 2001 г. размещались 20 тактических ядерных зарядов В61. (<http://www.reachingcriticalwill.org/about/pubs/Inventory/Greece.pdf>).

сотрудничество Афин с Бонном и Парижем, сместить внешнеполитическую ориентацию с атлантизма на европеизм. Понятно, что Греция была заинтересована в стратегических партнерах, которые гарантировали бы стратегические интересы республики, и, разочаровавшись в США, искала таковых в лице европейских держав. Однако Европа гарантий безопасности Греции предоставить не могла, и демонстративная переориентация греческой дипломатии с американского на европейское направление, скорее всего, была с греческой стороны лишь шантажом американцев с целью разменять свое стратегическое партнерство на их поддержку по кипрскому вопросу.

Пришедшая к власти в Греции в апреле 1967 г. хунта «черных полковников» всячески стремилась осуществить план «эносиса», усиливая Греческую Национальную Гвардию на Кипре. И после того как кипрский президент Макариос в знак протеста против греческих планов выслал офицеров Национальной Гвардии с острова, военный греческий режим в 1974 г. попытался привести к власти крайнего греческого националиста Никоса Самсона. Осуществленный им мятеж провалился. Однако переворот спровоцировал военное вторжение на остров турецких войск, занявших 38% территории, под предлогом защиты притесняемого турецкого меньшинства. Если до 1974 г. строго очерченных по этническому принципу зон проживания не существовало, то оставшиеся для обеспечения гарантий безопасности турецкие войска закрепили раздел острова на южную и северную его части²³⁶.

Опрометчивая внешняя политика авторитарного режима в Греции, нескоординированная с партнерами по НАТО, в первую очередь, с США, поставила страну на грань прямой военной конфронтации с Турцией и изменила баланс сил в регионе не в пользу Греции. Этот эпизод продемонстрировал, что по вопросам внешней политики, отягощенной грузом многочисленных территориальных и политических споров с соседями, греческому правительству необходимо «блокироваться» с государствами, которые могут предоставлять стране гарантии безопасности.

В связи с кипрским кризисом военная хунта была свергнута, к власти вернулся Константин Караманлис, лидер партии Новая Демократия, ориентированной до кризиса на всестороннее сотрудничество с США и союзниками по НАТО. Под давлением обстоятельств его правительство вынуждено было по примеру Франции 1966-го года вывести свою страну из военной организации НАТО, продемонстрировав тем самым несогласие с политикой Альянса, не оказавшего Греции – одному из своих членов – поддержки во время нападения на нее.

Период с 1974 по 1981 гг. принято считать решающим с точки зрения выбора долгосрочной стратегии во внешней политике и политике безопасности Греции²³⁷. Необходимость согласовывать внутривнутриполитическое давление (антиамериканизм, спровоцированный поддержкой США военной хунты и невмешательством НАТО в развитие ситуации на Кипре) с императивами международной безопасности (реалии холодной войны и требования региональной безопасности не допускали выхода из НАТО) вынуждала правительство Караманлиса искать новый баланс во взаимоотношениях с США и странами Европы, с НАТО и ЕЭС.

Следуя в традиционном для Новой демократии фарватере сохранения и упрочения общих связей с Западом, Греция *сместила внешнеполитические ориентиры с тесной связки с США на сближение с Европой, официально поставив задачу вступления в Общий рынок, но сохраняя по требованию европейских стран*

²³⁶ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С.8–19.

²³⁷ Rizas S. Atlanticism and Europeanism in Greek foreign and security policy in the 1970s // Southeast European and Black Sea Studies. 2008. № 1. P.51.

связи с НАТО. При том, что правительство Караманлиса все еще надеялось получить для страны гарантии безопасности со стороны европейских держав, понимая, что традиционный элемент соперничества с США за влияние на континенте сохраняется, очевидно и то, что (возможно под влиянием дипломатического мастерства США) и европейцы и греки воспринимали ЕЭС не как альтернативу США и НАТО, а как вторую опору западной ориентации греческой внешней политики. Судя по документам того времени, американские дипломаты ни в коей мере не препятствовали евроинтеграции Греции, а наоборот лоббировали в европейских столицах ее присоединение к Сообществу, привязывая Грецию тем самым к Западу, приближая ее возвращение в НАТО.

Понимая, что неучастие в НАТО и отдаление от США ведет лишь к изоляции Греции и значительному ослаблению ее позиций в регионе, уже к октябрю 1975 г. греческое правительство заявило о возвращении греческих военных в распоряжение НАТО. Однако из-за сохраняющейся крайней напряженности с Турцией, налагавшей вето на заявления, касающиеся Греции, реинтеграция произошла лишь в 1980 г. (вслед за военным переворотом в Турции). А полноценное участие Греции в военном командовании было возобновлено лишь в 1997 г., когда министры обороны стран НАТО одобрили новую командную структуру. Тогда на территории Греции в Лариссе появлялась штаб-квартира объединенного субрегионального командования (по значению равная Измиру в Турции, Вероне в Италии и Мадриду в Испании). Едва ли не основным элементом возвращения Греции стало положение о том, что Греция и Турция получили возможность совместно контролировать полеты авиации НАТО над Эгейским морем.

Несмотря на долгий формальный процесс реинтеграции в НАТО, к 1981 г. (когда Греция официально вступила в ЕЭС) внешнеполитический курс страны был окончательно сформирован – *интеграция в Общий рынок и членство в НАТО, обеспечивающее стратегические отношения с США и предоставляющее гарантии безопасности по основному для греческой политики вопросу – отношениям с Турцией.*

Даже в период с 1981 по 1989 г., когда у власти в Греции находилась партия Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) во главе с А. Папандреу, отношения с США и НАТО не претерпели значительных изменений, а интеграция в рамках ЕЭС не была прекращена. Декларация ПАСОК о политических и национальных целях Греции включала в себя положение, согласно которому, «борьба Всегреческого социалистического движения за национальное возрождение, социалистическую и демократическую Грецию, базирующаяся на принципах нашей национальной независимости, является предпосылкой для реализации народного суверенитета; народный суверенитет является предпосылкой социального освобождения и национальное социальное освобождение является предпосылкой реализации демократии»²³⁸. Главными требованиями в сфере внешней политики были при этом отказ от усиления связей с ЕЭС, выход из НАТО и прекращение зависимости от США. Однако такая дань национальной гордости и независимости имела мало отношения к реально сложившейся «встроенности» Греции в европейскую систему безопасности, выход из которой имел слишком высокую для национальных интересов цену – усиление дипломатического влияния и военного присутствия Турции в регионе Эгейского моря и на Кипре.

Поэтому в 1983 г. Греция подписала новое соглашение об обороне с США, согласно которому американские базы оставались в Греции, а США предоставляло Греции ежегодную военную помощь в размере 500 млн. долларов. И вплоть до

²³⁸ Улуныян А. Политическая история Греции. М., 2004. С. 166

настоящего времени, несмотря на незначительные отклонения, связанные как с внутривнутриполитическим развитием, так и с общим климатом в международных отношениях, Греция сохраняет выстроенные на протяжении XX века стратегические отношения с США (несмотря на всплески антиамериканизма и антиНАТО настроений). В то же время, влившись в 70-ые годы в процесс европейской интеграции, постепенно европеизирует свою внешнюю политику²³⁹. По этим определяющим вопросам внешней политики в греческом правительстве всегда присутствует стратегический консенсус основных политических партий при наличии между ними разногласий тактического характера.

Окончание bipolarности, возрастание роли ЕС в вопросах внешней политики и обороны, казалось, должны были привести к смещению акцентов греческой внешней и оборонной политики в сторону европеизма в 90-е гг. Однако драматические события на Балканах, полностью подорвавшие статус-кво в регионе, угрожали территориальной целостности Греческой республики. В этих условиях Греция была крайне заинтересована в сохранении НАТО как инструмента коллективной обороны и безопасности. Более того, если во время bipolarности НАТО служило для Греции, в первую очередь, инструментом сдерживания возможных агрессивных действий Турции, то есть угрозы с востока, то в условиях стремительного и кровопролитного распада Югославии гарантии НАТО должны были покрывать и возможные угрозы для Греции с юга, то есть обеспечивать неприкосновенность греческих границ. Поэтому Греция, хотя и не соглашаясь с политикой ведущих европейских стран (в первую очередь, Германии) и США, направленной на быстрое признание независимости новых государств на территории бывшей Югославии, не блокировала ни одной инициативы НАТО в регионе.

И до настоящего времени Греческая республика является, по словам греческих официальных лиц и сайта правительства, «одним из последовательных приверженцев НАТО», выполняя свои обязательства, в первую очередь, участвуя в двух основных для НАТО операциях: в Афганистане и в Косово²⁴⁰.

Для поддержки группировки НАТО в Афганистане Греция выделила Специальный батальон, состоящий из 174 человек, занятых на работах по налаживанию инфраструктуры, 56 единиц военной техники, в том числе самолет С-130. 2 чиновника представляют Грецию в миссии Международных сил содействия безопасности (ИСАФ), 3 – в кабульском аэропорту (в период с 1 декабря 2005 по 31 марта 2006 Греция возглавляла администрацию кабульского аэропорта в количестве 39 человек). Также Греция направила в Афганистан медицинское подразделение из 50 человек, и 14 военнослужащих – в объединенную штаб-квартиру. Страна предоставила дополнительные средства для поддержки венгерской Группы восстановления провинций в северо-восточной провинции Баглан²⁴¹.

В Косово Греция включена в деятельность КФОР в составе механизированных батальонов пехоты (576 человек и 173 средства передвижения), а также выделила самолет С-130 для доставки грузов.

Всецело разделяя стратегию Альянса на углубление интеграции с постсоветскими республиками, Греция принимала участие и в учениях НАТО в Азербайджане, активно курирует Армению в ее сотрудничестве с НАТО. С греческой помощью Ереван сформировал миротворческий батальон для участия в операциях

²³⁹ Под европеизацией внешней политики принято понимать трансформацию национальной политики в направлении того, что политическая и экономическая динамика развития ЕС становится частью ее организационной логики.

²⁴⁰ Сайт министерства иностранных дел Греции. (<http://www.mfa.gr/www.mfa.gr/en-US>).

²⁴¹ Там же.

под эгидой ООН, проводит учения НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира». Несмотря на то что вопрос членства Армении в НАТО не стоит, Ереван при содействии Греции постепенно развивает взаимоотношения с Североатлантическим альянсом, прагматично рассматривая его в качестве института по обеспечению европейской безопасности и составной части процесса интеграции в европейские структуры.

УЧАСТИЕ ГРЕЦИИ В ПРОЦЕССЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Традиционно историю участия Греции в процессе европейской интеграции принято разделять на три основных периода (1981–1985, 1985–1995 и с 1996 по настоящее время).

Определяющим фактором во взаимоотношениях Греции и ЕЭС в первый период стало то, что у власти находилась партия ПАСОК, выступавшая против активной европейской политики Греции. Политическая инерция партии и наличие прямой угрозы национальной безопасности со стороны Турции, не позволяли правительству А. Папандреу оторваться от националистического популизма и идеи обеспечить национальный суверенитет и независимость во внешнеполитических решениях путем поиска своего «особого пути» развития, балансируя в условиях противостояния Востока и Запада между США, СССР, Европой и движением неприсоединения.

Однако, как уже было отмечено выше, резкой смены во внешней политике Греции по сравнению с периодом Караманлиса все же не произошло. Максимум, чем Греция могла «тормозить» евроинтеграцию – это полный обструкционизм в отношении попыток европейских стран выработать общую позицию по внешнеполитическим вопросам. Греция часто была единственной несогласной с мнением других участников Общего рынка²⁴².

При этом Папандреу достиг определенных успехов в вопросе об условиях участия Греции в ЕЭС. Ему удалось создать «особый режим» отношений. Об этом свидетельствует принятый ЕЭС в 1985 г. проект «Интегрированные средиземноморские программы», который был ответом на предложенный Грецией меморандум, требующий учета экономических особенностей страны при реализации европейских программ и предоставления Греции дополнительной помощи для реформирования ее экономики. Эффективность проекта значительно превосходила программу прямой финансовой помощи, обеспечив Греции повышение экономического роста, что позволило ей в последующем добиться положения регионального лидера на Балканах и в Восточном Средиземноморье.

Второй период членства Греции в ЕС (1985–1995) специалисты характеризуют как постепенный сдвиг «в сторону понимания, поддержки и осознанного стремления к более глубокой европейской интеграции, чему способствовало окончание холодной войны и биполярного противостояния»²⁴³. В эти годы Греция открыто поддерживает федеративную интеграционную модель развития Европы, участвует в осуществлении общеевропейских совместных проектов в области образования, здравоохранения, экологии. Греческие политики и дипломаты выступают за укрепление наднациональных институтов (Европейской комиссии и Европейского парламента), за проведение совместной внешней и оборонной политики. *При этом безусловная экономическая отсталость в ряде отраслей, не позволяет Греции быть в авангарде Евросоюза, а внешнеполитические цели, которые преследует*

²⁴² См: Tsardanidis C., Stavridis S. The Europeanisation of Greek Foreign Policy: a Critical Appraisal // European Integration. 2005. № 2. P. 226.

²⁴³ Юго-восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. Под ред. А.А. Язьковой, 2007. С. 233.

республика, остаются сугубо национальными. Так, центральной задачей греческой внешней политики остается нормализация отношений с Турцией, преодоление кипрского конфликта. Однако уже в этот период Греция постепенно приходит к пониманию, что наиболее эффективным методом налаживания региональных отношений становится включение всего региона в европейские интеграционные процессы. Уже в 1987 г. основной целью своей дипломатии в Европейском сообществе Греция ставит вступление в эту организацию Кипра в качестве полноправного члена.

Современный период участия Греции в европейском строительстве связан со значительным углублением ее интеграции в структуры Евросоюза. В этот период происходит активное движение Греции в направлении экономической и социальной конвергенции объединенной Европы. Кульминацией греческой интеграции в ЕС можно однозначно назвать присоединение с 1 января 2001 г. к валютному союзу, введение единой европейской валюты, что способствовало, в свою очередь, более тесной координации экономической и финансовой политик ЕС.

В сфере внешней политики Греции удалось добиться того, что все острые вопросы, вызывающие озабоченность греческого правительства, стали частью многостороннего формата урегулирования, предметом внешнеполитической деятельности всего ЕС.

Так, взаимоотношения с Турцией – самый острый вопрос греческой внешней политики – рассматриваются греческим руководством в настоящее время сквозь призму постепенной интеграции Турции в ЕС. При сохраняющихся многочисленных взаимных претензиях в двусторонних отношениях акцент греками смещен на то, что налаживание отношений с Грецией, прежде всего определенные уступки по кипрскому вопросу, должны стать одним из условий продвижения Турции в ЕС. Министр иностранных дел Греции Дора Бакояни заявляет, что «греческая сторона сделала достаточно шагов навстречу, наш премьер-министр посетил Анкару, но с турецкой стороны не было предпринято аналогичных усилий. Тем не менее, мы будем придерживаться той же стратегии в попытках уменьшить напряжение между нашими странами»²⁴⁴. Имеется в виду стратегия присоединения Турции к Европейскому союзу, которая объективно способствует постепенному смягчению греко-турецкого противостояния, в частности, в Эгейском море.

Что касается другой напряженной темы – названия бывшей югославской республики Македонии – то и эта проблема выведена на уровень ЕС и НАТО, превращена греками в один из критериев приема этой страны в эти организации. Македония является ближайшим кандидатом на вступление в НАТО, и если бы Греция не блокировала ее прием, стала бы членом Альянса уже на бухарестском саммите весной 2008 г.

Можно сказать, что участие в ЕС стало в настоящее время ключевым фактором, определяющим направленность греческой внешней политики по основным международным проблемам. В рамках общей линии ЕС Греция поддерживает усилия в пользу нераспространения оружия массового уничтожения, выступая за ограничение и ликвидацию ядерных и сокращение обычных вооружений. Греция полностью разделяет позицию ЕС в поддержку всех международных соглашений по контролю вооружений и разоружению, поддерживает общую позицию ЕС по иранской ядерной проблеме.

В ближневосточном урегулировании линия Греции основывается на соответствующих установках Евросоюза, поддержке деятельности "квартета" международных посредников по ближневосточному урегулированию. Греки

²⁴⁴ Из интервью Доры Бакояни информационному агентству Рейтер. (<http://www.greek.ru/news/exclusive/35317/>).

расценили уход Израиля из Газы как возможность оживить «дорожную карту» и важный шаг к обеспечению мирного сосуществования Израиля и демократического, жизнеспособного палестинского государства. Поддерживая правительство Махмуда Аббаса, греки выстраивают свое отношение к правительству «Хамас» в русле общей позиции ЕС²⁴⁵.

Внимательно проследив эволюцию внешней политики греческого государства сквозь призму ее европеизации, невозможно не отметить очевидную тенденцию движения от националистской, традиционалистской, ксенофобской, реакционной внешней политики в русле восприятия взаимодействия государств как «игры с нулевой суммой» к более либеральной, постнациональной, постсуверенной внешней политике, основывающейся на ценностях, более чем на интересах, и общей европейской идентичности, более чем национальной специфике и личности²⁴⁶.

Греческая республика на сегодняшний день полностью разделяет стратегические цели развития ЕС. При этом членство в Евросоюзе имеет достаточно высокий уровень поддержки среди населения. Греция поддерживает функционирование основных политических и институциональных систем ЕС. Греческие лидеры не раз высказывались за постепенную эволюцию ЕС, его становление как политического союза на федеративной основе на базе сильных демократических легитимных институтов. В частности, 31 июля 1992 г. Греция первой одобрила Маастрихтский договор о политическом и экономическом объединении Европы.

В интересах Греции укрепление и совершенствование координации макроэкономической политики ЕС в рамках экономического и валютного союза (ЭВС) и дальнейшее усиление ЭВС за счет политики, направленной на помощь гражданам. В апреле 2005 г. Греция ратифицировала Евроконституцию. Афины активно содействовали достижению согласия по проекту бюджета ЕС на 2007-2013 гг., поддержали прием в ЕС десяти новых членов и выступают за дальнейшее расширение Евросоюза, прежде всего в направлении Юго-Восточной Европы и Турции. Греция уделяет большое внимание проблемам Средиземноморья, поддерживает развитие Евросредиземноморского процесса, формирование к 2010 году зоны свободной торговли с участием стран ЕС и государств Северной Африки.

Также следует отметить, что греческое правительство прилагает серьезные усилия для повышения политического веса Греции внутри ЕС. Одно из основных мест во внешнеполитической концепции республики (что свойственно и другим странам региона, в том числе, Турции) занимает идея «географического» или «геополитического моста», в роли которого могла бы выступить Греция во взаимоотношениях Запада (евроатлантического сообщества) и Востока (России)²⁴⁷. В русле этой идеи Греция одной из первых стран ЕС положительно отреагировала на инициативу российского президента Д.А. Медведева о необходимости заключения Договора о евроатлантической безопасности, которая изначально была встречена в Европе с большой долей скепсиса. Возможно, не в последнюю очередь благодаря греческому лоббированию тема постепенно набрала актуальность в

²⁴⁵ Греческая республика (справочная информация). (<http://www.mid.ru/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/78e8ce1f6f212b57432569f5003d8a2c?OpenDocument>).

²⁴⁶ Подробнее см.: *Tsardanidis C., Stavridis S.* The Europeanisation of Greek Foreign Policy: a Critical Appraisal // *European Integration*. 2005. № 2. PP. 217–239.; Юго-восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. Под ред. А.А. Язьковой, 2007. С. 232–235.; *Triantaphyllou D.* The Priorities of Greek Foreign Policy Today // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2005. №3. PP. 327–346.

²⁴⁷ Улунян А. Национальные и региональные особенности традиционных идеологических систем и внешнеполитические устремления России и Балканских стран. www.carnegie.ru/ru/print/70711-print.htm.

международной повестке дня. Кроме того, на греческое председательство в ОБСЕ в 2009 г. пришелся этап первых конкретных обсуждений возможного Договора, что для России может стать благоприятным обстоятельством, а успех переговоров прибавит политического веса греческим дипломатам.

Греция всесторонне поддерживает развитие ЕПБО, выражая крайнюю заинтересованность в развитии оборонного потенциала ЕС и скорейшем налаживании механизмов европейского военного сотрудничества, оговариваясь, однако, что ЕПБО, ни в коем случае, не является альтернативой НАТО, а лишь ее подспорьем в объединенной Европе. Один из военных штабов ЕПБО ЕС соседствует в греческой Лариссе со штаб-квартирой объединенного субрегионального командования НАТО.

Греки стали организаторами в 2009 г. европейских учений (МИЛЕКС 09) и являются «кураторами» одной из многонациональных тактических боевых групп ЕС, в которой участвуют военные Кипра, Болгарии и Румынии. Эта группа находилась в распоряжении ЕС во второй половине 2007 г. и первой половине 2009 г. Также Греция принимает участие в тактической десантной боевой группе под испано-итальянским командованием.

Греция активно способствует развитию военно-морского потенциала сил ЕС. В греческом городе Пирей был открыт многонациональный координационный центр стратегического морского транспорта ЕС.

В области внешней политики и политики безопасности Греция принимает участие в двух военных операциях ЕС: в операции «Алтея» в Боснии и Герцеговине и в морской операции «Аталанта» по борьбе с пиратами у берегов Сомали. Причем с декабря 2008 по апрель 2009 г. военно-морские силы ЕС возглавлял греческий капитан А. Папайоанну. Также греческие военные и специалисты участвовали в уже завершенной военной операции ЕС по защите дарфурских беженцев в Чаде и Центральноафриканской республике.

Кроме военных миссий греческий контингент активно задействован в проводимых ЕС полицейской миссии в Боснии и Герцеговине, полицейской миссии на Палестинских территориях, миссии «Евролекс» в Косово, миссии наблюдателей в Грузии и миссии ЕС на границе Молдовы и Украины.

* * *

К началу XXI в., во многом благодаря особому характеру отношений с государствами Западной Европы и США, а также членству в НАТО и ЕС, Греция обеспечила себе рост политического и экономического влияния в Балканском регионе, Восточном Средиземноморье и Причерноморье. Несмотря на то что по основным экономическим показателям Греция уступает ведущим партнерам по ЕС, а политический вес страны внутри Союза все еще весьма незначителен, на фоне других балканских стран, далеко отставших на пути модернизации и евроинтеграции, Греция представляет собой вполне успешное европейское государство.

Именно членство в ЕС и НАТО позволило Греции не быть втянутой в военные конфликты на Балканах в конце XX века, а уже на правах регионального лидера способствовать стабилизации региона посредством экономической помощи соседним странам, а также оказывать политическую поддержку их стремлениям интегрироваться в ЕС и НАТО. Вступление в эти организации стало для балканских государств стратегической целью в постбиполярную эпоху, что определило девиз внешней политики Греции – «Региональное сотрудничество как путь в Европу».

Еще до окончания кризиса в Косово Афины начали разработку "Греческого плана экономической реконструкции Балкан" на 2000-2004 годы, затем

расширенного на последующие годы. Греция остается активным участником и координатором многих соглашений ЕС с балканскими государствами – Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, Инициативы сотрудничества в Юго-Восточной Европе, Адриатико-Ионийской инициативы, Черноморского экономического сотрудничества. Греция – главный организатор Банка развития черноморской торговли в Салониках и Международного центра черноморских исследований в Афинах. В Салониках разместилось представительство европейского агентства по реконструкции Балкан, действующего в соответствии с Пактом стабильности²⁴⁸.

Добившись значительных достижений на основных направлениях своей внешней политики, греческие дипломаты ставят перед греческим государством все более амбициозные цели. Они стремятся внести вклад в укрепление мира и стабильности, демократии, защиту прав человека, справедливости, прежде всего на Балканах и в Восточном Средиземноморье, противостоят с опорой на ЕС и НАТО новым проблемам, вызовам и угрозам, активно участвуют в антитеррористической коалиции совместно с США, ЕС и Россией.

Возможность постановки таких целей связана с изменениями, внесенными в оборонную доктрину Греции в последние годы. В новом варианте оборонной доктрины *приоритет отдается противостоянию «асимметричным» угрозам (терроризм, контрабанда оружия, организованная преступность и нестабильность), а турецкая угроза официально отнесена на второй план.*

Более сложные задачи в области безопасности потребуют от Греции более тесного и продвинутого сотрудничества со стратегическими партнерами. *До сих пор греческому руководству удавалось совмещать в своем внешнеполитическом курсе атлантический и европейский векторы, благодаря балансированию и лавированию между США и ЕС, ЕС и НАТО.* Сочетаются ли они гармонично в настоящее время или все-таки есть позиции, по которым сохранение «европейской идентичности» и стратегическое сотрудничество с США противоречат друг другу? Станет ли европеизм превалировать над атлантизмом во внешней политике Греции в связи с попытками некоторых стран ЕС проводить более независимую от США внешнюю политику, основанную на европейском подходе к обеспечению международной безопасности?

На сегодняшний день можно говорить о двух очевидных кризисах евроатлантической солидарности, причиной которых стало кардинальное расхождение по проблемам международной безопасности между некоторыми странами ЕС и США, которые не могло игнорировать и греческое политическое руководство.

Сначала кризис в Косово 1999 г., а затем вторжение в Ирак 9 апреля 2003 г. свидетельствовали о том, что у традиционных союзников на современном этапе отсутствует четкое общее видение подходов к предотвращению угроз безопасности. Два ключевых различия между европейским (ЕС) и атлантическим (США и НАТО) подходами позволяет выявить анализ их стратегий безопасности.

Во-первых, в Стратегии безопасности ЕС предпочтение отдается несиловым, дипломатическим средствам для решения гуманитарных проблем и достижения политических целей, в то время как НАТО открыто говорит о возможности использования военной силы в политических целях²⁴⁹. Именно идея возможного достижения «политических целей» военным путем расколола в 1999 г.

²⁴⁸ От «пороховой бочки» – к региону процветания // Европа. 2005. №46. (http://www.delrus.ec.europa.eu/em/50/eu46_08.htm).

²⁴⁹ Безопасная Европа в лучшем мире, документ представлен Х.Соланой Европейскому совету 19 – 21 июня 2003 г.

трансатлантических союзников и не позволила проводить операцию НАТО в согласовании с резолюцией ООН.

Во-вторых, существенным различием между атлантическим и европейским подходами к угрозам безопасности, безусловно, стало положение Национальной стратегии безопасности США (принципиальным образом определяющей и стратегию безопасности НАТО) о возможности нанесения превентивных ударов по террористам при выявлении возможной угрозы терроризма²⁵⁰. Превентивные меры такого характера не рассматриваются в качестве возможных в европейской Стратегии. То есть, общий институциональный подход НАТО и ЕС к реагированию на угрозы безопасности не свободен от противоречий. Как свидетельствуют многочисленные дискуссии по этим вопросам в стратегических кругах европейских стран и США, сходство позиций в определении общих угроз бесспорно, но также не менее важно достичь согласия по конкретным аспектам этих угроз и их интерпретации, совместным подходам к реагированию на эти угрозы.

В связи с возрастающей ответственностью ЕС за обеспечение стабильности и безопасности в различных регионах, прежде всего на Балканах, вероятно, на постсоветском пространстве и в Африке, важным вопросом является способность Евросоюза самостоятельно эффективно реагировать на кризисные ситуации, а также посылать миротворцев ЕС для участия в международных операциях.

До сих пор интеграция ЕС в сфере европейской безопасности и обороны часто рассматривается проатлантически настроенными политиками и политическими аналитиками как попытка маргинализации роли США и НАТО в Европе. Противоречия между странами Западной Европы сглаживались в эпоху биполярности самим фактом существования СССР и практически полной зависимостью европейской системы безопасности от США. Сегодня же такая тесная связка с США в сфере безопасности представляется одной из острейших проблем в евроатлантическом партнерстве и в развитии военной составляющей европейской интеграции.

С практической точки зрения, в процессе формирования Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) от европейских стран уже сейчас требуется оптимизация оборонного бюджета, выработка единого подхода к формированию национальных армий и большая координация между ними, что затруднительно, принимая во внимание обязательства по членству в НАТО. В дальнейшем вполне вероятно, что каждой стране придется делать выбор при возможной необходимости одновременно делегировать вооруженные силы для операций НАТО и ЕПБО.

Как Греция реагирует на возникающие противоречия?

Греция ни разу не блокировала военных решений НАТО, воспринимая Альянс как гаранта своей безопасности. Однако по острым вопросам, которые вызывали разногласия между США и некоторыми странами ЕС, несогласными с атлантической стратегией, *Греция четко солидаризировалась с европейски настроенными странами ЕС.*

Так, в пик косовского кризиса Греция выступала за урегулирование конфликта мирным политическим способом на основе международного права и Устава ООН. И, несмотря на то, что страна не осудила впоследствии военной акции Альянса, она до последнего момента прилагала дипломатические усилия для убеждения союзников по НАТО избежать действий без мандата Совета безопасности ООН. Необходимо отметить, что греческому правительству приходится учитывать сильные

²⁵⁰ National Security Strategy of the USA. September 2002. P.6. (<http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html>).

антиамериканские и антинатовские настроения в стране, всевозрастающее влияние пацифистских, правозащитных и экологических организаций.

Начало американской кампании в Ираке совпало с греческим председательством в ЕС. Одной из целей Греции стало недопущение войны в Ираке и предотвращение раскола ЕС по этому поводу²⁵¹. Несмотря на то что цели достичь не удалось, позиция греческого председательства была четко сформулирована в русле европеизма. По словам премьер-министра Греции Костатса Симитиса, страна-председатель выступала за то, чтобы «позиция всех стран ЕС по Ираку была согласованной и базировалась на соответствующих резолюциях ООН». Интенсивные переговоры с президентом Франции Жаком Шираком, канцлером ФРГ Герхардом Шредером и премьер-министром Великобритании Тони Блэром были направлены на достижение общей позиции. Однако Греции не хватило политического веса, чтобы объединить страны ЕС по столь серьезной проблеме.

Неудача свидетельствует, во-первых, о серьезном столкновении атлантистского и европеистского подходов к проблемам международной безопасности внутри ЕС, а во-вторых, об определяющей роли США в системе международной безопасности и, соответственно, атлантистского подхода к проблемам безопасности.

Анализ развития отношений Греции с США и ее участия в европейской интеграции позволяют сделать общий вывод о том, что США останутся стратегическим партнером Греции до тех пор, пока гарантированно обеспечивают ее национальные интересы. Соотношение европеизма и атлантизма во внешней политике Греции будет напрямую зависеть от дальнейшего развития событий в международных отношениях. Если появляющийся в последнее время политический императив Евросоюза – становление его как самостоятельной военно-политической силы с собственными политическими инструментами в области внешней политики и обороны, независимыми от США и потенциалом выработки самостоятельных решений и акций, касающихся региональных конфликтов, будет реализовываться, это будет означать постепенное размывание стратегического партнерства Греции с США и укрепление европеистского вектора внешней политики Греции.

²⁵¹ Сама Греция отказалась посылать своих инструкторов в Ирак для реализации там программы НАТО по подготовке иракских военных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исключая сценарии глобальной катастрофы, вряд ли можно предполагать полный разрыв существующих трансатлантических связей между цивилизационно близкими субъектами международных отношений. Можно по-разному оценивать перспективы трансатлантической интеграции, но на современном этапе развития Европы именно диалектическое взаимодействие «атлантизма» и «европеизма» определяет стратегические ориентиры стран ЕС. Это взаимодействие, в частности, отчетливо проявилось в ходе выработки политики по отношению к странам Центральной и Восточной Европы, развитие которых стимулировалось параллельным развитием процессов присоединения к ЕС и к НАТО. Существующий параллелизм в идеале можно было бы рассматривать как своеобразное «разделение труда», при котором ресурсы НАТО используются, когда проблемы безопасности выходят за рамки регионального уровня и становятся непосильны ЕС. Однако на практике обеспечить бесконфликтное «разделение» оказывается непросто. Продолжение соперничества атлантизма и европеизма так же очевидно на примере последних расширений ЕС и НАТО, существенно изменивших баланс внешнеполитических воззрений в Европе.

Смена эпох в международных отношениях предопределила и трансформацию традиционного атлантизма. При всей важности взаимоотношений с США, которые каждая из стран ЕС пытается выстраивать наиболее выгодным для себя образом, рутинное взаимодействие государств в процессе деятельности институтов Евросоюза, охватывая практически все сферы общественной жизни, создает сильные и устойчивые связи между членами ЕС. Развитие наднациональных интеграционных механизмов не приводит к уничтожению значения национальных государств. В военно-политической области – там, где в первую очередь происходит выбор соотношения европеизма и атлантизма – это выражается в том, что любая современная операция, связанная с использованием вооруженных сил, в конечном счете, опирается на «коалицию желающих» - группу стран, считающих для себя возможным принимать участие в этой конкретной операции. Именно в политическом развитии отдельных стран, в противоборстве политических групп внутри них следует, в конечном счете, выявлять те особенности отношения к европеизму и атлантизму, которые складываются в общеевропейскую «равнодействующую».